

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 4

2025 г.

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Вестник Московского Международного Университета

Научный электронный журнал
№ 4(8), 2025 г.
Выходит 4 раза в год

Москва, 2025 год

УЧРЕДИТЕЛЬ:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Манюшис А.Ю., д-р экон. наук, проф. (главный редактор)
Чепкасова Е.А., канд. экон. наук, доц. (зам. главного редактора)
Ильинская Е.В., канд. экон. наук, доц. (ответственный секретарь)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Бузинова Л.М., д-р филол. наук, доц., дир. института иностранных языков Московского международного университета

Кирикова М.И., канд. пед. наук, доц., зав. каф. психологии и педагогики Московского международного университета

Кожина В.О., канд. экон. наук, доц., зав. каф. менеджмента Московского международного университета

Мельниченко Н.Ф., канд. экон. наук, доц., зав. каф. государственного и муниципального управления Московского международного университета

Нагаева И.А., д-р пед. наук, доц., зав. каф. естественно-научных дисциплин Московского международного университета

Новиков А.А., д-р экон. наук, доц., зав. каф. экономики и финансов Московского международного университета

Полозова Т.П., канд. психол. наук, доц., зав. каф. психологии Московского международного университета

Шикула И.Р., д-р юрид. наук, доц., зав. каф. гражданского и уголовного права и процесса Московского международного университета

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Белянина И.В., канд. экон. наук, доц., кафедры экономики и управления Московского международного университета

Бузинова Л.М., д-р филол. наук, доц., дир. института иностранных языков Московского международного университета

Кирикова М.И., канд. пед. наук, доц., зав. каф. психологии и педагогики Московского международного университета

Кожина В.О., канд. экон. наук, доц., зав. каф. менеджмента Московского международного университета

Мельниченко Н.Ф., канд. экон. наук, доц., зав. каф. государственного и муниципального управления Московского международного университета

Нагаева И.А., д-р пед. наук, доц., зав. каф. естественно-научных дисциплин Московского международного университета
Новиков А.А., д-р экон. наук, доц., зав. каф. экономики и финансов Московского международного университета
Полозова Т.П., канд. психол. наук, доц., зав. каф. психологии Московского международного университета
Усов Н.В., канд. экон. наук, доц., зав. каф. рекламы и связей с общественностью Московского международного университета
Задорожная Е.В., канд. юр. наук, исполняющая обязанности зав. каф. гражданского и уголовного права и процесса Московского международного университета
Пряникова Н.Г., канд. пед. наук, исполняющая обязанности зав. каф. физической культуры Московского международного университета
Юрченко А.А., канд. физ.-мат. наук, исполняющая обязанности зав. каф. информационных технологий Московского международного университета
Лаптев С.В., д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и финансов Московского международного университета
Пашковская Н.Д., канд. пед. наук, доц., зав. каф. лингвистики и межкультурной коммуникации Московского международного университета
Толмачева И.В. канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента Московского международного университета
Абдурахманов Р.А. канд. психол. наук, доц. каф. психологии Московского международного университета
Гневашева В.А. д-р экон. наук, доц., проф. кафедры педагогики и психологии Московского международного университета
Распопова С.С., д-р филол. наук, проф., зав. каф. журналистики Московского международного университета
Мокеева Е.Ю., канд. экон. наук, доц., зав. каф. юриспруденции Московского международного университета

Вестник Московского Международного Университета [Электронное издание] /
МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. – Москва: Изд-во Московс.
межд. ун-та, 2025. – Текст. Изображение: электронные.

В38

ISSN 3034-2023

Журнал проиндексирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

И.А. Абдукаримов, Н.А. Сумарокова

СОХРАНЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА РЕДАКТОРСКОЙ КОЛОНКИ
В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
«THE GUARDIAN» КЭТРИН ВИНЕР)

I.A. Abdukarimov, N.A. Sumarokova

PRESERVING LANGUAGE PECULIARITIES OF K. VINER'S EDITORIAL COLUMN
IN "THE GUARDIAN" IN TRANSLATION 10

Е.А. Агатова, Д.В. Бабичев, Е.В. Новикова

ОСОБЕННОСТИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ МАКРОСРЕДЫ

E.A. Agatova, D.V. Babichev, E.V. Novikova

FEATURES AND CURRENT PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF MANUFACTURING INDUSTRY
OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN THE CONDITIONS
OF UNSTABLE MACROENVIRONMENT 15

М.М. Акиндинова, Ю.В. Павлова, Н.В. Лайкова

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ВУЗАХ
С УЧЕТОМ ЗАПРОСОВ СТУДЕНТОВ

M.M. Akindinov, U.V. Pavlova, N.V. Laikova

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL EDUCATION
IN UNIVERSITIES, TAKING INTO ACCOUNT THE NEEDS OF STUDENTS 24

Н.М. Анохина, П.С. Усова

РОЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ
В ПРОЦЕССЕ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

N.M. Anokhina, P.S. Usova

THE ROLE OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND POLITICAL PARTIES IN THE PROCESS OF
SOCIAL CONSOLIDATION: INSTITUTIONAL
AND SOCI-POLITICAL ASPECTS 29

Т.Ю. Астапова

О НАВЯЗЫВАНИИ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ) ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОГОВОРОВ

T.Y. Astapova

ABOUT IMPOSING GOODS (WORKS, SERVICES) WHEN CONCLUDING ELECTRONIC CONTRACTS 34

С.Ф. Башкиров

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ БРИТАНСКОЙ МОДЕЛИ ПРЕССЫ: ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

S.F. Bashkirov

APPROACHES TO THE FORMATION OF THE BRITISH PRESS MODEL:
A REVIEW OF ACADEMIC LITERATURE 38

Л.М. Бузинова, А.В. Динмагомедова

ИРОНИЯ И САМОИРОНИЯ КАК СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РЕЧИ ХИЛЛАРИ КЛИНТОН

L.M. Buzinova, A.V. Dinmagomedova

IRONY AND SELF-IRONY AS STRATEGIES FOR OVERCOMING GENDER STEREOTYPES
IN HILLARY CLINTON'S SPEECH 42

Л.М. Бузинова, М.С. Четвертухин

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
КАК ЭЛЕМЕНТ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА

L.M. Buzinova, M.S. Chetvertukhin

PROFESSIONAL IDENTITY OF A UNIVERSITY TEACHER AS AN ELEMENT
OF PUBLIC DISCOURSE 47

Т.В. Ведерникова, Е.В. Березин ВИЗУАЛЬНЫЙ МЕДИАТЕКСТ В ВИДЕОИГРАХ: ВЛИЯНИЕ ДИНАМИЧЕСКИХ И ГРАФИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ НАРРАТИВА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИГРОКОМ	
T.V. Vedernikova, E.V. Berezin VISUAL MEDIA TEXT IN VIDEO GAMES: THE INFLUENCE OF DYNAMIC AND GRAPHIC COMPONENTS ON NARRATIVE AND INTERACTION WITH PLAYER	52
О.Ю. Вершинская ВОЗМОЖНОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПРИМЕРЕ МАТЕМАТИКИ	
O.Yu. Vershinskaya OPPORTUNITIES, CHALLENGES, AND PROSPECTS OF INTRODUCING ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO EDUCATIONAL PROCESSES USING MATHEMATICS AS AN EXAMPLE.....	55
Е.В. Власова ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОЯВЛЕНИЙ ПОДРОСТКОВОЙ ЗАСТЕНЧИВОСТИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	
E.V. Vlasova DIGITAL ENVIRONMENT AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF ADOLESCENT SHYNESS MANIFESTATIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS.....	63
Е.В. Власова, М.А. Кожевникова АЛЕКСИТИМИЯ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПРЕДИКТОРОВ ПСИХОСОМАТИЗАЦИИ У ПАЦИЕНТОВ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА В ОБЩЕМЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКЕ	
E.V. Vlasova, M.A. Kozhevnikova ALEXITIMIA AS ONE OF THE KEY PREDICTORS OF PSYCHOSOMATIZATION IN YOUNG PATIENTS IN GENERAL MEDICAL PRACTICE	67
Джанг Ксяожинг, О.А. Санникова ИССЛЕДОВАНИЕ ОШИБОК В УПОТРЕБЛЕНИИ РАЗДЕЛЯЕМЫХ СЛОВ НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА ПИСЬМЕННЫХ РАБОТ HSK	
Zhang Xiaojing, O.A. Sannikova A STUDY OF ERRORS IN THE USE OF SEPARABLE WORDS: A STUDY BASED ON THE HSK WRITING CORPUS	74
Н.А. Долганова, И.Д. Дудин РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ АВТОМАТИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ОРГАНИЗАЦИИ	
N.A. Dolganova, I.D. Dudin DEVELOPMENT OF A CORPORATE DOCUMENT MANAGEMENT AUTOMATION STRATEGY IN AN ORGANIZATION.....	80
Н.А. Долганова, С.Н. Иванов ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В СФЕРЕ ОФИСНО- СКЛАДСКОЙ НЕДВИЖИМОСТИ	
N.A. Dolganova, S.N. Ivanov FEATURES OF FINANCIAL CONDITION ANALYSIS FOR A SMALL BUSINESS IN THE OFFICE AND WAREHOUSE REAL ESTATE SECTOR.....	84
Н.А. Долганова, С.И. Осипова ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	
N.A. Dolganova, S.I. Osipova FEATURES OF THE MODERN PERSONNEL MOTIVATION SYSTEM IN ORGANIZATIONS: THEORY AND PRACTICE	92

В.Е. Зотов

СОВРЕМЕННЫЕ БИБЛИОТЕЧНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПЛАТФОРМЫ:
СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

V.E. Zotov

LIBRARY INFORMATION PLATFORMS: ESSENCE AND FUNCTIONS 99

У.Ю. Иванова, А.П. Игнатьева

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ
И ФУНКЦИЙ СОВРЕМЕННОГО МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА

U.Yu. Ivanova, A.P. Ignatyeva

DIGITALIZATION OF MEDIA COMMUNICATIONS: TRANSFORMATION
OF THE STRUCTURE AND FUNCTIONS OF THE MODERN MEDIA SPACE 104

С.А. Измайлова, Д.В. Куликов

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ РАЗНООБРАЗНЫХ СТРАТЕГИЙ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

S.A. Izmailova, D.V. Kulikov

FEATURES OF THE APPLICATION OF VARIOUS PERSONNEL MANAGEMENT STRATEGIES
IN MODERN CONDITIONS 107

Л.П. Казакова

ОТРАЖЕНИЕ ОТРАЖЕНИЯ: ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНТАМИ-ПСИХОЛОГАМИ
ОБРАЗОВ ПРАКТИКУЮЩЕГО ПСИХОЛОГА, СГЕНЕРИРОВАННЫХ НЕЙРОСЕТЬЮ

L.P. Kazakova

REFLECTION OF REFLECTION: PSYCHOLOGY STUDENTS' PERCEPTION
OF PRACTICAL PSYCHOLOGIST IMAGES GENERATED BY A NEURAL NETWORK 116

А.А. Казимирчук

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В СФЕРЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

A.A. Kazimirschuk

ADMINISTRATIVE AND LEGAL CONTROL AND SUPERVISION IN THE FIELD
OF ILLEGAL MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION 122

А.В. Касьяненко

ЛИЧНЫЙ БРЕНД ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ/ЭКСПЕРТА КАК КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

A.V. Kasyanenko

PERSONAL BRANDING OF AN ENTREPRENEUR/EXPERT AS A COMPETITIVE ADVANTAGE
IN THE DIGITAL ECONOMY 126

А.И. Коломиец

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ПРЕИМУЩЕСТВ ЭКОСИСТЕМ

A.I. Kolomiets

RUSSIAN EXPERIENCE OF ECOSYSTEM BENEFITS 130

А.М. Куприн

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «КОРРУПЦИЯ»
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ И ДЕБАТАХ США

A.M. Kuprin

VERBALIZATION OF THE CONCEPT OF «CORRUPTION» IN POLITICAL ADVERTISING
AND DEBATES IN THE USA 134

Л.Н. Курякова, Е.С. Куманцова, Е.В. Коробова

РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ У СТУДЕНТОВ-ВОЛЕЙБОЛИСТОВ
В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОГО ТРЕНИРОВОЧНОГО ВРЕМЕНИ

L.N. Kuryakova, E.S. Kumantsova, E.V. Korobova DEVELOPING SPECIAL ENDURANCE IN UNIVERSITY VOLLEYBALL PLAYERS WITH LIMITED TRAINING TIME	139
О.В. Маркова УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ МОСКВЫ ЧЕРЕЗ СОЗДАНИЕ ИНКЛЮЗИВНОЙ СРЕДЫ	
O.V. Markova SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MOSCOW THROUGH THE CREATION OF AN INCLUSIVE ENVIRONMENT	143
О.В. Маркова, Е.А. Суслов ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ Г. МОСКВЫ	
O.V. Markova, E.A. Suslov DIGITAL TRANSFORMATION OF CITY MANAGEMENT: THE CASE OF MOSCOW	148
О.В. Маркова, К.С. Успенский СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ С МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ С ПРИМЕНЕНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	
O.V. Markova, K.S. Uspenskiy IMPROVING THE INTERACTION OF THE POPULATION WITH THE MUNICIPAL AUTHORITIES USING MODERN TECHNOLOGIES	155
О.В. Матвеева, Л.В. Богущая МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ГАРМОНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ	
O.V. Matveeva, L.V. Bogutskaya METHOD FOR ASSESSING THE HARMONIZATION OF THE PERSONALITY'S INTERNAL STATE	160
О.С. Михно, К.Н. Баулина ДИНАМИКА НЕГАТИВНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА В СИТУАЦИЯХ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ИСХОДОМ	
O.S. Mikhno, K.N. Baulina DYNAMICS OF NEGATIVE MENTAL STATES OF CADETS OF A MILITARY UNIVERSITY IN SITUATIONS OF EDUCATIONAL ACTIVITIES WITH AN UNCERTAIN OUTCOME	164
Р.А. Новиков, А.А. Новиков МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ГРУППЫ КОМПАНИЙ	
R.A. Novikov, A.A. Novikov MODELS OF CONSTRUCTING THE ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF A MODERN GROUP OF COMPANIES	169
Н.А. Филиппов БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И МЕДИЙНЫЙ ФЕНОМЕН	
N.A. Filippov CHARITY AS SOCIAL AND MEDIA PHENOMENON	175
Е.А. Чепкасова, В.О. Кожина, С.А. Измайлова ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ	
E.A. Chepkasova, V.O. Kozhina, S.A. Izmailova DIGITAL TOOLS AND THEIR IMPACT ON MANAGEMENT DECISIONS	183
Н.В.Шмагринская, Е.М. Кожевникова РОЛЬ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ И СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА В ОБЕСПЕЧЕНИИ КАЧЕСТВА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА	

N.V. Shmagrinskaya, E.M. Kozhevnikova

THE ROLE OF BACKGROUND KNOWLEDGE AND SPECIALIZATION OF A TRANSLATOR IN ENSURING THE QUALITY OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TRANSLATION	189
--	-----

СОХРАНЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА РЕДАКТОРСКОЙ КОЛОНКИ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «THE GUARDIAN» КЭТРИН ВИНЕР)

И.А. Абдукаримов, Н.А. Сумарокова

Статья посвящена проблеме сохранения авторского стиля журналиста в переводе публицистического текста. В работе рассматриваются особенности передачи языковых средств, выражающих содержательные и прагматические, включая образно-оценочные, компоненты редакторских колонок, публикуемых К. Винер в издании «The Guardian». Анализируемый материал трактуется с учетом традиционно предъявляемых к переводу требований адекватности и эквивалентности.

Ключевые слова: перевод публицистического текста, перевод редакторской колонки, адекватность перевода, прагматический аспект в переводе, авторский стиль журналиста

PRESERVING LANGUAGE PECULIARITIES OF K. VINER'S EDITORIAL COLUMN IN "THE GUARDIAN" IN TRANSLATION

I.A. Abdukarimov, N.A. Sumarokova

This article examines the issue of preserving a journalist's stylistic peculiarities in translation. The paper focuses on the linguistic means used to express the semantic and pragmatic aspects of journalistic texts, including the figurative and evaluative ones, based on the editorial columns published by Katharine Viner in "The Guardian". The interpretation of the material analysis takes into account the requirements of adequacy and equivalence of translation.

Keywords: journalistic text translation, editorial translation, translation adequacy, pragmatic aspects in translation, journalistic style

Актуальность представленной работы обусловлена ростом интереса исследователей-переводоведов к проблеме сохранения авторского стиля и передаче содержательно-прагматических компонентов и установок, свойственных оригинальному тексту. Этот аспект важен в контексте обращения к антропоцентрической парадигме и методологии лингвистического и переводческого анализа, в рамках чего личность и субъективный опыт автора, а также специфика используемых языковых средств имеют первостепенное значение.

Новизна состоит в том, что впервые исследуется проблема сохранения в переводе авторских особенностей стиля К. Винер, яркого представителя современной британской «качествен-

ной прессы» (*quality papers*); а также недостаточной изученности стиля редакторской колонки через призму внимания к индивидуальному стилю и личности автора текста (в отличие от интереса к специфике перевода авторского стиля текста в художественной литературе). **Цель** работы состоит в выявлении стратегий, способов передачи особенностей языка редакторской колонки как типа журналистского текста при переводе с английского на русский язык (на материале публикаций главного редактора «The Guardian» Кэтрин Винер).

Объектом исследования являются редакторской колонки К. Винер в издании «The Guardian», а **предметом** – стратегии и способы перевода средств вербализации авторского язы-

ка журналистки с английского на русский язык. **Методы** исследования включают в себя метод контекстуального анализа, методы лингвистического, лингвостилистического, лингвопрагматического анализа, а также описательный метод.

Жанр публицистического текста редакторской колонки (в английской медиасреде – *editorial*), несмотря на свою важность в выражении стратегий действия медиаиздания и позиции ключевых персон, в нем работающих, относительно недавно стал объектом пристального внимания лингвистов. Традиционно он понимался как существующий в периодических изданиях тип текста, который направлен на наделение прессы своим особым и влиятельным местом в общественно-политической жизни страны [1, с. 21]. Как отмечают исследователи, «газетный язык сочетает рациональную и эмоциональную составляющие и выполняет регулятивную и воздействующую функции, в то же время «публицистика сберегает тепло подлинной жизни». Поэтому в современной теории перевода уделяется большое внимание описанию и анализу лексико-фразеологических, стилевых соответствий оригинального и переводного текстов» [2, с. 40]. Содержательное наполнение текстов этого жанра напрямую связано с тематикой издания (в «The Guardian», являющимся леволиберальным изданием, посвященным общественно-политической проблематике, смысловое наполнение редакторской колонки отражает продвигаемые им ценности). С. Постема указывает, что специфика жанра колонки состоит в том, что ему свойственно авторское начало, а содержание и прагматический потенциал характеризуется потребностью самовыражения [3, с. 1310], в то время как исследовательских работах подчеркивается и важность отсутствия жестких рамок в изложении информации и выборе языковых средств [4, с. 163].

Как указывает Е.А. Никонова, ключевая цель редакторской колонки как жанра и типа тек-

ста – освещение какого-то узкого вопроса в рамках содержательно-тематических особенностей издания, а не глобальной тематики, поскольку колонка имеет практическую ценность для аудитории и должна сформировать определенное понимание описываемого явления и предложить возможные действия/решения, с ним связанные [5, с. 58]. Речь идет о том, что авторская колонка содержит не абстрактную информацию, а привязана к конкретной проблеме, в связи с чем характеризуется выраженным прагматическим воздействующе-манипулятивным потенциалом.

Следует отметить, что «медиадискурс — широкое понятие, включающее в себя не только все виды СМИ, но и публичные выступления политиков, общественных деятелей и т.д., т.е. устные и письменные тексты различной тематики – политические, экономические, спортивные и многие другие» [6, с. 52]. Уникальная стилистика жанра редакторской колонки определяется его целевой установкой, состоящей в том, чтобы сформулировать позицию издания по определенному вопросу/явлению и оказать влияние на общественно-политическую мысль. В результате субъективность и мнение в тексте редакторской колонки являются ее неотъемлемой составляющей, позволяющей достигать прагматических целей текста, в связи с чем тексты этого типа часто сопровождаются эмоциональным языком и жесткими формулировками, наполненными экспрессивностью и оценочными компонентами значения [7, с. 105]. В этой связи, тексты этого жанра характеризуются, с одной стороны, высоким аргументативным потенциалом, с другой – изобилуют авторскими языковыми средствами, номинациями, построенными, в том числе, на образах, аллюзиях и прочих выразительных элементах языка [8, с. 84].

Проблема перевода публицистических текстов и редакторской колонки в частности состоит в важности достижения адекватности перевода, что проявляется в применении стратегий праг-

матической адаптации, обеспечивающих выражение в тексте перевода всех ключевых жанровых и текстуальных компонентов оригинала: авторского замысла и позиции, выразительных средств, прагматической цели публикации, свойственной ей аргументации [9, с. 128; 10].

Необходимо рассмотреть особенности и проблемы передачи элементов авторского стиля и жанрового своеобразия редакторской колонки на материале публикаций Кэтрин Винер, главного редактора британского издания «The Guardian» [10].

Общественно-политическая позиция редакции издания проявляется в критике деятельности Д. Трампа, что выражается в обвинениях в его адрес по разным вопросам, в том числе и в контексте нападок на свободу слова: «*One of the most dramatic global shifts against whistleblower safety comes as part of the Trump administration's continued assault on the free press*» [11]. Этот фрагмент статьи содержит негативно окрашенные лексические единицы «continued assault on the free press», которым формулируется обвинение в отношении Д.Трампа. Для того, чтобы сохранить содержательные и прагматические особенности высказывания в переводе, выделенное словосочетание следует перевести как «непрекращающиеся нападки администрации Трампа на свободную прессу». В этом варианте лексема «непрекращающиеся» имеет негативно-критические коннотации, а также используется лексема «нападки», характеризующаяся негативной семантикой, что соответствует оценке ситуации редактором.

Для критики Трампа используется также и политическая терминология, которой К. Винер обозначает сформировавшуюся политическую систему в США после избрания Трампа президентом. «*Throughout those tumultuous four years we never minimised or normalised the threat of Trump's authoritarianism*» [11]. Словосочетание «the threat of Trump's authoritarianism» содержит

термин «authoritarianism», обозначающий авторитарную власть, и эта лексема является средством выражения критики. Для усиления прагматического воздействия на аудиторию используется существительное «threat». Адекватный перевод этого словосочетания может быть выполнен следующим образом: «угроза, исходящая от авторитаризма Трампа». Употребление лексем «угроза» и «авторитаризм» позволяет передать неприязненное отношение к Д. Трампу со стороны главного редактора издания, а также сохранить эмоциональное воздействие текста на аудиторию.

Ценности издания, возглавляемого К. Винер, также находят свое воплощение в публикациях и требуют внимания при обеспечении надлежащего качества перевода: «*Its goal is to bridge community divides and provide an antidote to populism and extremism*» [11]. Этот фрагмент отражает продвигаемые изданием цели, связанные с недопущением раскола общества по расовым, этническим, социальным критериям («bridge community divides»), а также подчеркивает стремление издания не допускать распространения популистских политических идей («an antidote to populism and extremism»). Для перевода содержащего метафору словосочетания «bridge community divides» применяется модуляция, обеспечивающая передачу содержательно-прагматического наполнения: «объединить общество», при использовании этой стратегии наблюдается демегафоризация. В свою очередь, метафора в словосочетании «provide an antidote to populism and extremism», построенная на образе противостояния, передается антонимическим переводом как «не допустить распространения популизма и экстремизма». В тексте перевода удастся воссоздать субъективную позицию главного редактора, выраженную в цитируемой колонке.

Тексты редакторских колонок К. Винер наполнены стилистическими средствами. Цель их использования заключается в формирова-

нии смысловых акцентов, выражении авторской позиции по упоминаемым проблемам: «*Secure Messaging is the latest tool in our armoury to protect whistleblowers*» [11]. Метафора «the latest tool in our armoury» формирует у читателей ощущение ведущейся войны в общественно-политическом и медийном пространстве, что характеризуется выраженным воздействующим потенциалом текста. В переводе эта метафора может быть передана как «наше новейшее вооружение», что позволяет сохранить ассоциации и коннотации, закладываемые в текст военной метафорой.

Отдельное внимание в текстах редакторских колонок К. Винер занимает подчеркивание собственной эффективности, что направлено на формирование позитивного имиджа издания в глазах аудитории. «*Our thanks to those of you who have already donated and to those we hope to persuade to give: what started in a spirit of rage ends, instead, in a spirit of hope*» [11]. Для указания на трансформации в обществе, осуществляемые в том числе и под влиянием издания «The Guardian», используется антитеза «spirit of rage» – «spirit of hope». Обеспечение адекватного перевода этого фрагмента колонки осуществляется за счет сохранения антитезы, которая формируется противопоставляемыми в данном контексте по смыслу лексемами «гнев» и «ненависть», в сочетании с опущением, так как в русскоязычном переводе не используется эквивалент существительного «spirit». Предложенный вариант перевода сохраняет содержательно-прагматические особенности оригинального текста.

Отдельного внимания заслуживает описание личных субъективных переживаний, выражаемых в редакторских колонках К. Винер: обращение к конструкциям этого типа указывает на то, что данный жанр носит подчеркнуто индивидуально-авторский характер. «*David Olusoga, one of Britain's top historians who happens to sit on the Scott Trust, was not surprised; this history had, in many ways, been hiding in plain sight. As editor-*

in-chief of the Guardian, I felt sick to my stomach» [11]. Конструкция «I felt sick to my stomach» является средством указания на высшую степень переживаний, связанных с открывшейся в ходе журналистского расследования фактической информацией. Чтобы сохранить эмоциональность и подчеркнуть личный характер переживаний, выраженный этим фрагментом текста колонки, в переводе на русский язык можно использовать прагматически сходную конструкцию «у меня ноги подкосились». Этот вариант, основанный на подборе эквивалентной по смыслу конструкции, позволяет сформировать адекватный перевод, с учетом узуса русского языка.

Чтобы подчеркнуть тот факт, что К. Винер описывает проблему, исходя из собственных личных взглядов и ценностей, в редакторской колонке используются языковые средства с оценочной семантикой: «*I remember when I was first told about the investigation: what struck me was the sheer scale of it all*» [11]. Употребление прилагательного «sheer» указывает на негативную оценку ситуации и масштабов ее распространения, и это значение интерпретируется именно исходя из контекста. Эмоциональность высказывания и формулировка личных переживаний автора колонки выражается конструкцией «what struck me»: она указывает на яркость эмоционального отклика. Важной задачей в переводе этого фрагмента текста колонки является сохранение его прагматических особенностей и эмоциональной составляющей. В этой связи, предложение «What struck me was the sheer scale of it all» передается с использованием эквивалентных языковых средств – «Что меня больше всего поразило – так это масштабы происходящего». Свойственная оригиналу эмоциональность передается за счет глагола «поразило» – он характеризуется экспрессивностью, в то время как причина переживаемых негативных эмоций выражена словосочетанием «масштабы происходящего». Трактовка этого высказывания на основа-

нии контекста позволяет сохранить заложенные в оригинале негативные коннотации.

По результатам проведенного исследования было установлено, что при переводе текстов редакторских колонок К. Винер – главного редактора «The Guardian» – на первый план выходит сохранение содержательных и прагматических особенностей публикаций. В силу того, что редакторская колонка как жанр обладает выраженным субъективным характером оценок и трактовки информации, часто эмоциональной, а также является средством формулирования политики издания, перевод тек-

стов этого типа требует корректной интерпретации смыслового и воздействующего потенциала при использовании адекватных средств языка перевода. Были рассмотрены примеры перевода компонентов текстов авторских колонок К. Винер, выражающих политические предпочтения, ценностные ориентиры самого редактора и издания в целом, а также определены стратегии перевода, применяемые к стилистическим средствам и единицам с эмоциональной и оценочной семантикой, при условии сохранения их прагматического потенциала в тексте перевода на русском языке.

Список литературы

1. **Anderson, R.S.** Perspective on Analytical Writing a Focus on Feature and Editorial Writing. – New York: Author House, 2021. – 196 p. – Текст : непосредственный.
2. **Сайдашев, Т.А., Хабибуллина, Э.А.** Особенности передачи тропов публицистических текстов английского языка при переводе на русский язык // Казанский вестник молодых ученых. – 2021. – Том 5. – № 5. – С. 40-46. – Текст : непосредственный.
3. **Postema, S.** Artistic Journalism: Confluence in Forms, Values and Practices // Journalism Studies. – 2020. – No. 21. – P. 1305–1322. – Текст : непосредственный.
4. **Котова, К.Ю.** Колумнистика в современных интернет-СМИ // Вестн. Адыг. гос. ун-та. – 2020. – Вып. 2 (237). – С. 162–167. – Текст : непосредственный.
5. **Никонова, Е.А.** Жанр editorial в англоязычной качественной прессе // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2022. – № 3(221). – С. 56-66. – Текст : непосредственный.
6. **Трегубова, Ю.А., Лаврищева, Е.В.** Языковая метафора в экономическом медиадискурсе: стратегии перевода // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 48-66. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-metafora-v-ekonomicheskom-mediadiskurse-strategii-perevoda/> (дата обращения 19.10.2025).
7. **Ngai, J.** Evaluation Across Newspaper Genres: Hard News Stories, Editorials and Feature Articles. – London: Routledge, 2022. – 242 p. – Текст : непосредственный.
8. **Коломиец, Е.А.** Редакторская колонка: многоликий жанр // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2024. – № 1. – С. 78-89. – Текст : непосредственный.
9. **Примаченко, А.С.** Особенности передачи оценочного значения при переводе текстов публицистического стиля // Гуманитарный форум в Политехническом. – Санкт-Петербург: СПбГУ им. Петра Великого, 2025. – С. 127-131. – Текст : непосредственный.
10. **Седых, А.П.** «Дискурсная» языковая личность Ренатуса Картезиуса: пролегомены интерпретативной реконструкции / А. П. Седых, Л. М. Бузинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 1252-1259. – DOI 10.30853/phil20220177. – EDN MBYGLU.
11. Guardian Editorial by K. Viner. – URL: <https://www.theguardian.com/profile/katharineviner> (дата обращения: 21.10.2025).

УДК 332

ОСОБЕННОСТИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ МАКРОСРЕДЫ

Е.А. Агатова, Д.В. Бабичев, Е.В. Новикова

В статье рассмотрена динамика и взаимосвязь ключевых экономических индикаторов Республики Башкортостан за период 2018–2023 гг. Выдвинуты и последовательно подтверждены одно основное и несколько дополнительных предположений про обрабатывающую промышленность. Выведены особенности взаимосвязей показателей на основе факторного анализа мультипликаторов, мультипликативных эффектов и оценки регрессий. Представлены сложившиеся тренды за 2023–2024 гг. и прогнозы социально-экономического развития республики.

Ключевые слова: Республика Башкортостан, отрасли-триггеры, обрабатывающая промышленность, социально-экономическая политика, ГЧП, инфраструктурные проекты, закредитованность, капиталовооруженность, капиталоемкость, сальдированный финансовый результат.

FEATURES AND CURRENT PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF MANUFACTURING INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN THE CONDITIONS OF UNSTABLE MACROENVIRONMENT

Е.А. Agatova, D.V. Babichev, E.V. Novikova,

The article considers the dynamics and relationship of key economic indicators of the Republic of Bashkortostan for the period 2018–2023. One basic assumption and a few additional assumptions about the manufacturing industry have been put forward and consistently confirmed. The features of interrelations of indicators were derived on the basis of factor analysis of multipliers, multiplicative effects and estimation of regressions. The current trends for 2023–2024 are presented and forecasts of socio-economic development of the republic.

Keywords: Bashkortostan, trigger industries, manufacturing industry, socio-economic policy, PPP, infrastructure projects, indebtedness, capital-labor ratio, capital intensity, balanced financial result.

За период 2022–2024 гг. в пакеты антироссийских санкций попали энергетический сектор, нефтегазовая и нефтеперерабатывающая промышленность, машиностроение и другие отрасли, которые являются основной специализацией Башкортостана. Из-за мировых шоков, усугубленных особенностями развития региона, изменения макросреды могут значительно искажать сложившиеся тренды ключевых показателей экономики региона.

На долю Республики Башкортостан в 2022 году приходилось 2,2% промышленного производства и 1,6% суммарного ВРП страны. Чтобы сохранить позиции в промышленной сфе-

ре, важно опираться на точные прогнозы развития. Однако в условиях сложной макроэкономической динамики и существующих сложностей ее прогнозирования, развитие обрабатывающей промышленности республики, на которую приходится около 30% ВРП, демонстрирует довольно интересную динамику взаимосвязи целого ряда ключевых показателей, оценка которых позволила в ходе исследования сформулировать определенные предположения и сделать аргументированные выводы.

Согласно среднесрочному прогнозу социально-экономического развития [1] Республики Башкортостан сохранятся наблюдавшиеся за 2023–

2024 гг. темпы роста основных индикаторов обрабатывающих производств: индекса производства, объема отгруженных товаров и выполненных услуг собственными силами. Поэтому остается актуальной необходимость выявления ключевых аспектов динамики обрабатывающей отрасли данного региона и факторов, определяющих эту динамику.

Оценка рейтинговых позиций региона за последние несколько лет позволяет сделать предположение, что пандемия 2020 г. и экономические санкции, введенные с начала 2022 г., оказали ощутимое негативное влияние на развитие ведущих отраслей Башкортостана, особенно обрабатывающей промышленности (табл. 1), тем самым подорвав его экономический потенциал.

Однако, как регион, имеющий диверсифицированную структуру отраслей, Башкортостан способен вернуться на траекторию постоянного роста и занять лидирующие позиции среди регионов России.

Рассмотрим динамику основных показателей региона за 6 лет (табл. 2).

По представленным данным очевиден устойчивый среднегодовой темп роста ВРП на душу населения и среднедушевого дохода при стабильной численности населения. Это указывает на экономическое развитие региона и повышение уровня жизни, что подтверждается 22 местом в РИА рейтинге 2024 г. российских регионов по качеству жизни [4].

По результатам анализа отраслевой структуры ВРП и динамики валовой добавленной стоимости компонентов по ИФО [2] выявлены отрасли, изменения которых сильнее всего повлияли на цепные темпы прироста ВРП, а также их доли, которые, как и ожидалось, были наибольшие. По этому принципу определены семь отраслей-триггеров (рис.1), причем главной является обрабатывающая промышленность. Это позволило сформулировать предположение, что главным отраслевым триггером формирования ВРП стали обрабатывающие производства.

Таблица 1.

Индекс физического объема ВРП ведущих отраслей Башкортостана за 2019-2023 гг., в процентах к предыдущему году

Переменные \ Год	2019	2020	2021	2022	2023
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	96,6	109,2	83,0	139,5	84,7
Добыча полезных ископаемых	109,1	107,4	115,4	102,4	99,9
Обрабатывающие производства	100,5	84,9	108,5	94,0	111,3
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	101,7	99,6	105,5	101,4	102,4
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	101,9	112,8	118,2	95,0	85,5

Источник: [2]

Таблица 2.

Динамика основных экономических показателей Республики Башкортостан за 2018–2023 гг.

Переменные \ Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Базисный темп роста	Средний темп роста
ВРП на душу населения (млрд. руб.)	422,1	438,2	412,8	492,5	542,8	604,3	141,4%	108%
Численность населения, млн. чел.	4,063	4,051	4,038	4,014	4,092	4,078	100,4%	100,07%
Среднедушевые доходы населения, тыс./мес.			29,83	31,94	36,46	40,02	134,2%	106,1%

Источники: [2,3]

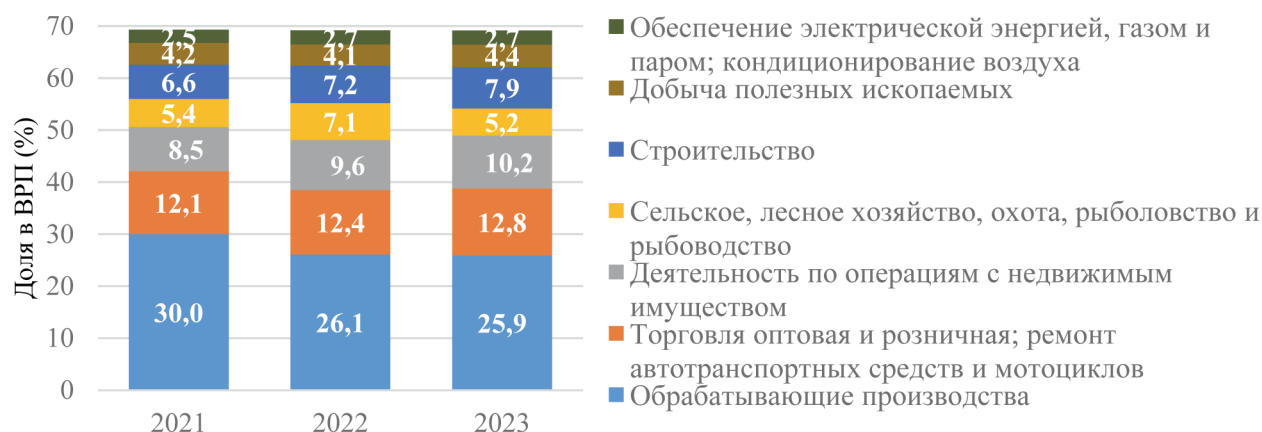

Рисунок 1. Отрасли-триггеры ВРП

Источник: составлено авторами на основе материалов [2]

Справедливость данного предположения была доказана на основе анализа инвестиций в основную капитал за 2024 год по видам экономической деятельности [2]. Так, наибольшую долю занимают инвестиции по трем направлениям (табл. 3).

В целом инвестиции в обрабатывающие производства региона в 2024 году, согласно данным по объёму инвестиций по видам экономической деятельности, заняли второе место (20,2%), уступая только показателю вложенных инвестиций в транспортировку и хранение (33,6%).

Для подтверждения значимой роли обрабатывающей отрасли в экономике региона был

рассчитан мультипликатор (MULT) и мультипликативный эффект (табл. 4). Результаты расчета позволили увидеть, как изменение валовой добавленной стоимости обрабатывающих производств, произошедшее за 1 год, повлияло на изменение общего объема инвестиций в основную капитал. Мультипликативный эффект показал положительную связь в 2021 и 2023 гг. Причем наибольший вклад внесли изменения в 2022 и 2019 гг.

Таким образом, можно сделать вполне аргументированный вывод, что обрабатывающие производства действительно являются основ-

Таблица 3.

Структура региональных инвестиций по видам основных фондов за 2024 г.

Инвестиции в основной капитал	Объем (млн. руб.)	В % к итогу
Здания (кроме жилых) и сооружения, расходы на улучшение земель	281 948,1	36
Жилые здания и помещения	243 068,4	31
Машины, оборудования, транспортные средства	212 904,2	27,2

Источник: [2]

Таблица 4.

Мультипликативный эффект инвестиций от валовой добавленной стоимости обрабатывающих производств в Республике Башкортостан

Переменные \ Год	2019	2020	2021	2022	2023
Δ инвестиций в основной капитал (млрд. руб.)	69,8	43	41,8	96,9	100,4
Δ обрабатывающих производств (млрд. руб.)	-22,1	-138,9	184,6	-26,9	58,8
MULT	-3,16	-0,31	0,23	-3,61	1,71

Источник: рассчитано авторами на основе материалов [2]

ным триггером динамики ВРП региона, т.к. их развитие способствует росту инвестиций в основной капитал. Следовательно, в Республике Башкортостан созданы хорошие условия, способствующие инвестированию в сферы, направленные на развитие обрабатывающей промышленности.

Далее рассмотрим ряд показателей, которые, по мнению авторов, наиболее наглядно отражают специфику развития региона. Прежде всего обратимся к демографии предприятий. Динамика численности организаций за 2018–2023 гг. не сопряжена с динамикой ВРП (табл. 5), поскольку число организаций ежегодно снижалось из-за сокращения доходов и платежеспособного спроса, коронавирусных и санкционных ограничений.

Сильнее всего пострадали малые и средние предприятия в обрабатывающей промышленности, что подтверждается сильным снижением доли стоимости данной отрасли в ВРП с 31,1% в 2019 г. до 24,9% в 2020 г. [6]. Однако оставшиеся на плаву предприятия, в основном крупные, расширили рабочие места, что снизило уровень безработицы (табл. 6).

Отметим, в 2021 и 2023 гг. наблюдался рост сальдированного финансового результата пред-

приятий обрабатывающих производств (табл. 7), причем в 2024 г. на них приходилась наибольшая доля прибыли (62,1%), но и вторая по величине доля убытков (12,4%) [2]. Это еще одна особенность обрабатывающей промышленности региона, которая объясняется нестабильностью развития составных отраслей из-за сильного давления экономических шоков 2020 и 2022 гг. В итоге, высокая доля убытков организаций обрабатывающих производств была сформирована за счет разорившихся малых и средних предприятий, а наибольшая доля прибыли – переживших экономические шоки крупных предприятий и организаций, образованных путем слияний и поглощений.

Немаловажную роль в развитии предприятий обрабатывающей отрасли играют меры государственной поддержки. Чтобы проанализировать влияние государственной на отраслевое развитие рассмотрим основные статьи расходов консолидированного бюджета. За 2019–2023 гг. в регионе наблюдался дефицит, рост расходов обгонял рост доходов (табл. 8).

Сферы, на которые регион выделял значительные расходы в 2023 г. [5]: образование (28,3%), национальную экономику (20,1%), социальную политику (18,8%) – непосредственно

Таблица 5.

Результаты оценки регрессии между количеством предприятий и ВРП Республики Башкортостан

Зависимая переменная	ВРП
Переменные	Оценки
<i>Количество предприятий</i>	-47,5
<i>Constant</i>	5519209
<i>R²</i>	0,86

Источник: рассчитано авторами на основе материалов [3]

Таблица 6.

Уровень безработицы Республики Башкортостан в 2019–2023 гг.

Год	2019	2020	2021	2022	2023
Уровень безработицы, %	4,4	5,9	4,3	3,4	2,3

Источник: [3]

Таблица 7.

**Сальдированный финансовый результат организаций обрабатывающих производств
за 2020–2023 гг. в регионе**

Год	2020	2021	2022	2023
Сальдированный финансовый результат организаций обрабатывающих производств, млрд. руб.	41,07	277,85	255,38	315,97

Источник: [5]

Таблица 8.

Сальдо регионального бюджета за 2019–2022 гг.

Год	2019	2020	2021	2022	2023
Дефицит консолидированного бюджета, млн. руб.	16 313	37 345	8 789	13 897	16 702

Источник: [3]

связаны с обрабатывающей отраслью. Так, реализация программ льготного заемного финансирования проектов в различных сферах обрабатывающей промышленности («Комплектующие изделия», «Стратегия», «Регион», «Энергосбережение», «Легпром», «Проекты лесной промышленности»), повышение уровня подготовки специалистов производственного сектора и финансирование других социальных программ способствует модернизации производства, снижению безработицы и росту реальных располагаемых доходов населения и спроса, в том числе на продукцию обрабатывающих производств. Кроме того, по фактору динамики реализации проектов ГЧП в 2022 году Башкортостан занял 6 место, поднявшись на 11 мест по сравнению с 2021 годом благодаря успешной реализации крупных инфраструктурных проектов, направленных также на развитие промышленности. Примером могут служить такие проекты, как строительство завода по производству цетаноповышающей присадки для дизельных топлив (ООО «М Синтез», 2019–2022), разработка группы Семёновских месторождений и строительство фабрики по переработке окисленных и золото-медно-цинковых руд (ООО «Семеновский рудник», 2019–2022). Все это подтверждает создание благоприятных условий для развития об-

рабатывающей промышленности и связанных с ней отраслей в регионе.

Представленные выше данные позволяют сделать вывод, что экономическая политика Республики Башкортостан направленная на поддержку промышленности, в целом способствовала динамичному развитию региона.

Тем не менее в аспекте социальных проблем динамика целого ряда показателей во многом оставляет ждать лучшего. Так, например, снижение общего уровня безработицы не способствовало более быстрому росту среднедушевых доходов населения относительно ИПЦ, и в период 2021–2022 гг. цены росли быстрее доходов (рис. 2).

Вероятно, что для поддержания жизни на прежнем уровне население было вынуждено брать кредиты. Данные предположения подтверждают расчеты предельной склонности к потреблению (МРС), посчитанные на базе статистических данных о потребительских расходах и располагаемых денежных доходов населения. Значение МРС >1 , что указывает на закредитованность населения (табл. 9).

В то же время ужесточение банковских требований на фоне высокой ключевой ставки ограничило возможность использовать кредиты как физическим лицам, так юридическим

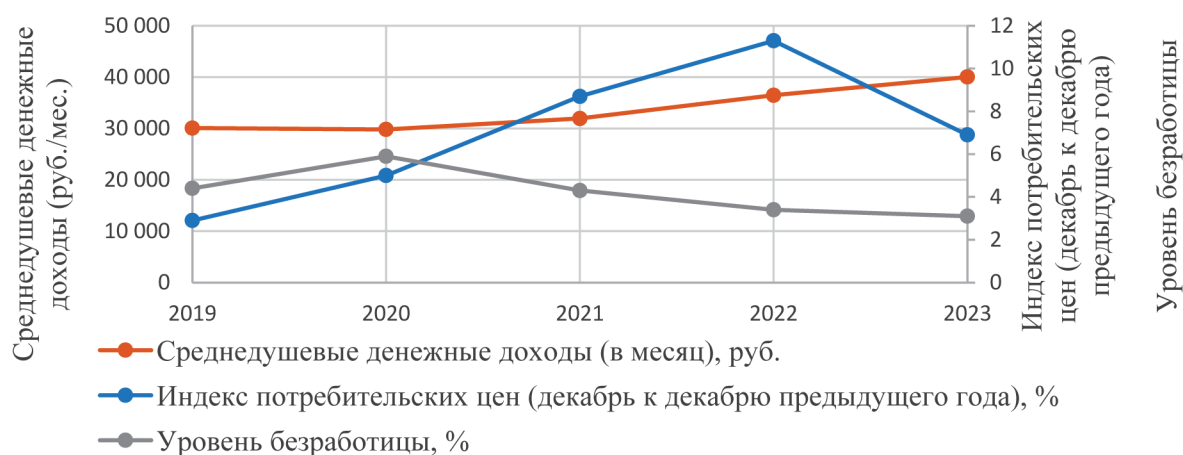

Рисунок 2. Динамика среднедушевых доходов и ИПЦ Республики Башкортостан
Источник: составлено авторами на основе материалов [3]

Таблица 9.

Предельная склонность к потреблению в регионе за 2018–2022 гг.

Год	2018	2019	2020	2021	2022
Темпы роста потребительских расходов (%)	104,5	105,2	94,2	111,7	110,8
Темпы роста располагаемого денежного дохода (%)	100,7	104,6	98,4	106,5	109,6
MPC	6,25	1,08	3,42	1,66	1,09

Источник: рассчитано авторами на основе материалов [6]

лицам, заставив последних в своей инвестиционной деятельности больше полагаться на собственные средства, в частности на прибыль (табл. 10).

Можно предположить, что между долей использования заемных средств и закредитованностью предприятий наблюдается отрицательная взаимосвязь, которая сильно чувствительна к изменениям ключевой ставки.

Значимое влияние ключевой ставки на потребительскую и инвестиционную активность подтверждается расчетными данными. Исходя

из оценок регрессии по данным с февраля 2019 по сентябрь 2024 гг. (табл. 11), сделаны следующие выводы. Во-первых, ключевая ставка ЦБ (RATE) оказывает значительное влияние на динамику средств на счетах организаций, депозитах и вкладах юр. и физ. лиц (FUNDS), что характерно для периода низких ставок (4,25–5% [7]) в пандемию 2020 г. и периода регулярного повышения ключевой ставки со второй половины 2023 г. Во-вторых, анализ задолженности юр. и физ. лиц (DEBT_L, DEBT_I, DEBT) показал высокий уровень закредитованности населения

Таблица 10.

Источники инвестиций в основной капитал Республики Башкортостан

Доли (в % к итогу) \ Год	2019	2020	2021	2022	2023
Собственные средства	53	60,4	61,2	64	56,4
Привлеченные средства	47	39,6	38,8	36	43,6
Из них					
кредиты банков	14,2	5,3	4,5	3,5	3,3
бюджетные средства	19,8	20,8	22,2	24	24

Источник: [2]

Таблица 11.

**Результаты оценки влияния ключевой ставки ЦБ на объем привлеченных средств
юр. и физ. лиц, а также на задолженность в регионе**

Переменная	RATE	
Зависимые переменные	Оценки	R ²
FUNDS	2549382	0,58
DEBT L	1067258	0,61
DEBT I	3506112	0,59
DEBT	4573370	0,62

Источник: рассчитано авторами на базе [15]

и организаций. Это объясняется инфляционными и ценовыми ожиданиями, а также ожиданиями о скором сокращении мер льготного кредитования, которые стимулировали рост объемов кредитования, особенно для физ. лиц, а высокие процентные ставки привели к быстрому росту задолженности. Причем наибольший объем кредитов, предоставленных юридическим лицам по видам экономической деятельности за 2022–2024 г., приходится именно на обрабатывающие производства: 28% по состоянию на 1 августа 2024 г. [8].

В условиях высокой закредитованности предприятий обрабатывающей промышленности дальнейшее увеличение долговой нагрузки несет существенные риски не только для отрасли, но и для региона в целом. Поэтому ключевым механизмом их поддержки являются дотации из государственного бюджета. За период 2019–2023 гг. наблюдается дефицит бюджета, который, с одной стороны, в дальнейшем может негативно отразиться на эффективности функционирования обрабатывающей промышленности, с другой – был обусловлен ростом ассигнований на поддержку промышленности в 2021–2023 гг. (в 2021 г. было выделено 1,2 млрд. руб., 2022 и 2023 гг. – 4,27 и 4,3 млрд. руб. соответственно), что способствовало росту инвестиций в обрабатывающие производства (2 место по объёму инвестиций по видам экономической деятельности в 2022 и 2023 гг. [2]). Другими факторами, объяс-

няющими дефицит государственного бюджета, являются безработица, ИПЦ и активная государственная поддержка – что доказала далее рассмотренная связь этих показателей. Так, в 2020 г. наибольшие значения дефицита 37 345 млн. руб. (табл. 8) обусловлены снижением налоговых поступлений из-за роста безработицы и ИПЦ до 5,9% и 105% соответственно (рис. 2), а также роста среднемесячного размера субсидий на одну семью до 2 102 руб. [3]. В 2021 г. наблюдалась обратная динамика перечисленных показателей, что привело к снижению дефицита бюджета до 8 789 млн. руб. Рост дефицита в 2022 г. до 13 897 млн. руб. обусловлен, в основном, снижением налоговых поступлений, вызванных ростом ИПЦ до 11,3%, а также ростом среднемесячного размера субсидий на одну семью до 1 710 руб.

Выделение бюджетных средств на финансирование инвестиций в промышленность стимулирует рост частных вложений в регионе. То есть создание благоприятных условий государством (ГЧП, программы льготного кредитования) способствовало росту частных инвестиций, при этом они остались преобладающими над государственными вложениями (табл. 10). Предположительно, данное соотношение частных и государственных инвестиций (табл. 12) является оптимальным для роста капиталовооруженности обрабатывающей отрасли.

Оценим данный механизм стимулирования частных инвестиций на основе взаимосвязи ВРП

Таблица 12.

Соотношение между частными и государственными инвестициями в регионе

Доли (в % к итогу) \ Год	2019	2020	2021	2022	2023
Собственные средства	72,8	74,4	73,4	72,7	70,2
Бюджетные средства	27,2	25,6	26,6	27,3	29,8

Источник: [2]

с капиталовооруженностью и капиталоемкостью обрабатывающей отрасли. Капиталовооруженность обрабатывающих предприятий региона была посчитана с использованием стоимости основных фондов и среднесписочной численности работников обрабатывающих производств, а капиталоемкость – инвестиций в основной капитал и объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами обрабатывающих производств. Так, капиталовооруженность и ВРП демонстрируют рост на всем периоде (табл. 13), можно заключить, что капиталовооруженность способствует росту ВРП за счет влияния на производительность труда. Таким образом, данные пропорции между частными и государственными инвестициями (73% к 27%) обеспечили рост капиталовооруженности и ВРП. В свою очередь, капиталоемкость также является фактором ВРП: ее высокие значения говорят о неэффективном использовании ресурсов и значительных требуемых инвестициях для производства единицы продукции, которые занимают много времени, и, в итоге, приводят к сокращению темпов роста ВРП. За 2020-2023гг. характеры изменений капиталоемкости и темпов роста ВРП совпадали: наблюдалось снижение капиталоемкости и

темпов роста ВРП в 2020 и 2022гг., и обратная связь в 2021 и 2023гг. Это указывает на то, что рост производства зависит, в первую очередь, от капитальных вложений, что характерно для капиталоемких промышленных отраслей.

Проведенный ретроспективный анализ по развитию обрабатывающей промышленности Республики Башкортостан в период 2019–2023 гг. показал её ключевую роль в формировании валового регионального продукта и инвестиционной активности. Несмотря на внешнеэкономические шоки и структурные ограничения, которые наблюдались в эти годы ввиду пандемии и напряженной геополитической обстановки, регион, и, в частности, обрабатывающие производства, продемонстрировали устойчивую динамику за счёт активной государственной поддержки, развития промышленной инфраструктуры и высокой капиталовооружённости отрасли. Основные вызовы, стоящие перед обрабатывающей промышленностью – высокая закредитованность и рост цен, опережающий рост доходов населения. Для дальнейшего устойчивого развития отрасли в регионе необходима координация фискальной и промышленной политики, стимулирование частных инвестиций и усиление мер социальной поддержки.

Таблица 13.

**Капиталовооруженность, капиталоемкость и ВРП
Республики Башкортостан за 2018–2023 гг.**

Переменные \ Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Капиталовооруженность (тыс. руб./ чел.)	3164	3456,6	3688,8	4126,4	4558,2	4736
Капиталоемкость ВРП (руб.)		0,903	-0,387	0,124	-0,726	0,342
Цепные темпы роста ВРП (%)	16,9	3,7	-6,1	19	10	11

Источник: рассчитано авторами на базе [2, 3]

Список литературы

1. Прогноз социально-экономического развития Республики Башкортостан на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 годов: Министерство экономического развития и инвестиционной политики Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economy.bashkortostan.ru/activity/22338/> (дата обращения 30.04.2025).
2. Федеральная служба государственной статистики по Республике Башкортостан (Росстат) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://02.rosstat.gov.ru> (дата обращения 30.04.2025).
3. Регионы России: основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2024: Стат. сб./ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). — Москва, 2024. — С. 447 – 453.
4. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2024: РИА Рейтинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riarating.ru/infografika/20250217/630276667.html> (дата обращения 30.04.2025).
5. Республика Башкортостан: 2021–2023. 2024: Стат. сб./ Федеральная служба государственной статистики по Республике Башкортостан (Росстат). — Уфа, 2024. — С. 54–55.
6. Реальные денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации (новая методология): Федеральная служба государственной статистики по Республике Башкортостан (Росстат) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 30.04.2025).
7. Ключевая ставка Банка России и инфляция: Центральный Банк России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/hd_base/infl/ (дата обращения 30.04.2025).
8. Объем кредитов, предоставленных юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям, по видам экономической деятельности и отдельным направлениям использования средств (на дату): Центральный Банк России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/ (дата обращения 30.04.2025).
9. Средства клиентов (средства на счетах организаций, депозиты (вклады) и другие привлеченные средства юридических и физических лиц): Центральный Банк России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/ (дата обращения 30.04.2025).

УДК 378.172.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ВУЗАХ С УЧЕТОМ ЗАПРОСОВ СТУДЕНТОВ

М.М. Акиндинова, Ю.В. Павлова, Н.В. Лайкова

В статье рассматривается необходимость модернизации системы физического воспитания в российских высших учебных заведениях с учётом меняющихся интересов и потребностей студенческой аудитории. Анализируются основные проблемы традиционного подхода к физической культуре в вузах, включая снижение мотивации, формальный подход к занятиям и несоответствие программ актуальным тенденциям. На основе анализа запросов студентов предлагаются направления реформирования физического воспитания: индивидуализация программ, внедрение цифровых технологий, расширение выбора видов активности и гибкая организация учебного процесса. Особое внимание уделяется практическим аспектам реализации модернизации и влиянию этих изменений на физическое и эмоциональное благополучие студентов.

Ключевые слова: физическое воспитание, высшее образование, мотивация студентов, индивидуализация, цифровые технологии, фитнес-культура, личностно-ориентированный подход.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL EDUCATION IN UNIVERSITIES, TAKING INTO ACCOUNT THE NEEDS OF STUDENTS

M.M. Akindinov, U.V. Pavlova, N.V. Laikova

The article discusses the need to modernize the physical education system in Russian higher education institutions, taking into account the changing interests and needs of the student audience. The main problems of the traditional approach to physical education in universities are analyzed, including a decrease in motivation, a formal approach to classes, and a lack of relevance of the programs to current trends. Based on the analysis of student requests, the article proposes directions for reforming physical education, including individualization of programs, the introduction of digital technologies, expanding the choice of activities, and a flexible organization of the educational process. Special attention is given to the practical aspects of implementing the modernization and the impact of these changes on the physical and emotional well-being of students.

Keywords: physical education, higher education, student motivation, individualization, digital technologies, fitness culture, and a person-centered approach.

В условиях стремительных социально-культурных изменений и повсеместной цифровизации современная молодёжь предъявляет новые требования к образовательной среде, в том числе и к системе физического воспитания. Традиционные формы и методы занятий в вузах зачастую не соответствуют актуальным интересам и уровню мотивации студентов, что приводит к снижению вовлечённости, низкой посещаемости и формальному отношению к физической активности.

Современный студент – это личность с индивидуальными целями, высоким уровнем информационной насыщенности и ограниченным временем [1]. В этих условиях особенно остро встаёт вопрос адаптации физического воспитания к реальным запросам обучающихся: гибкости расписания, вариативности форматов занятий, возможности выбора видов активности, использования цифровых технологий и трекеров для отслеживания результатов.

Модернизация физического воспитания с ориентацией на потребности студенческой ауди-

тории позволяет не только повысить интерес к занятиям, но и эффективно формировать навыки здорового образа жизни, личной ответственности за своё физическое состояние, что актуально в условиях роста психоэмоциональных нагрузок и малоподвижного образа жизни.

Таким образом, разработка и внедрение новых моделей физического воспитания в вузах, учитывающих запросы студентов, становится не просто образовательной задачей, а важным социальным приоритетом в формировании гармонично развитой личности и конкурентоспособного выпускника.

Современная система физического воспитания в российских вузах всё чаще оказывается в противоречии с реальными интересами студентов. Несмотря на формальное присутствие дисциплины «физическая культура» в учебных планах, её содержание, организация и методы преподавания во многих случаях остаются консервативными, неэффективными и оторванными от запросов обучающихся.

Одной из главных проблем, тормозящих развитие физического воспитания в высшей школе, остаётся унифицированность программ. Студентам зачастую предлагается шаблонный набор упражнений по легкой атлетике, гимнастике или командным играм, вне зависимости от их уровня подготовки, интересов или целей. Такой подход унаследован от советской модели образования и ориентирован на массовость, а не на личность. В условиях разнообразия студенческого контингента – от профессиональных спортсменов до молодых людей с ограниченными возможностями здоровья – подобная унификация не только неэффективна, но и демотивирует [3].

Кроме того, устаревшие формы организации занятий – строгое расписание, отсутствие цифровой поддержки, формальный учёт посещаемости – не соответствуют ожиданиям студентов, привыкших к гибким, цифровым и интерактивным форматам обучения. Молодёжь хочет

выбирать, адаптировать и осмысленно подходить к тому, что делает – и это касается не только учебных дисциплин, но и физической активности.

Низкая мотивация к участию в занятиях физической культурой – ещё один острый симптом. Для многих студентов физкультура воспринимается как обязательная, но второстепенная дисциплина. Отсутствие внутреннего интереса часто вызвано тем, что физическая культура не преподносится как ценность и способ заботы о собственном здоровье, а скорее – как формальность. Не предлагается система поощрения прогресса, нет гибкости в выборе активности, нет сопряжения занятий с реальными жизненными практиками.

Чтобы изменить это отношение, физическое воспитание должно стать частью мотивационной среды вуза, в которой студент сам понимает, зачем ему заниматься, чувствует личный рост и получает поддержку в достижении своих целей.

Унификация, устаревшие формы занятий и отсутствие мотивации – это не отдельные недостатки, а взаимосвязанные элементы одной устаревшей системы. Чтобы физическое воспитание в вузе стало не формальной нагрузкой, а реально работающим инструментом формирования здорового и активного образа жизни, необходимо переходить к гибкой, личностно ориентированной модели, которая отвечает запросам современной молодёжи [9].

В современных условиях студенты становятся не просто объектом образовательного процесса, а его активными участниками, предъявляющими обоснованные требования к качеству и форме подачи дисциплин – в том числе и к физическому воспитанию. Переход к студентоцентрированной модели обучения делает необходимым глубокое понимание их ожиданий, без учёта которых любая реформа останется формальной.

На основе изученных проблем современной системы занятий физической культурой в ВУЗах нами был проведён онлайн-опрос среди студентов 1–4 курсов (около 3 000 студентов раз-

ных регионов РФ) на тему отношения к физическому воспитанию в вузе [8].

Были получены следующие данные:

70% студентов заявили, что хотели бы самостоятельно выбирать вид физической активности вместо обязательной программы;

65% респондентов отметили, что предпочли бы гибкое расписание и возможность самостоятельной организации занятий;

45% студентов выразили готовность использовать фитнес-трекеры и приложения для учёта физической активности;

30% опрошенных признали, что воспринимают «физру» как формальность и не видят в ней личной пользы;

Только 20% полностью удовлетворены текущей моделью преподавания дисциплины в вузе.

Эти цифры говорят об очевидной потребности в пересмотре как организационных, так и содержательных аспектов преподавания физкультуры в высших учебных заведениях, а также об актуальности вышеперечисленных проблем.

Один из наиболее частых запросов студентов – возможность выбора. Молодые люди хотят заниматься теми видами активности, которые действительно им интересны и соответствуют их стилю жизни. Вместо обязательных занятий по общефизической подготовке они предпочли бы практики, которые мотивируют: фитнес, йогу, танцы, плавание, единоборства, спортивные игры, велосипед или даже походы и бег на свежем воздухе. Это не просто каприз, а отражение индивидуальных траекторий развития и стремление поддерживать здоровье в комфортной и вдохновляющей форме.

Введение модульной системы, в рамках которой студент может выбрать форму физической активности по своему желанию и сменить её в следующем семестре, стало бы логичным шагом к персонализации обучения и повышения интереса к занятиям.

Современный студент живёт в условиях постоянного дефицита времени: учебная нагрузка,

внеучебная занятость, стажировки, участие в проектах и собственные инициативы. В таких условиях гибкое расписание занятий по физической культуре – это не роскошь, а необходимость. Возможность выбирать время посещения (утро, день, вечер, будни или выходные) делает дисциплину более доступной и снижает стрессовую нагрузку.

В эпоху цифровых технологий студенты ожидают, что и физическая культура будет не исключением. Использование мобильных приложений, трекеров активности, онлайн-платформ и цифровых зачетов стало важным элементом привлекательности дисциплины [4].

Такие решения позволяют:

- отслеживать индивидуальный прогресс;
- получать рекомендации по тренировкам;
- фиксировать активность для зачёта;
- участвовать в челленджах и соревнованиях онлайн;
- анализировать данные о своём здоровье и физическом состоянии.

Интеграция цифровых инструментов также упрощает контроль со стороны преподавателя, позволяя объективно оценивать результаты и вовлечённость студентов, а не только формально учитывать посещаемость.

Запросы студентов – это не модные тренды, а конкретные ориентиры для реформы физического воспитания в вузах. Право выбора, гибкость участия и цифровая поддержка занятий создают пространство, в котором физическая культура перестаёт быть обязательной формальностью и становится осознанным вкладом в здоровье и качество жизни молодых людей. Модернизация системы невозможна без реального диалога с обучающимися – и именно их ожидания должны лечь в основу новых подходов к формированию здоровьесберегающей среды в вузе [6].

Интеграция цифровых решений и вариативность физической активности позволяют достичь трёх важных результатов: повышается вовлечённость студентов – они воспринимают курс не как

обязанность, а как полезную и индивидуально значимую практику. Формируется устойчивое поведение здорового образа жизни – активность становится привычкой, а не «зачётной нагрузкой». Университет получает объективные данные о качестве и интенсивности физической активности, на которых можно строить аналитику и улучшать программу.

Как показывают опросы, студенты готовы заниматься физической активностью, если представлен выбор, гибкость и цифровая поддержка. Эти элементы формируют доверие, самостоятельность и интерес – то, чего критически не хватает традиционной модели преподавания. Реальная модернизация физического воспитания невозможна без вовлечения самих обучающихся в проектирование дисциплины. Только так можно превратить её из «обязательного предмета» в мощный ресурс формирования здоровья, выносливости и внутренней дисциплины молодого поколения [3].

Также на основе проведенного опроса и изученных проблем, можно рассмотреть дополнительные направления модернизации физической культуры в ВУЗах.

Учет психоэмоционального состояния студентов может привлечь внимание студентов к занятиям. Ввиду высокой распространенности стресса и тревожных расстройств среди студентов, особое значение приобретают восстановительные и адаптационные практики: дыхательные упражнения, медитации, растяжка, телесно-ориентированные тренировки. Это позволяет использовать физическую культуру как инструмент психологической саморегуляции [5].

Партнёрство с внешними спортивными организациями может стать дополнительным стимулом к занятиям физической культурой. Сотрудничество с фитнес-клубами, спортивными секциями, муниципальными и коммерческими партнёрами позволяет расширить выбор спортивных активностей и повысить качество тренировочного процесса. Такие формы взаимодействия усиливают прикладную направленность физической культуры [7].

Физическая культура может быть эффективно встроена в междисциплинарные образовательные траектории. Сотрудничество с кафедрами психологии, медицины, педагогики и менеджмента позволит расширить образовательный эффект и сформировать целостное представление студентов о здоровье как ресурсе личной и профессиональной эффективности.

Создание физкультурно-оздоровительной среды в кампусе также является одним из вариантов привлечения внимания студентов к занятиям физической культурой. Модернизация инфраструктуры вуза является необходимым условием для стимулирования повседневной активности. Важно формировать доступное пространство: открытые тренажёры, велопарковки, беговые дорожки, зоны для уличных тренировок и релаксации. Кампус должен мотивировать студентов к движению в течение дня.

Поддержка студенческого самоуправления и инициатив поможет достичь вовлеченности студентов в организацию спортивной жизни вуза через создание спортивных советов, проведение мероприятий и совместное проектирование курсов, что повысит осознанность и поможет развить навыки управления проектами, коммуникации и командной работы.

Важно не забывать собирать обратную связь от студентов и продолжать модернизировать систему занятий. Это (опросы, интервью, фокус-группы) позволит корректировать учебные программы и оперативно реагировать на изменения в мотивации студентов. Тогда процесс станет более гибким и ориентированным на реальные потребности обучающихся.

Данные решения направлены на улучшение качества занятий спортом. При системной реализации указанных направлений можно обеспечить устойчивый интерес студентов к физической активности и сформировать культуру здоровья как неотъемлемую часть образовательной среды.

Модернизация системы физического воспитания в вузах является необходимым шагом

для повышения её эффективности и удовлетворения потребностей студентов.

С учётом изменяющихся ценностных установок и потребностей современной молодёжи, подходы к организации занятий должны быть пересмотрены в сторону большей гибкости, индивидуализации и практико-ориентированности. Современные студенты ожидают от физической культуры не столько нормативного подхода, сколько возможности выбрать удобный и интересный формат занятий, способствующий поддержанию физического и психоэмоционального благополучия [3].

Актуальными направлениями модернизации становятся внедрение цифровых технологий, расширение спектра программ (включая фитнес, йогу,

функциональный тренинг и др.), развитие инклюзивных и восстановительных практик, а также создание физкультурно-оздоровительной среды вуза. Не менее важно – повышение квалификации преподавателей, использование геймификации и формирование у студентов устойчивой внутренней мотивации к регулярной физической активности [7].

Таким образом, физическая культура в вузе должна стать неформальной, доступной и значимой частью жизни студентов. Только в этом случае она будет выполнять свои ключевые функции – оздоровительную, воспитательную и социальную – и способствовать формированию гармонично развитой личности, способной эффективно адаптироваться к условиям современной жизни.

Список литературы

1. Павлова В.В. Модернизация физического воспитания студентов вузов на основе фитнеса // Форум молодых ученых. 2018. №11-2(27). С. 304-308.
2. Русина А.А., Сафронов А.И. и др. Перспективы модернизации системы физического воспитания в высших учебных заведениях // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2024. №5. С. 41-48.
3. Формирование у студентов готовности к самообразованию в физкультурно-спортивной среде учреждений среднего профессионального образования: автореф. дис. канд. пед. наук / [Бутыч Наталья Сергеевна]. – [2012]. – [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-u-studentov-gotovnosti-k-samoobrazovaniyu-v-fizkulturno-sportivnoi-srede-uchre> (дата обращения: 15.09.2025).
4. Шаталов А.А., Алдошина Е.А. Современные проблемы физического воспитания студентов в системе высшего образования // Наука-2020. 2025. №2 (76). С.54-59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-fizicheskogo-vospitaniya-studentov-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 10.09.2025).
5. Минина Н.В. О модернизации физического воспитания студентов / Н. В. Минина // Мир спорта. – 2001. – № 3. – С. 34-36.
6. Рыбакова Е.О., Шутова Т.Н. Совершенствование профессионального образования студентов физкультурного вуза средствами фитнеса // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2015. №3. С. 58-62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-professionalnogo-obrazovaniya-studentov-fizkulturnogo-vuza-sredstvami-fitnessa> (дата обращения: 09.09.2025).
7. Григорьев, В.И. Системная модернизация физического воспитания студентов вузов на основе интеграции фитнес-культуры / В. И. Григорьев // Фитнес: теория и практика. – 2013. – № 1. URL: <https://fitness.esrae.ru/ru/2> (дата обращения: 15.09.2025).
8. Модернизация системы физического воспитания студентов на основе личностно-ориентированного содержания физкультурно-спортивной деятельности: автореф. дис. [доктор педагогических наук] / [Шилько Виктор Генрихович]. – [2003]. – [Электронный ресурс] // DissersCat. – URL: <https://www.dissercat.com/> (дата обращения: 15.09.2025).
9. Кравцова Л.М., Шакамалов Г.М. Повышение эффективности физического воспитания студентов в условиях вуза // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2020. №3 (49). С. 56-63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-fizicheskogo-vospitaniya-studentov-v-usloviyah-vuza> (дата обращения: 09.09.2025).

РОЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ В ПРОЦЕССЕ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Н.М. Анохина, П.С. Усова

В статье рассматриваются институциональные и социально-политические аспекты взаимодействия государства с политическими партиями в процессе консолидации общества. Авторы анализируют законодательные рамки партийной деятельности, практику кооптации и партнерства государства и партий, а также уровень доверия к политическим институтам. На основе анализа социологических данных, нормативных актов и научных источников формулируются выводы о двойственном характере партийно-государственного взаимодействия: как инструмента политического контроля и как механизма общественной интеграции. Авторы предлагают пути повышения эффективности партийной системы и её вклада в консолидацию общества.

Ключевые слова: политические партии, государство, консолидация общества, институты, политическая система.

THE ROLE OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND POLITICAL PARTIES IN THE PROCESS OF SOCIAL CONSOLIDATION: INSTITUTIONAL AND SOCI-POLITICAL ASPECTS

N.M. Anokhina, P.S. Usova

The article examines the Institutional and socio-political aspects of the interaction between the state and political parties in the process of social consolidation. The authors analyze the legislative framework regulating party activity, the practice of co-optation and partnership between the state and parties. As well as the level of public trust in political institutions. Based on sociological data, legal acts, and scientific research, the authors identify the dual nature of state-party interaction: as both a tool of political control and mechanism of social integration. The authors propose measures to improve the effectiveness of the party system and its contribution to social consolidation.

Keywords: political parties, state, social consolidation, institutions, political system.

Сегодня вопросы консолидации общества особенно актуальны в условиях внутренней поляризации, роста запросов граждан к качеству управленческих институтов. Взаимодействие государства и политических партий – один из ключевых механизмов интеграции общественных групп и поддержания стабильности. Прямая демократия невозможна без процесса взаимовлияния государства, партий и наоборот [1, с.56]. Обратившись к современным социологическим данным, можно заметить противоречивую картину. По данным

ВЦИОМ (июнь 2025), 80,0% россиян доверяют Президенту, 77,2 % одобряют его деятельность, а работу Правительства положительно оценивают более 52% [2]. По данным Росстата, 85,5% опрошенных доверяют официальной статистике [3]. В то же время доверие к партиям остаётся низким – лишь 20-25 % россиян выражают доверие партийной системе (в возрастной группе 17-21 года – 16,9%, среди старших – 28,6%) [4]. Эти данные демонстрируют институциональный разрыв: государство сохраняет высокий уровень доверия, тогда

как партии воспринимаются обществом как слабое звено. При этом институциональная база партий остаётся значимой: по состоянию на сентябрь 2025 года кандидаты от 19 партий участвовали в выборах разного уровня [5], включая 10 – в губернаторских кампаниях [6]. Это подтверждает наличие организационного ресурса, но низкий уровень доверия указывает на дефицит репрезентативности.

На рисунке представлена динамика доверия к институтам власти (2021-2025 гг.): доверие к Президенту стабильно высокое, к Правительству – умеренно положительное, к политическим партиям 20-23 % [2].

Таким образом, взаимодействие государства и политических партий приобретает двойственное значение: с одной стороны, оно определяет институциональные рамки политического процесса, с другой – влияет на социально-политическую консолидацию через восприятие партий гражданами. Новизна исследования заключается в попытке рассмотрения данного аспекта.

Цель исследования – показать, что именно сочетание институционального и социально-политического аспектов взаимодействия определяет реальный вклад партий в

консолидацию общества, а также предложить пути повышения их роли в этом процессе.

При рассмотрении роли взаимодействия государства и партий в консолидации общества, стоит обратить внимание на три взаимосвязанных вопроса.

1. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РАМКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПАРТИЯХ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ

ФЗ «О политических партиях» от 11.07.2001 № 95-ФЗ регулирует устав, численность, региональные отделения и отчётность [7]. Однако его применение часто избирательно. Следует учитывать, что государство нормирует партийное строительство, т.е. устанавливает правила создания и деятельности политических партий, осуществляет контроль за их деятельностью, обладая в том числе правом ее прекращения [8]. Рассмотрим пример. В 2025 году Верховный Суд ликвидировал партию «Гражданская инициатива» по иску Минюста, аргументируя это «неучастием в выборах в течение 7 лет», несмотря на заявления о попытках регистрации кандидатов [9]. Приведённый пример доказывает, что законодательство о партиях в России используется не просто как основа, но и как инструмент отбора политических сил.

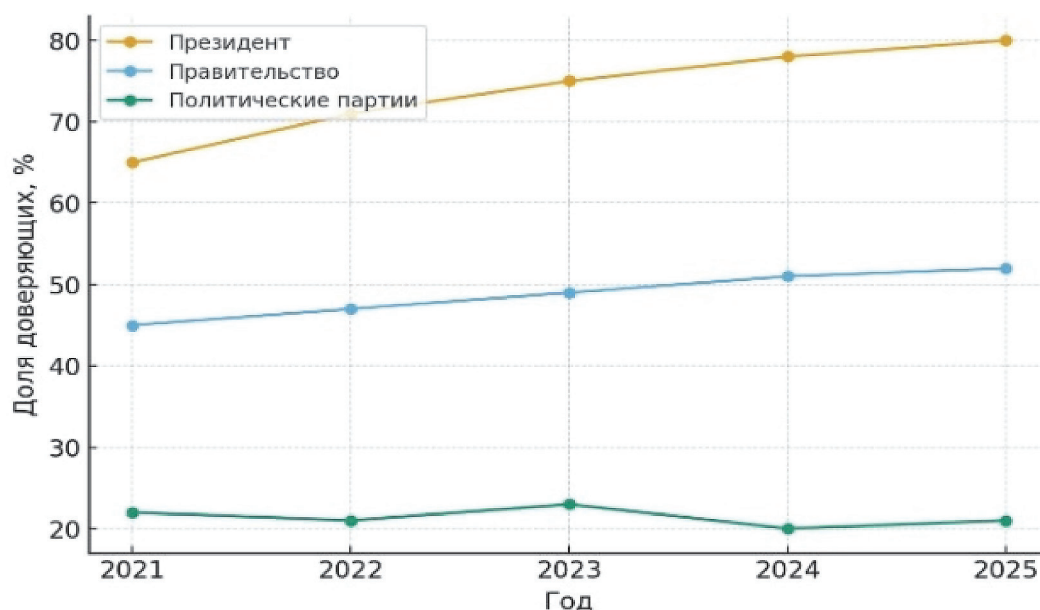

Рисунок. Динамика доверия граждан к институтам власти в период с 2021 по 2025 годы

Формальные нарушения становятся поводом для роспуска или ликвидации партий.

Обратимся к статистике. По данным ВЦИОМ, в июне 2025 года электоральная поддержка «Единой России» – 35,1 %, КПРФ – 9,3 %, ЛДПР – 11,6 %, «Новые люди» – 6,7 % [2]. Такие цифры подтверждают доминирование одной партии и неравенство условий политической конкуренции. Находящаяся у власти партия, не ощущая реальной угрозы своим позициям, не видит необходимости менять систему, обеспечивающую ей нынешнее лидирующее положение [10]. Финансовая и административная ресурсная асимметрия превращает закон о партиях в «фильтр», через который проходят только те партии, которые уже поддерживаются властью [11]. Государство как обладающий законодательной властью субъект не должно злоупотреблять своей властью. Его основная функция – охранительная [12]. Следовательно, есть основания предположить, что для повышения эффективности института партий необходимо: ввести переходный режим для новых партий и усилить судебный контроль и право.

2. ПРАКТИКА ПАРТНЁРСТВА И КООПТАЦИИ: УЧАСТИЕ ПАРТИЙ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОЕКТАХ И РЕСУРСНЫЙ КОНТРОЛЬ

Обратимся к практике взаимодействия государства и партий в конкретных проектах. Здесь важно понять, являются ли партии равноправными партнёрами или лишь инструментом реализации государственной политики. Приведем пример из практики. В 2025 году региональные отделения «Единой России» обеспечивали участие волонтеров партии и муниципальных депутатов в голосовании за объекты благоустройства, что подчёркивает партийную интеграцию в публичные процессы [13]. Согласно информации СМИ, за последние 4 года число участников проекта «Городская

среда» выросло в 1,7 раза, благоустроено более 73 тысяч дворов и общественных пространств [14].

Данный пример показывает, что партия интегрируется в государственные инициативы, усиливая своё влияние, но ухудшает конкурирующие позиции других партий, которые не получают доступа к подобным инициативам. В сфере регулирования и оценок партийной деятельности требуется государственно-правовой нормативный подход [15, с.22]. Исходя из вышеизложенного предлагается для минимизации рисков: запретить монополию одной партии в бюджетных проектах; обеспечить участие всех парламентских партий в органах надзора; создать независимые общественные советы, куда входят представители разных партий.

3. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ: ДОВЕРИЕ, ЛЕГИТИМНОСТЬ И ВОВЛЕЧЁННОСТЬ ГРАЖДАН

Взаимодействие политических партий с государством является необходимым условием, как формирования, так и функционирования публичной власти [16, с.5]. Отметим, что институциональные механизмы эффективны лишь при наличии доверия общества. Пример: в 2020-2023 гг. поправки к Конституции сопровождались активной кампанией со стороны правящей партии, тогда как оппозиционные структуры имели ограниченные возможности участия. По данным ВЦИОМ (на 26.09.2025 г), В.В. Путину доверяют 79,5 % россиян, одобряют его деятельность – 76,3 %. Поддержка «Единой России» – 34,1 % – 34,8 %; КПРФ – 9,4-10,2 %; ЛДПР – 10,5-10,9 %; «Новые Люди» – 7,1-8,3% [2]. Это демонстрирует асимметрию доверия между институтом президентства и партийной системой. Партии часто становятся объектом критики именно потому, что не могут предложить убедительной программы и общество склонно

искать сильную фигуру лидера [17, с.25]. Также доверие к партийной системе начинает падать, если она воспринимается как закрытый клуб, в который попадают лишь приближённые к власти. В таких условиях консолидация может превратиться в управляемый консенсус, а не в подлинную интеграцию общества. Таким образом, целесообразно было бы обеспечить прозрачность партийных процедур, отчётов и механизмов; внедрить внутреннюю партийную демократию и развивать платформы прямого участия (обсуждения, онлайн-инициативы).

Подводя итоги, можно сказать, что взаимодействие государства и политических партий является критически важным элементом консолидации общества. Однако следует подчеркнуть, что без равных возможностей, прозрачности и здоровой конкуренции

консолидация рискует стать инструментом манипуляции, а не основой политической устойчивости. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут учитываться исследователями при: проведении сравнительного анализа опыта взаимодействия государства и партий в странах с различными системами; проведении эмпирического исследования отношения граждан к партийным институтам; исследовании механизмов внутренней партийной демократии и её уровня поддержки населением.

Таким образом, в рамках данного исследования есть основания предположить, что эффективное взаимодействие государства и политических партий способно стать не только инструментом политического контроля, но и реальным механизмом консолидации общества.

Список литературы

1. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии / Р. Михельс // Диалог. – 2024. – №3. – С. 56.
2. ВЦИОМ.ру. Рейтинги доверия политикам, оценки работы Президента и Правительства, поддержка политических партий [Электронный ресурс] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-06062025?utm_source (Дата обращения 29.09.2025)
3. РОССТАТ.ру. Более 80% россиян доверяют официальной статистике. [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru> (Дата обращения 29.09.2025)
4. ИПСОК.ру. Уровень доверия населения деятельности общественно-политических институтов. [Электронный ресурс] URL: https://ipsoc.ru/wp-content/uploads/2022/07/Уровень_доверия_населения_деятельности_общественно-политических_институтов.pdf?utm_source (Дата обращения 29.09.2025)
5. Интерфакс.ру. Кандидаты от 19 партий зарегистрированы на выборы разного уровня 12-14 сентября. [Электронный ресурс] URL: https://www.interfax.ru/russia/1046676?utm_source (Дата обращения 29.09.2025)
6. ТАСС.ру. Статистика единого дня голосования в 2025 году. [Электронный ресурс] URL: https://tass.ru/info/25023621?utm_source (Дата обращения 29.09.2025)
7. Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 N 95-ФЗ (последняя редакция), ст.3 п.1. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (Дата обращения 29.09.2025)
8. Астанин В.В. Взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции (результаты конкретно-социологического исследования): [Электронный ресурс] URL: <file:///C:/Users/%D0%A2%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%B0/Downloads/vzaimodeystvie-organov-gosudarstvennoy-vlasti-s-institutami-grazhdanskogo-obschestva-v-sfere-protivodeystviya-korrupsii-rezultaty-konkretno-sotsiologicheskogo-issledovaniya.pdf>

9. РБК.ру. Верховный суд ликвидировал выдвигавшую Собчак в президенты партию. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/06/2025/68505b259a794772e110aaa2?ysclid=mg5g5jyhzhf921340252> (Дата обращения 29.09.2025)
10. **Астанин В.В.** Взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции (результаты конкретно-социологического исследования): [Электронный ресурс] URL: <file:///C:/Users/%D0%A2%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%B0/Downloads/vzaimodeystvie-organov-gosudarstvennoy-vlasti-s-institutami-grazhdanskogo-obschestva-v-sfere-protivodeystviya-korrupsii-rezultaty-konkretno-sotsiologicheskogo-issledovaniya.pdf>
11. **Коргунюк Ю. Г.** Становление партийной системы в современной России: диссертация доктора политических наук: 23.00.02 / Коргунюк Юрий Григорьевич; [Место защиты: Государственный университет – Высшая школа экономики]. – М.: ГУ-ВШЭ, 2023. – 358 с. – Текст: непосредственный
12. **Рябев В.В.** К вопросу о взаимодействии государства гражданского общества в современной России: статья [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vzaimodeystvii-gosudarstva-i-grazhdanskogo-obschestva-v-sovremennoy-rossii>
13. Газета.ру. «Единая Россия» задействует волонтеров в голосовании за благоустройство. [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/04/01/25452644.shtml?utm_source (Дата обращения: 29.09.2025)
14. МК.ру. Решают люди: «Единая Россия» подвела итоги работы проекта «Городская среда» за 2024 год. [Электронный ресурс] URL: https://www.mk.ru/politics/2025/04/01/reshayut-lyudi-edinaya-rossiya-podvela-itogi-raboty-proekta-gorodskaya-sreda-za-2024-god.html?utm_source (Дата обращения 29.09.2025)
15. **Зорькин В.Д.** Правовые основы российской многопартийности и практика Конституционного суда / В.Д. Зорькин // Междунар. конф. «Политические партии в демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности» – Москва. – издательство: Норма, 2020. С.22.
16. **Постников А.Е.** Конституционно-правовые основы взаимодействия политических партий и государства / А.Е. Постников // Журнал российского права. – Москва: издательство: Норма. – 2020. С. 5-12.
17. **Караганов С.А.** Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир / С.А. Караганов / – Москва: издательство: Европа. – 2025. С.25.

О НАВЯЗЫВАНИИ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ) ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОГОВОРОВ

Т.Ю. Астапова

В статье устанавливается, что заранее проставленные отметки о согласии, а равно единовременное подписание нескольких юридических документов направлено лишь на формальное соблюдение установленных в законе требований. Соответственно, при заключении договоров купли-продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг дистанционным способом продавец обязан предоставлять потребителю информацию с учётом технических характеристик используемых носителей. Обосновывается необходимость исключения любой практики автоматического проставления согласий, направленных на выражение воли потребителя о включении в договор, заключенный дистанционным способом, каких-либо условий, отметок об ознакомлении с условиями соглашения или юридически значимыми документами, а равно единовременного подписание заявлений, договоров и иных юридически значимых документов.

Ключевые слова: электронный договор, дистанционный способ заключения договора, злоупотребление правами, продажа товаров, оказание услуг, выполнение работ, письменная форма договора.

ABOUT IMPOSING GOODS (WORKS, SERVICES) WHEN CONCLUDING ELECTRONIC CONTRACTS

T.Y. Astapova

The article establishes that pre-printed consent marks, as well as the simultaneous signing of several legal documents, are aimed only at formally complying with the requirements established in the law. When concluding contracts for the sale of goods, performance of works, and provision of services remotely, information must be provided to the consumer by the seller, taking into account the technical features of certain media. The need to exclude any practice of automatically granting consent to express the consumer's will to include any conditions, notes about familiarization with the terms of the agreement or legally significant documents, as well as the simultaneous signing of statements, contracts, and other legally significant documents, is substantiated.

Keywords: electronic contract, remote method of concluding a contract, abuse of rights, sale of goods, provision of services, performance of work, written form of a contract.

Одной из наиболее древних правовых категорий, играющих основополагающую роль в системе гражданско-правовых обязательств, является договор. Интенсивное развитие цифровых технологий сформировало общественный запрос на их внедрение в его правовую конструкцию. Это потребовало внесения изменений в законодательство [1]. В соответствии с последними п. 1 ст. 160 ГК РФ, а также п. 2 ст. 434 ГК РФ изложены в новой редакции. Так, допускается заключение договора посредством создания еди-

ного электронного документа либо путём обмена такими документами. При этом, будет считаться, что письменная форма сделки соблюдена и в том случае, если она совершена с использованием технических средств, обеспечивающих возможность воспроизвести ее содержание на материальном носителе в неизменном виде. При этом, требование о наличии подписи будет выполненным, если примененный способ позволит бесспорно установить лицо, выразившее свою волю [2]. Соответственно, договорные обязательства

возникают не только при традиционном подписании договора или обмене документами, но и при выражении согласия с условиями соглашения в цифровой форме. Например, посредством акцепта оферты, осуществлённого на интернет-платформе.

Таким образом, развитие современных технологий обусловило необходимость упорядочения гражданского оборота с учетом новых реалий. В тоже время каких-либо значительных изменений в законодательство не последовало. И к отношениям с «цифровым элементом», по-прежнему применяются общие положения гражданского законодательства [3].

Между тем, анализ правоприменительной практики выявляет недостаточную проработанность правового регулирования договорных обязательств, основанных на цифровых инновациях. Последнее ведет к нарушению прав участников гражданского оборота. Так, при приобретении дистанционным способом билетов на перевозку, например, воздушным или железнодорожным транспортом, посредством различных приложений в форме основного договора нередко заранее проставлено согласие потребителя на заключение договора добровольного страхования жизни, здоровья, имущества пассажира от причинения вреда. Следует отметить, что такое преждевременное согласие не свидетельствует об ознакомлении лица, заключающего договор, с условиями, правилами страхования. Соответственно, волеизъявление как одно из основополагающих условий действительности сделок имеет порок.

На указанное нарушение уже не раз обращали внимание Роспотребнадзор и Банк России. Они отмечали, что в ст. 16 Закон о защите прав потребителя установлен запрет на обуславливание покупки одних товаров, выполнения работ или оказания услуг обязательным приобретением иных товаров, выполнением работ или оказанием услуг [5].

Кроме этого, вопрос навязывания дополнительных услуг при заключении договоров был затронут и в Обзоре практики рассмотрения судами споров, возникающих из отношений по добровольному личному страхованию, связанному с выдачей потребительских кредитов, утверждённому Президиумом Верховного Суда РФ 5 июня 2019 года. В частности, в нем подчеркивается, что потребитель должен быть проинформирован о праве на отказ от участия в программе страхования [6].

Подобные нарушения прав потребителей, несмотря на их очевидное несоответствие действующему законодательству, могут быть выявлены и в других случаях. Например, при кредитовании заемщики нередко подписывают одной электронной подписью не только кредитный договор, но и договоры страхования, обеспечивающие исполнение заемных обязательств. Как видно, при таких условиях заявителям не представлена возможность влиять на установление индивидуальных условий кредитования, а также отказаться от получения услуг за дополнительную плату. Так, рассматривая гражданско-правовой спор судебная инстанция пришла к выводу о том, что при заключении договора потребительского кредита банк не раскрыл в полном объеме и не обеспечил достоверность сведений о потребительских характеристиках предоставляемых финансовых и страховых услуг. При этом отметил, что само по себе проставление потребителем отметки о согласии на добровольное оформление услуги не свидетельствует о его реальном намерении приобрести такую услугу, поскольку у него отсутствовала возможность влиять на установление индивидуальных условий кредитования. В сложившихся обстоятельствах заемщик на момент подписания кредитного договора не располагал полной и достоверной информацией об имеющих значение условиях, а именно: какова будет полная стоимость кредита по стандартной ставке; каким окажется ежемесячный платеж; на сколько увеличится размер кредита в

случае оформления двух договоров страхования; будут ли условия кредита с увеличенной суммой заемных средств на величину страховых премий выгоднее при сниженной ставке [7].

При рассмотрении аналогичного правового конфликта суд отметил, что одновременное подписание всего пакета кредитных документов, включая заявление на получение кредита, заявление о заключении договора страхования и заявление об индивидуальных условиях кредитного договора, свидетельствует о том, что до оформления кредитного соглашения потребителю не была своевременно и в полном объёме предоставлена достоверная информация о дополнительных услугах, сопутствующих кредиту, а также о том, что заключение договоров страхования является обязательным условием получения кредита на согласованных с банком условиях. Учитывая, что между открытием первого и последнего документа прошло менее пяти минут, а все действия по заключению кредитного договора и дополнительных страховых услуг были выполнены единым действием: вводом четырёхзначного кода из SMS-сообщения, направленного банком, потребитель фактически оказался лишён возможности осознанно сформировать индивидуальные условия кредита и выразить добровольное согласие на получение дополнительных услуг за плату. [8].

Таким образом, заранее проставленные отметки о согласии, а равно единовременное подписание нескольких юридических документов направлено лишь на формальное соблюдение установленных в законе требований. По меткому замечанию И.Е. Михеевой такой подход скорее ориентирован на предоставление информации на бумажном носителе [9]. В то время как еще в Верховный суд РФ дал разъяснение, что при заключении договоров купли-продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг дистанционным способом продавец обязан предоставлять потребителю информацию с учётом технических характеристик используемых носителей [10]. А потому следует исключить любую практику автоматического проставления согласий, направленных на выражение воли потребителя о включении в договор, заключенный дистанционным способом, каких-либо условий, отметок об ознакомлении с условиями соглашения или юридически значимыми документами, а равно единовременного подписание заявлений, договоров и иных юридически значимых документов. Кроме этого, предусмотреть обязательное прочтение заявлений, договоров и иных юридически значимых документов, возможность их распечатать, переслать или сохранить.

Список литературы

1. Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.
3. Астапова Т.Ю. О риске заключения электронного договора неуполномоченным лицом // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 8. С. 58.
4. Закон от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 3. Ст. 140.
5. Информационное письмо Банка России N ИН-02-59/39, Роспотребнадзора N 02/6207-2022-23 от 23.03.2022 «О недопустимости проставления за потребителя автоматического согласия на приобретение дополнительных страховых услуг» // СПС «Консультант Плюс».
6. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. N 11.
7. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.07.2024 N 88-14427/2024 // СПС «Консультант Плюс».

8. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.03.2024 по делу N 88-4189/2024 // СПС «Консультант Плюс».
9. **Михеева И.** Четыре признака недобросовестности банка при онлайн-кредитовании: анализ свежей практики ВС РФ // Банковское кредитование. 2024. N 3. С. 58 - 68.
10. Постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2012 N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. N 9.

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ БРИТАНСКОЙ МОДЕЛИ ПРЕССЫ: ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С.Ф. Баширов

В статье представлен обзор научных исследований, посвященных формированию и развитию британской модели прессы. Рассматриваются характеристики, исторические этапы и особенности регулирования прессы в Великобритании, включая саморегулирование и отношения с государством. Проанализировано влияние цифровизации на традиционные медиа, а также основные направления критики, включая концентрацию собственности.

Ключевые слова: британская модель прессы, саморегулирование СМИ, британская журналистика, медийная система Великобритании, концентрация собственности СМИ, цифровизация прессы.

APPROACHES TO THE FORMATION OF THE BRITISH PRESS MODEL: A REVIEW OF ACADEMIC LITERATURE

S.F. Bashkirov

This article reviews the research on the formation and evolution of the British press model. It examines the key characteristics, historical stages, and regulatory features of the UK press, including self-regulation and state relations. The impact of digitalisation on traditional media is analysed, alongside main critiques, such as ownership concentration.

Keywords: British press model, media self-regulation, UK journalism, media system United Kingdom, media ownership concentration, press digitalization.

Формирование британской модели прессы представляет собой результат длительного исторического, культурного и институционального развития. Британская пресса, как один из старейших медийных институтов, сыграла важную роль в становлении современной журналистики и демократических коммуникаций [1, с. 45]. Изучение ее трансформации в цифровую эпоху имеет важное значение для понимания глобальных тенденций.

Основой в теоретическом анализе является работа Д. Халлина и П. Манчини, которые отнесли Великобританию к «либеральной модели» медиасистем, характеризующейся сильной рыночной ориентацией и низким уровнем государственного вмешательства [9, с. 66]. Однако в научной литературе последних лет все активнее обсуждается противоречие между этой теоретической моделью и эмпирической реальностью. С одной стороны, декларируется свобода рынка, с другой – наблюда-

ется чрезвычайно высокий уровень концентрации собственности [10, с. 112]. С одной стороны, подчеркивается независимость от государства, с другой – расследование Левесона выявило неэффективность саморегулирования [11] и потребовало нового вмешательства [4, с. 515]. Наконец, цифровизация выявила неспособность «свободного рынка» поддержать локальную журналистику, что привело к «кризису» и формированию «новостных пустынь» [5, с. 332]. Таким образом, научная проблема заключается в растущем разрыве между классическим описанием британской медиасистемы как «либеральной» и ее фактическим функционированием. Исследовательский вопрос статьи: как в современной научной литературе осмысливается и анализируется это противоречие?

Научная новизна работы заключается в систематизации и критическом анализе научных подходов к изучению британской модели прес-

сы, фокусируясь на том, как современные исследователи (в частности, Курран, Ситон, Петли, Дэвис) концептуализируют трансформацию этой модели в условиях этического (пост-Левесон) и экономического (цифровизация) кризисов.

Цель исследования – на основе обзора научной литературы выявить и систематизировать главные характеристики, теоретические основы и современные вызовы, стоящие перед британской моделью прессы, уделив особое внимание анализу упомянутой научной проблемы.

Методологической основой исследования послужил системный анализ и синтез научной литературы, посвященной медиасистеме Великобритании. В работе применялись историко-типологический метод для выделения этапов развития прессы и сравнительный анализ для сопоставления различных теоретических подходов.

Центральное место в теоретическом осмыслении британской медиасистемы занимает работа Д. Халлина и П. Манчини «Сравнивая медиасистемы» [9]. Они выделили три основных критерия либеральной модели, к которой относится Великобритания:

1. Доминирование рынка: Раннее развитие массовой коммерческой прессы.

2. Низкое государственное вмешательство: Сильная традиция защиты свободы прессы.

3. Высокий уровень журналистского профессионализма: Развитие норм объективности.

Однако, как отмечалось при постановке проблемы, этот идеализированный взгляд подвергается серьезной критике. Исследователи, такие как Джеймс Курран и Джин Ситон [10], а также Колин Спаркс, подчеркивают, что в реальности британская пресса испытывает колоссальное давление со стороны крупного капитала. Они указывают на то, что свобода прессы на практике часто означает свободу для ее владельцев [10, с. 112].

Традиционная историография британской прессы часто подается как линейный процесс обретения свободы. Однако анализ научной ли-

тературы показывает более сложную картину. Джеймс Курран и Джин Ситон [10], в частности, оспаривают эту «вигтскую» (т.е. «победоносную») интерпретацию истории. Они отмечают, что отмена так называемых «налогов на знания» (налоги на газеты, рекламу и бумагу) в середине XIX века была не столько триумфом идеологии свободы слова, сколько фискальной и политической мерой, которая, парадоксально, привела к снижению радикализма в прессе и ее коммодификации (превращению в товар) [10, с. 35].

Таким образом, в работах указанных авторов [10] подчеркивается, что британская пресса с самого начала формировалась в условиях двойного давления: государственного контроля (через цензуру, а затем налогообложение) и рыночных сил. Появление «новой журналистики» и *Daily Mail* (1896) [4, с. 77] знаменовало окончательный переход к коммерческой модели, ориентированной на массовую аудиторию и доходы от рекламы, что заложило основы для будущей высокой концентрации рынка.

Одной из наиболее обсуждаемых в литературе [5, 10] особенностей британской модели, напрямую противоречащей идеалам «либерального» плюрализма, является доминирование нескольких богатых «пресс-баронов». Исторически, в начале XX века, это были фигуры вроде Лорда Бивербрука и Лорда Ротермира. В современных исследованиях [5, с. 335] отмечается, что рынок национальных газет остается высококонцентрированным: три компании (News UK Руперта Мердока, DMGT Лорда Ротермира и Reach plc) контролируют подавляющую долю рынка. Эта концентрация рассматривается, в частности, Дж. Курраном и Дж. Ситоном как прямая угроза демократическому дискурсу [10, с. 120].

Значимой особенностью британской модели является приверженность саморегулированию. На протяжении десятилетий основным органом была Комиссия по жалобам на прессу (РСС), которую критики [4, 11] часто называли

«беззубой», поскольку она финансировалась самими издателями.

Системный кризис этой модели вскрылся в 2011 году в результате скандала со взломом телефонов журналистами таблоида *News of the World*. Это привело к инициированию публичного «Расследования Левесона» (Leveon Inquiry) [11]. В отчете Левесона [11] была дана резкая критика существующей системы. В результате был создан новый регулятор – Независимая организация по стандартам прессы (IPSO). Однако, как отмечает Джулиан Петли [4, с. 520], большинство крупных издателей отвергли идею законодательной поддержки, рекомендованную Левесоном. Таким образом, такие исследователи, как Дж. Петли [4] и Е.Л. Варганова [7], заключают, что система во многом осталась саморегулируемой, и дебаты о ее эффективности продолжаются. Важно отметить, что в отличие от прессы, британское телерадиовещание (включая BBC) подлежит строгому внешнему регулированию со стороны Ofcom.

Невозможно анализировать британскую медиасистему без учета уникальной роли BBC. Созданная в 1922 году, BBC [10, с. 150] функционирует как общественный вещатель. В научной литературе [3, 9] BBC рассматривается как необходимый контрбаланс коммерческой, высококонцентрированной прессы. Наличие мощного общественного вещателя формирует всю медиаэкологию страны, устанавливая высокие стандарты журналистики [3, с. 88].

Современные научные исследования [1, 2, 5] акцентируют внимание на глубоком структурном кризисе, вызванном цифровизацией. Утрата доходов от печатной рекламы, которая переместилась на цифровые платформы, поставила под вопрос устойчивость традиционных бизнес-моделей. Так, Н. Фентон [2, с. 55] анализируют различные стратегии выживания: от перехода на платный доступ (paywalls) до моделей, основанных на пожертвованиях (*The Guardian*).

Особую тревогу в литературе [5] вызывает «кризис местной журналистики». А. Дэвис [5, с. 340] показывает, как сотни локальных газет закрылись из-за нерентабельности, что привело к формированию «новостных пустынь» и ослаблению демократического контроля на местах.

В российской научной традиции интерес к британской модели также развивается. Е.Л. Варганова [7] анализирует европейские модели, включая британскую, в контексте цифровой трансформации. О.В. Смирнова [8] отмечает новый этап в российских исследованиях зарубежных медиасистем. Современные российские исследователи [1, 3, 6, 7] продолжают анализ британской модели, особенно в контексте ее адаптации к цифровым вызовам и практикам регулирования онлайн-пространства.

Таким образом, проведенный обзор научной литературы позволяет ответить на поставленный исследовательский вопрос. В проанализированных современных исследованиях доминирует критический подход, ставящий под сомнение адекватность применения классической «либеральной» модели [9] к британской медиасистеме без существенных оговорок.

Главный парадокс, выделяемый в литературе [10], заключается в сочетании исторически завоеванной высокой степени свободы от государственного вмешательства с чрезвычайно высоким уровнем концентрации коммерческой собственности.

Современные научные подходы [1, 2, 4] рассматривают британскую модель как объект в состоянии перманентной трансформации, обусловленной двумя факторами, которые и анализирует литература:

Политико-этическим: Последствия скандала со взломом телефонов и расследование Левесона [11] вскрыли неэффективность системы саморегулирования, но, как показывает анализ Дж. Петли [4], не привели к ее кардинальному реформированию.

Экономико-технологическим: Цифровизация разрушила традиционную бизнес-мо-

дель, что привело к кризису, особенно в секторе локальной прессы [5], и поставило под вопрос способность рынка обеспечивать общественное благо.

Сделан вывод о том, что британская модель прессы является важным образцом для из-

учения, но не универсальной нормой. Ее особенности, включая неудачный опыт саморегулирования (IPSO) и продолжающуюся концентрацию рынка, требуют критического осмысления, что и составляет основное направление современных научных работ в этой области.

Список литературы

1. **Ахмадулин Е. В.** Методология и методы исследования журналистики и медиакommunikаций : монография. – Ростов-на-Дону / Таганрог : Изд-во Южного федерального университета, 2023.
2. **Fenton, N.** The crisis of digital journalism // *Global Media and Communication*. – 2022. – Vol. 18(1). – P. 45–62.
3. **Гуреева А. Н.** (ред.). Медиакommunikации высшей школы: исследования в современной России. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2019.
4. **Petley, J.** Press regulation in the UK: From Leveson to IPSO // *Journalism Studies*. – 2021. – Vol. 22(4). – P. 512–529.
5. **Davies, A.** The decline of local journalism in the United Kingdom // *Media, Culture & Society*. – 2020. – Vol. 42(3). – P. 332–348.
6. **Шилина М.Г.** Российские связи с общественностью в контексте медиакommunikаций и журналистики: к постановке вопроса сопряженности // *Вестник*, 2021. – Доступно онлайн: cyberleninka.ru
7. **Вартанова Е.Л.** Медиа-системы в условиях цифровой трансформации: европейские модели // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. – 2020. – № 3. – С. 3–25.
8. **Смирнова О.В.** Российские исследования зарубежных медиа-систем: новый этап // *Меди@льманах*. – 2022. – № 5. – С. 20–30.
9. **Hallin, D. C., & Mancini, P.** Comparing media systems: Three models of media and politics. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
10. **Curran, J., & Seaton, J.** Power without responsibility: The press, broadcasting, and the internet in Britain (8th ed.). – London : Routledge, 2018.
11. *An Inquiry into the Culture, Practices and Ethics of the Press: Report (The Leveson Report)*. – London: The Stationery Office, 2012. – HC 780.

ИРОНИЯ И САМОИРОНИЯ КАК СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РЕЧИ ХИЛЛАРИ КЛИНТОН

Л.М. Бузинова, А.В. Динмагомедова

В статье рассматриваются ирония и самоирония как ключевые стратегии самопрезентации женщины-политика в американском медиадискурсе. На материале публичных выступлений и интервью Хиллари Клинтон анализируются способы вербализации иронии для преодоления гендерных стереотипов и смягчения восприятия женского лидерства.

Ключевые слова: медиадискурс, гендер, политическая риторика, ирония, самоирония, Хиллари Клинтон.

IRONY AND SELF-IRONY AS STRATEGIES FOR OVERCOMING GENDER STEREOTYPES IN HILLARY CLINTON'S SPEECH

L.M. Buzinova, A.V. Dinmagomedova

The article explores irony and self-irony as key self-presentation strategies of female politicians in American media discourse. Based on Hillary Clinton's public speeches and interviews, it analyzes how irony serves as a communicative tool to overcome gender stereotypes and soften perceptions of female leadership.

Keywords: media discourse, gender, political rhetoric, irony, self-irony, Hillary Clinton.

Современный политический медиадискурс является не только пространством передачи информации, но и ареной конструирования общественных представлений о гендере, власти и лидерстве. Женщины-политики нередко сталкиваются с противоречивыми ожиданиями общества: быть одновременно компетентными и «мягкими», решительными и «фемининными». Эти установки формируют устойчивые гендерные стереотипы, осложняющие публичное позиционирование женщины-лидера [1; 2, с. 22].

В этом контексте ирония и самоирония становятся эффективными средствами речевой адаптации и имиджевой защиты. Как отмечает Д. Таннен, «женщины в публичной коммуникации чаще прибегают к смягчающим стратегиям, чтобы сохранить социальное одобрение» [4, с. 14]. В политическом медиадискурсе ирония помогает не только дистанцироваться от критики, но и создать образ «человечной» женщины-лидера, способной к самоанализу и юмору.

Научная новизна исследования заключается в комплексном лингвопрагматическом анализе иронии и самоиронии как стратегий преодоления гендерных стереотипов в речах Хиллари Клинтон – одной из наиболее медиатизированных женщин-политиков США.

Цель исследования – выявить функции и прагматический потенциал иронии и самоиронии в формировании позитивного речевого портрета Хиллари Клинтон.

Ирония в современном лингвистическом дискурсе рассматривается как сложный коммуникативный феномен, отражающий двойственность смысла и имплицитное воздействие на адресата. Ироническое высказывание основывается на семантическом несоответствии между выражаемым и подразумеваемым, что делает данный прием инструментом скрытого речевого воздействия. Как отмечает С.Н. Кайвер, «ирония в политическом дискурсе является не только риторическим приёмом, но и стратегией смыслового контроля, посредством которой по-

литик управляет восприятием аудитории» [9, с. 6]. Самоирония, в свою очередь, выступает разновидностью иронической стратегии, направленной на формирование доверия аудитории и смягчение восприятия собственного образа, демонстрируя критическую самооценку, интеллектуальную гибкость и коммуникативную открытость. Использование самоиронии в публичном дискурсе способствует снятию коммуникативного напряжения и укреплению взаимопонимания между говорящим и аудиторией.

Современные лингвистические исследования иронии и самоиронии основываются на прагматическом подходе, восходящем к теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля, которые рассматривают иронию как особый тип косвенного речевого акта, при котором прямое значение высказывания не совпадает с его истинным смыслом [3]. В публичной медиакommunikации ирония и самоирония выполняют не только стилистическую, но и социально-психологическую функцию: они помогают женщине-политику преодолевать гендерные стереотипы, демонстрировать уверенность и дистанцироваться от навязанных ролей.

Методологическую основу исследования составляют современные методы лингвистического анализа медиадискурса, направленные на комплексное выявление лексико-семантических, прагматических и риторических особенностей речи женщины-политика в американском медиаконпространстве.

Материалом исследования послужили публикации ведущих американских изданий (*The New York Times*, *CNN*, *The Washington Post*) за 2008–2024 гг., что позволяет проследить эволюцию речевого портрета Клинтон и особенности его интерпретации в СМИ.

Ирония в речевой практике Хиллари Клинтон выполняет многофункциональную роль, выступая не только средством риторического воздействия, но и инструментом стратегического

управления имиджем в условиях усиленного медийного внимания и гендерной предвзятости. Для женщины-политика, действующей в преимущественно мужском политическом пространстве, ирония становится механизмом, позволяющим дистанцироваться от навязываемых стереотипов, смягчать направленные против неё обвинения и сохранять контроль над коммуникативной ситуацией.

Показательным примером подобной стратегии можно считать её высказывание, сделанное в ходе президентской кампании 2016 года в ответ на обвинения в излишней «жесткости» и «чрезмерной амбициозности»:

«If standing up for women's rights is playing the gender card, then deal me in.» («Если защита прав женщин – это игра в гендерную карту, тогда запишите меня в участницы»).

В данном высказывании Хиллари Клинтон использует иронический приём переосмысления устойчивого выражения *«gender card»*, которое в американском медиадискурсе часто носит негативную коннотацию и подразумевает использование темы пола в политических целях. Однако политик трансформирует данное клише в символический акт самоуважения и уверенности, тем самым смещая фокус восприятия: с обвинительного контекста – на утверждение своей идентичности как женщины, отстаивающей права и равенство. Дальнейшую функциональную характеристику иронии даёт М. Струковская: *«irony mutes negative emotions»* – т.е. ирония «смягчает» выражение негативных эмоций и служит стратегией деэскалации конфликтов в политическом дискурсе [6, с. 188]. Именно такой эффект мы наблюдаем в прозвучавшей реплике Клинтон, где ирония одновременно снижает градус обвинения и конвертирует его в риторическое утверждение достоинства.

Подобный приём можно наблюдать и в её выступлении на *Women in the World Summit* (2015), где, комментируя гендерное неравенство

в политике, она сказала: «*There has never been a better time in history to be a woman – that's what men keep telling us.*» («Никогда в истории не было лучшего времени быть женщиной – по крайней мере, так нам говорят мужчины»).

Здесь ирония строится на контрасте между декларативным равенством и реальными социальными барьерами. За внешней лёгкостью и юмором скрывается критика лицемерия политической системы, где равенство часто существует лишь на уровне риторики.

Не менее показательным является её высказывание на *The Tonight Show with Jimmy Fallon* (2016), когда ведущий предложил обсудить её «усталость» от политической гонки, на что Клинтон с улыбкой ответила: «*I'm so tired of hearing about my emails – and I'm the one who wrote them.*» («Я уже устала слушать про свои письма – и ведь это я их написала»).

В данном случае ирония направлена на нейтрализацию темы скандала с личной перепиской. Юмор выступает способом разрядки напряжения, демонстрируя самообладание и умение переосмыслить негативную ситуацию.

Ещё один пример демонстрирует ироничную игру Клинтон с медийным образом «чрезчур подготовленной» женщины. Во время дебатов с Дональдом Трампом она сказала: «*Yes, I prepared for this debate – and you know what else I'm prepared for? Being president.*» («Да, я готовилась к этим дебатам – и знаете, к чему ещё я готова? Быть президентом»).

Ирония здесь превращается в риторическое оружие, с помощью которого критика («слишком подготовленная») трансформируется в аргумент превосходства и профессиональной готовности.

Хиллари Клинтон использует иронию как стратегию самоутверждения и защиты, превращая потенциально уязвимые моменты в доказательство силы и уверенности.

Если рассматривать самоиронию в публичных выступлениях Хиллари Клинтон, то она

выполняет функцию смягчения имиджа, демонстрируя её как политика, способного к саморефлексии, эмпатии и эмоциональному равновесию. Для женщины-лидера в условиях постоянного медиаприсмотра самоирония становится инструментом формирования доверия, позволяющим сблизиться с аудиторией и снизить дистанцию между официальным статусом и человеческим восприятием.

В интервью CNN (2017) Клинтон сказала: «*They call me overprepared – I call it being a woman in politics.*» («Они называют меня чрезмерно подготовленной – я называю это быть женщиной в политике»). Эта реплика сочетает самокритику и переосмысление гендерного стереотипа. Политик признаёт упрёк, но превращает его в проявление профессионализма и стойкости, свойственной женщинам, которым приходится постоянно доказывать свою компетентность.

Самоирония проявляется также в высказывании Клинтон, произнесённом на мероприятии *Women for Women International* (2017), где она сказала: «*I'm now just a private citizen – who somehow keeps getting invited to talk about the election.*» («Теперь я просто частное лицо, которое, как ни странно, всё ещё приглашают говорить о выборах»). Подобный приём демонстрирует самоироничное осмысление своего положения после поражения. Она использует юмор, чтобы подчеркнуть дистанцию между личным и публичным статусом, что создаёт эффект открытости и доверия.

Ещё один пример самоиронии наблюдается в её книге *What Happened* (2017), где она описывает подготовку к дебатам: «*I practiced staying calm – especially when I felt like screaming into a pillow.*» («Я тренировалась сохранять спокойствие – особенно когда хотелось кричать в подушку»). Это высказывание сочетает откровенность и самоиронию, позволяя аудитории увидеть в политике не холодную фигуру власти, а

человека, испытывающего эмоции, но умеющего с ними справляться.

Как отмечает Дж. Холмс, самоирония женщин-лидеров нередко становится способом «выигрывать через уязвимость», то есть использовать признание слабости как проявление внутренней силы [5, с. 54]. Подобная тактика формирует образ честного, самоироничного лидера, вызывающего симпатию аудитории.

Самоирония Хиллари Клинтон не подрывает её авторитет, а, напротив, усиливает его, создавая баланс между профессиональной компетентностью и эмоциональной открытостью. В сочетании с иронией как формой интеллектуального самоутверждения она формирует сложный и устойчивый речевой портрет женщины-политика, для которой слово является не только инструментом убеждения, но и способом преодоления культурных и гендерных барьеров в медиадискурсе.

В медиатизированном политическом пространстве ирония же становится неотъемлемой частью публичного имиджа политика, активно интерпретируемой средствами массовой информации. Американские медиа, в частности *The Washington Post* и *CNN Politics*, рассматривают ироничные высказывания Хиллари Клинтон как проявление «юмора с миссией» (*humor with purpose*), выполняющего функцию не развлечения, а аргументативного воздействия [9, с. 3]. Медиа используют иронию как механизм персонификации и реконфигурации гендерного образа политика [3, 13]. Такой подход позволяет смягчать критику, вызывать доверие и демонстрировать интеллектуальное превосходство.

Наиболее известным примером стала фраза «*Deal me in*», произнесённая Х. Клинтон в ответ на обвинения в «игре в гендерную карту». СМИ превратили её в мем и символ женской солидарности, что усилило иронический эффект и закрепило за политиком образ уверенной и остроумной женщины-лидера. Аналогично *The*

New York Times отмечала, что использование иронии помогает Клинтон дистанцироваться от прямых обвинений, сохраняя дипломатичный и человеческий тон общения с избирателями.

Современные исследования показывают, что медийная среда усиливает восприятие иронии политиков, добавляя ей новые смыслы. По данным Лейтча, в политической сатире и развлекательных программах, таких как *Saturday Night Live*, по-прежнему сохраняются гендерные стереотипы, влияющие на то, как общество воспринимает женщин-политиков [8, 12]. Данные исследования объясняют, почему ироничные высказывания Хиллари Клинтон, даже когда они эффективно выполняют коммуникативную функцию, нередко интерпретируются СМИ и аудиторией сквозь призму этих стереотипов.

Таким образом, медиа не просто транслируют ироничные реплики, но и участвуют в их интерпретации, превращая отдельные цитаты в элементы массовой коммуникации. Это способствует формированию устойчивого речевого и имиджевого портрета Х. Клинтон как женщины-политика, использующей иронию в качестве средства самопрезентации и коммуникативного влияния.

Проведённый анализ позволил выявить, что ирония и самоирония в речевой практике Хиллари Клинтон выполняют многоплановые и взаимодополняющие функции, сочетая в себе элементы защиты, самопрезентации и стратегического влияния на аудиторию. Эти риторические приёмы способствуют снижению конфликтности дискурса, смягчению критики и одновременно – укреплению авторитета говорящей, демонстрируя её способность сохранять самообладание и интеллектуальную дистанцию в условиях политического давления.

Для женщины-политика ирония становится инструментом адаптации к маскулинным нормам публичного пространства, где требуется баланс между жёсткостью и эмпатией, уверенностью и

скромностью. Самоирония, в свою очередь, помогает выстраивать образ эмоционально зрелого, открытого и человеческого лидера, что усиливает доверие аудитории и способствует формированию позитивного восприятия в медиасреде.

Таким образом, ирония в речи Хиллари Клинтон представляет собой не просто стилистический приём, а сложный дискурсивный феномен, отражающий трансформацию политической коммуникации в эпоху медийной глобализации.

Список литературы

1. **Бузинова, Л.М.** Гендерная лингвистика и искусственный интеллект: репрезентация феминности и маскулинности (на примере приглашений и поздравительных текстов) / Л.М. Бузинова, О.А. Ивашкина, И.С. Степашина // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2025. – Т. 11, № 1. – С. 20-32. – DOI 10.22250/24107190-2025-11-1-20.
2. **Елисеева, И.А.** Гендерные аспекты политического дискурса: коммуникативные стратегии и образ политика. – М.: ЛКИ, 2021. – 178 с.
3. **Brugnoli E., Simone R., Delmastro M.** Gender Stereotypes in the Mediated Personalization of Politics: Empirical Evidence from a Lexical, Syntactic and Sentiment Analysis. – arXiv preprint, 2022.
4. **Tannen, D.** Gender and Discourse. – New York: Oxford University Press, 1994. – 186 p.
5. **Searle, J.** Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1970. – 203 p.
6. **Strukowska, M.** On the Irony–Affect Interface in Political Discourse. – Academic Journal of Modern Philology, Vol. 12 (Special Issue), 2021. – P. 179–194.
7. **Holmes, J.** Gendered Talk at Work: Constructing Gender Identity through Workplace Discourse. – London: Wiley-Blackwell, 2006. – 250 p.
8. **Leicht, C.V.** Not (wo)man enough? Representations of gender stereotypes in political comedy coverage of presidential candidates. European Journal of Politics and Gender. – University of Southampton thesis, 2024.
9. **Qaiwer, S.N.** A Study of Irony in Political Discourse – Arab World English Journal, Special Issue, 2020. – P. 2-17.
10. The Washington Post. Humor with Purpose: Hillary Clinton’s Use of Irony in 2016 Campaign. – P. 2–4.
11. **Zabuzhanska, I., Pieš, L.** The acoustic image of irony (based on American electoral speeches). – Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. Vol. VIII (1), Special issue, 2023. – P. 179–193.
12. Feminine representation of the business sphere: a communicative-cultural aspect / T.Yu. Tameryan, M.R. Zheltukhina, I.A. Zyubina, L.M. Buzinova // European proceedings of social and behavioural sciences epsbs : II International Scientific and Practical Conference, Volgograd, 25–30 мая 2020 года. Vol. 99. – Volgograd: European Publisher, 2020. – P. 914-924.
13. Ways of Representation of Stability in preelection Discourse / T.Yu. Tameryan, M.R. Zheltukhina, L.M. Buzinova [et al.] // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS, Groznyi, 14–15 июня 2019 года. Vol. 76. – Groznyi: Future Academy, 2019. – P. 3014-3020. – DOI 10.15405/epsbs.2019.12.04.406.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА

Л.М. Бузинова, М.С. Четвертухин

В статье рассматривается профессиональная идентичность преподавателя высшей школы как элемент публичного дискурса. Анализируются дискурсивные стратегии самопрезентации, формы коммуникативного взаимодействия и влияние цифровой среды на конструирование педагогического образа. Определяются ключевые факторы формирования публично-профессиональной идентичности и обозначаются перспективы её развития в цифровом образовательном пространстве.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, преподаватель высшей школы, публичный дискурс, самопрезентация, коммуникация, цифровая среда, педагогический образ, академическая культура.

PROFESSIONAL IDENTITY OF A UNIVERSITY TEACHER AS AN ELEMENT OF PUBLIC DISCOURSE

L.M. Buzinova, M.S. Chetvertukhin

The article examines the professional identity of university teachers as an element of public discourse. It analyzes discursive self-presentation strategies, forms of communication, and the impact of the digital environment on the construction of the teacher's image. The study identifies key factors shaping public professional identity and outlines prospects for its development in the digital educational space.

Keywords: professional identity, university teacher, public discourse, self-presentation, communication, digital environment, teacher's image, academic culture.

Современная трансформация системы высшего образования характеризуется глубокими изменениями в статусе и функциях преподавателя, обусловленными цифровизацией, медийностью и социальными трансформациями [1, с. 214].

Переход образовательных и научно-просветительских практик в открытое публичное пространство приводит к тому, что профессиональная идентичность преподавателя перестаёт быть исключительно внутренней характеристикой педагогического сообщества и формируется в условиях постоянного публичного наблюдения и сетевой коммуникации. Публичный дискурс становится одной из ключевых площадок, где педагогическая компетентность, экспертность и академическая репутация обретают видимость и социальное признание [2, с. 166; 3].

Актуальность данного исследования определяется необходимостью анализа механизмов конструирования профессиональной идентичности преподавателя в условиях медиатизации образования, когда цифровые платформы и алгоритмические механизмы видимости задают новые правила институциональной самопрезентации. Современные эмпирические работы свидетельствуют о том, что цифровая среда не только расширяет каналы педагогического влияния, но и модифицирует способы репрезентации преподавателя в общественном сознании [8, с. 6]. Исследование М. Уллы, Г. Леманы и Л. Кёнке показывает, что даже краткие формы визуального контента становятся площадками для формирования типизированных моделей профессиональной идентичности выразительной, адаптивной, реляционной и прогрессивной, каждая из ко-

торых коррелирует с определённым стилем публичной педагогической коммуникации [10].

Параллельно систематические обзоры литературы последних лет фиксируют тенденцию к усложнению профессионального профиля преподавателя. Согласно исследованию Дж. Лян, К. Мейссела и Ф. Элла, идентичность преподавателей высшей школы всё чаще конструируется на пересечении исследовательских, образовательных и коммуникативных практик, в которых публичная видимость становится неотъемлемым элементом академического статуса [9]. Следовательно, анализ публичного дискурса преподавателя высшей школы имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку позволяет выявить новые закономерности профессиональной социализации, самопрезентации и институциональной легитимации педагогической деятельности.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятийного аппарата анализа публичного дискурса преподавателя. Вводится концепт «публично-цифровой идентичности» как особой формы профессионального самоконструирования, опосредованной технологическими средствами коммуникации и сопровождаемой специфическими стратегиями языкового позиционирования. Предложенный междисциплинарный подход создаёт основу для дальнейшего изучения взаимосвязи между лингвистическими механизмами самопрезентации и институциональными формами легитимации профессионального авторитета в цифровую эпоху.

Проблематика профессиональной идентичности преподавателя высшей школы занимает центральное место в современной педагогике, социологии и когнитивной лингвистике, поскольку отражает процессы институциональной и дискурсивной самоорганизации личности в профессиональном пространстве. В социокультурной парадигме идентичность определяется как динамическая система смыслов, формиру-

ющаяся в контексте норм, ценностей и практик академического сообщества. Согласно систематическому обзору Дж. Лян, К. Мейссела и Ф. Элла, университетская идентичность представляет собой гибридную структуру, в которой педагогическая, исследовательская и коммуникативная функции взаимодействуют, формируя вариативные сценарии профессионального самоопределения [9].

Дискурсивный подход трактует профессиональную идентичность преподавателя как производное явление языка и коммуникации, в рамках которого субъект формирует и репрезентирует своё профессиональное «я» посредством стратегий позиционирования, жанрового выбора, модальности и механизмов легитимации экспертности. Идентичность рассматривается не как фиксированное качество, а как динамическая система, возникающая в процессе взаимодействия с аудиторией и институциональной средой. Современные исследования подтверждают, что в условиях цифровизации образовательного пространства идентичность приобретает многослойный характер, объединяя академическое, институциональное и медийно-коммуникативное измерения, что обеспечивает преподавателю возможность адаптации к новым форматам публичного общения и сохранения профессионального авторитета в онлайн-среде [4].

В научной литературе выделяются три устойчивых направления анализа данного феномена. Во-первых, медиатизация преподавательской деятельности рассматривается как фактор, трансформирующий формы взаимодействия между преподавателем и обучающимися и повышающий значимость визуально-коммуникативных стратегий в публичной самопрезентации [5]. Во-вторых, акцентируется гибридизация академических ролей, при которой преподаватель одновременно выполняет функции исследователя, наставника, медиатора и публичного эксперта, что требует постоянного согласования

профессиональных позиций и коммуникативных установок [6]. В-третьих, исследуется влияние цифровизации на профессиональное самосознание, проявляющееся в росте требований к саморегуляции, рефлексии и цифровой коммуникативной компетентности, которые становятся ключевыми условиями устойчивости идентичности в изменяющемся социокультурном контексте [7].

Эмпирическая база настоящего исследования включает корпус текстов, репрезентирующих публичные практики преподавателей высшей школы в 2020–2025 годах. В него вошли публикации на профессиональных интернет-платформах («ПостНаука», «Университет без границ», «Просвещение.Онлайн»), материалы личных блогов и профилей преподавателей в социальных сетях (VK, Telegram, YouTube), а также расшифровки публичных лекций и интервью, размещённых на официальных сайтах университетов. Отбор осуществлялся по критерию принадлежности автора к академическому сообществу, тематической связи с педагогической деятельностью и наличию признаков публичной самопрезентации.

В качестве основных методов анализа использовались:

- контент-анализ речевых актов и элементов автопозиционирования, направленный на выявление частотности тематических и оценочных категорий (например, «экспертность», «ответственность», «вовлечённость аудитории»);
- качественный анализ стратегий самопрезентации и построения экспертности, включающий изучение жанровых особенностей, риторических приёмов и коммуникативных тактик;
- сопоставительный анализ публичного и академического регистров речи, позволивший определить, каким образом профессиональные нормы научной коммуникации модифицируются в медиатизированной публичной среде.

Анализ корпуса публичных текстов преподавателей высшей школы, включающего 120 еди-

ниц контента, позволил установить, что профессиональная идентичность артикулируется через устойчивую систему лингвистических и прагматических средств, в совокупности создающих когнитивно-речевой образ преподавателя как носителя экспертного знания, коммуникативного посредника и репрезентанта академического сообщества. Среди наиболее частотных маркеров зафиксированы термины дисциплинарного уровня, элементы эпистемической модальности («по данным исследований», «результаты анализа показывают»), корректная атрибуция источников, а также формулы академической этики и инклюзивного взаимодействия («мы рассмотрим», «попробуем объяснить») (см. Табл.1). В совокупности эти средства формируют особую тональность научно-просветительской коммуникации, где информативность соединяется с эмпатическим обращением к аудитории.

Полученные данные свидетельствуют о том, что терминологическая насыщенность и эпистемическая модальность значительно выше в текстах протяжённых форматов, что обусловлено как жанровыми ограничениями, так и ожиданием большей степени научной достоверности. Этические маркеры встречаются преимущественно в официально редактируемых материалах, тогда как обращения типа «мы-позиционирование» характерны для персонализированных сетевых каналов и отражают ориентацию на диалогическую модель педагогического общения.

Семантическое и прагматическое кодирование материалов позволило выделить четыре доминирующие роли преподавателя, экспертную, просветительскую, блогерскую и модераторскую, которые реализуются в разных пропорциях в зависимости от функциональных характеристик платформы и жанровых ожиданий аудитории (см. Табл.2).

Таблица 1

Частоты ключевых лингвистических маркеров по платформам (N = 120)

Маркер (учёт наличия в тексте)	YouTube (30)	VK (30)	Telegram (30)	Сайты вузов (20)	Просветплатф. (10)	Итого n (%)
Терминологическая плотность ≥ 3 терм./ед.	24	17	18	19	10	88 (73)
Ссылки на исследования (≥ 1)	22	11	12	18	10	73 (61)
Эпистемическая модальность	26	16	17	18	9	86 (72)
Этические дисклеймеры	18	9	8	15	7	57 (48)
Инклюзивное «мы»	21	19	23	11	5	79 (66)
Указание аффилиации	12	14	10	17	6	59 (49)
Промоциональные вставки	8	12	14	6	2	42 (35)

Таблица 2

Распределение ролей и медианная обратная связь по платформам

Роль / Платформа	YouTube	VK	Telegram	Сайты вузов	Просветплатф.
Эксперт (%)	53	37	33	70	80
Просветитель (%)	33	40	43	20	20
Блогер (%)	7	13	17	5	0
Модератор (%)	7	10	7	5	0
Мед. лайков	620	190	310	45	260
Мед. комм.	48	12	26	3	9
Мед. репостов	35	18	22	5	14

Преобладание экспертной роли на YouTube и просветительской в VK и Telegram обусловлено спецификой алгоритмической дистрибуции контента, длительные лекции стимулируют восприятие автора как авторитетного исследователя, тогда как короткие посты и сторителлинговые форматы способствуют образу доступного наставника. Роль блогера проявляется в жанрах персональной рефлексии и актуального комментария, усиливающих эмоциональную вовлечённость аудитории, но одновременно снижающих долю когнитивно сложных элементов текста. Модераторская функция, напротив, обеспечивает социальную легитимность преподавателя как посредника внутри профессионального сообщества, особенно в случаях взаимодействия с коллегами и цитирования внешних источников.

Результаты проведённого исследования позволяют заключить, что профессиональная идентичность преподавателя высшей школы формируется в сложной системе институциональных, коммуникативных и медийных координат, в которой академическое и публичное пространства взаимопроникают и взаимно детерминируют характер профессионального самопредъявления.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение влияния нейросетевых технологий и инструментов искусственного интеллекта на трансформацию языковых и этических параметров публичной педагогической коммуникации, включая вопросы алгоритмического соавторства, стилистической стандартизации и переосмысления границ авторства в цифровой среде. Не менее значимым представ-

ляется проведение сравнительно-сопоставительного анализа национальных моделей публичного позиционирования преподавателя (Россия, Европа, Азия), что позволит выявить культурно-специфические и универсальные характеристики профессиональной идентичности и определить направления адаптации международных практик к российскому академическому контексту. Научное развитие данной проблематики создаёт основу для формирования теоретически обоснованных рекомендаций по укреплению профессионального статуса преподавателя и совершенствованию механизмов репутационной легитимации в эпоху цифровых коммуникаций.

Список литературы

1. **Александрова Ю.Ю., Миронова Е.В., Камнева Е.В., Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю.** Перспективы развития и риски деформации профессиональной идентичности в условиях «цифровизации» трудового процесса // *Организационная психология*. 2023. - Т. 13. - № 4. - С. 213–235. DOI: 10.17323/2312-5942-2023-13-4-213-235. URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2023-13-4/899309775.html> (дата обращения: 26.10.2025).
2. **Бузинова, Л.М.** Влияние дистанционных образовательных программ на языковую личность преподавателя / Л. М. Бузинова, Л. Л. Зеленская // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. – 2018. – № 4(32). – С. 164-170. – DOI 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-164-170.
3. **Дерендяева Т.М.** Современные аспекты профессиональной идентичности преподавателя высшего образования // *Вестник Башкирского государственного аграрного университета*. 2024. - № 7. URL: <https://bgafpf.elpub.ru/jour/article/view/117> (дата обращения: 26.10.2025)
4. **Польская С.С.** Профессиональная идентичность преподавателей вуза и повышение эффективности их деятельности // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-identichnost-prepodavateley-vuza-i-povyshenie-effektivnosti-ih-deyatelnosti> (дата обращения: 26.10.2025).
5. **Fairclough N.** *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. 2nd ed. London: Routledge, 2013. URL: <https://www.routledge.com/Critical-Discourse-Analysis-The-Critical-Study-of-Language/Fairclough/p/book/9781405858229> (дата обращения: 25.10.2025).
6. **Finlayson J.G.** Jürgen Habermas // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Summer 2023 Edition. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/habermas/> (дата обращения: 23.10.2025).
7. **Friemel T.N., Neuberger C.** The Public Sphere as a Dynamic Network // *Communication Theory*. 2023. Vol. 33, Issues 2–3. P. 92–101. DOI: 10.1093/ct/qtad003. URL: <https://academic.oup.com/ct/article/33/2-3/92/7204103> (дата обращения: 23.10.2025).
8. **Jordan K., Carrigan M.** Special Collection Editorial — Social Media in Higher Education: What’s Happening? // *Journal of Interactive Media in Education*. 2024. Vol. 2024, No. 1. Article 6. P. 1–9. DOI: 10.5334/jime.911. URL: <https://jime.open.ac.uk/articles/10.5334/jime.911> (дата обращения: 26.10.2025).
9. **Liang J., Meissel K., Ell F.** Understanding the Professional Identity of University-Based Teacher Educators: A Systematic Review of the Literature // *International Journal of Educational Research*. 2024. Vol. 127. Article 102406. DOI: 10.1016/j.ijer.2024.102406. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0883035524000922> (дата обращения: 26.10.2025).
10. **Ulla M.B., Lemana H.E. II, Kohnke L.** Unveiling the TikTok Teacher: The Construction of Teacher Identity in the Digital Spotlight // *Journal of Interactive Media in Education*. 2024. Vol. 2024, No. 1. Article 12. DOI: 10.5334/jime.845. URL: <https://jime.open.ac.uk/articles/10.5334/jime.845> (дата обращения: 26.10.2025).

ВИЗУАЛЬНЫЙ МЕДИАТЕКСТ В ВИДЕОИГРАХ: ВЛИЯНИЕ ДИНАМИЧЕСКИХ И ГРАФИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ НАРРАТИВА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИГРОКОМ

Т.В. Ведерникова, Е.В. Березин

Статья посвящена анализу визуального медиатекста в видеоиграх, где ключевую роль играют динамические графические компоненты, интегрированные в нарратив и механики взаимодействия с игроком. Отмечается, что визуальный медиатекст в современных цифровых играх выступает как сложная синтезирующая структура, взаимодействующая с пользователем не только со стороны пассивного восприятия, но и активного сотворчества нарратива.

Ключевые слова: медиатекст, иммедиация, гипермедиация, игровой нарратив, визуальный сторителлинг.

VISUAL MEDIA TEXT IN VIDEO GAMES: THE INFLUENCE OF DYNAMIC AND GRAPHIC COMPONENTS ON NARRATIVE AND INTERACTION WITH PLAYER

T.V. Vedernikova, E.V. Berezin

The article is devoted to the analysis of visual media text in video games, where dynamic graphical components play a central role, being integrated into both the narrative and interaction mechanics with the player. It is observed that visual media text in modern digital games functions as a complex synthesizing structure, engaging the user not only at level of passive perception but also through active co-creation of the narrative.

Keyword: media text, immediacy, hypermediacy, game narrative, visual storytelling.

Современные видеоигры трансформируются в особый вид медиатекста, включающего в себя динамические графические компоненты, интегрированные как в нарратив, так и в механики взаимодействия с пользователем, что создает уникальный опыт восприятия и участия в построении игрового опыта.

Медиатекст представляет собой единицу информационного пространства, содержащую вербальные, визуальные и аудиовизуальные элементы, которые образуют комплексный коммуникативный продукт. Визуальный медиатекст выделяется «сочетанием поликодовых и медиальных компонентов, обеспечивая мультимедальную коммуникацию» [1].

С позиции социолингвистики и функциональной стилистики медиатексты изучались рядом ведущих зарубежных исследователей, среди которых А. Белл, Т. ван Дейк, М. Монтгомери,

Р. Фаулер, и Н. Фейрклаф. Кроме того, значительный вклад в формирование и развитие теории медиатекста внесли российские ученые, такие как Ю.А. Бельчиков, С.И. Бернштейн, А.Н. Васильева, Т.Г. Добросклонская, Я.Н. Засурский, В.Г. Костомаров, А.А. Леонтьев, Ю.В. Рождественский, Г.Я. Солганик, С.И. Трескова, Д.Н. Шмелев. Их работы способствовали глубинному пониманию медиатекста как сложного коммуникативного явления, учитывающего языковую, культурную и ситуативную специфику.

Медитекст характеризуется способностью объединять различные семиотические коды – как вербальные, так и невербальные – в единую коммуникативную структуру. Так, даже традиционные газетные материалы сегодня включают не только текст, но и фотографии, таблицы, графические элементы и оформление шрифтов. Как отмечает Я.Н. Засурский, современный медиа-

текст в некотором смысле превосходит простой текст, поскольку он объединяет графические элементы, призванные сделать содержание более многогранным и точным, звуковое сопровождение, а также связь с обсуждаемым объектом. Благодаря этим свойствам медиатекст приобретает универсальный характер и способен интегрироваться в разные медийные структуры [2].

Визуальный медиатекст в видеоиграх отличается динамичностью. Данная особенность существенно определяет специфику его анализа и восприятия. Комплексное сочетание анимированных изображений, текстовых элементов и аудиодорожек формирует уникальную синсемантическую структуру, в которой ни один компонент не может рассматриваться изолированно. Нарратив видеоигры включает в себя широкий спектр повествовательных элементов, таких как сюжетные линии, визуальная среда, персонажи, диалоги и звуковой дизайн, что способствует глубокому погружению игрока в игровой мир. Такой мультимодальный подход позволяет создать целостное и многомерное пространство, обеспечивающее эффективное взаимодействие между медиатекстом и его реципиентом [3, 29-34].

Также особенностью медиатекста видеоигр является темп и способ восприятия игрового нарратива – он не полностью контролируется авторами. Игрок сам регулирует просмотр сцен, изучение окружения и взаимодействие с интерактивными объектами, что обеспечивает высокую степень гибкости и персонализации повествования. В нарративе видеоигр динамические графические компоненты, такие как анимация, специальные эффекты и адаптивный интерфейс, выполняют не только информативную функцию, но и становятся средствами выражения эмоционального состояния персонажей, развития сюжета и формирования атмосферы игрового мира. Важную роль также играет иммерсивность, которая описывается уровнями иммедиации и гипермидеации Болтера и Грузина. Иммедиация

создает иллюзию непосредственного присутствия в мире игры, тогда как гипермидеация подчеркивает роль интерфейсных механизмов как посредников в коммуникации медиатекста [4, 83-84].

Механизмы взаимодействия визуальных компонентов и нарратива в видеоиграх базируются на интеграции мультимодальных элементов, создающих синергетический эффект погружения и вовлечения игрока в сюжет и бывают нескольких видов.

Первый механизм – визуальный сторителлинг (visual storytelling), где «визуальные элементы напрямую передают сюжетную информацию, эмоциональное состояние персонажей, конфликты и ключевые поворотные элементы истории» [5, 149]. Например, цветовые палитры и световые эффекты могут создавать атмосферу тревоги или надежды, а анимация – демонстрировать реакции героев и динамику событий.

Второй механизм – интерактивность визуала, позволяющая игроку через визуальные подсказки (например, яркие объекты, указатели пути или изменение тканей и текстур) влиять на ход повествования, раскрывая новые сюжетные линии или меняя развитие сюжета в зависимости от принятых решений. «Взаимодействие с визуальными элементами становится активным инструментом нарративного выбора» [6, 45].

Третий механизм – пространственный нарратив, основанный на визуальном и архитектурном дизайне игрового мира, который структурирует пространство таким образом, что оно само по себе рассказывает историю через расположение объектов, символику и детали окружения. Игрок, исследуя визуальное пространство, получает нарративные фрагменты, дающие общее понимание мира и сюжета [7].

Таким образом, взаимодействие визуала и нарратива в видеоиграх реализуется через сочетание сторителлинга, интерактивных визуальных сигналов и пространственного нарратива,

что создает интегрированный медиатекст с высоким уровнем иммерсивности и нарративной сложности. Этот комплексный подход усиливает эмоциональное воздействие и вовлекает игрока в активное участие в повествовании.

Исходя из вышесказанного можно отметить, что современные видеоигры выступают в качестве сложного медиатекста, характеризующегося интеграцией динамических графических компонентов в структуру нарратива и механики взаимодействия с игроком, что формирует мультимодальное коммуникативное пространство.

Медиатекст функционирует как гибкий и интерактивный нарратив, обеспечивающий персонализированное участие пользователя в процессе повествования. Ключевые механизмы взаимодействия визуала и нарратива – визуальный сторителлинг, интерактивные визуальные сигналы и пространственный нарратив – создают синергетический эффект погружения и активного вовлечения, расширяя теоретические и методологические горизонты медиатекстуальных исследований и открывая новые перспективы для разработки и оценки интерактивных мультимедийных продуктов.

Список литературы

1. **Фактулина, Ф.Г., Хабиров, Р.Р.** Медиатекст в современном коммуникативном пространстве // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №1-1. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18258> (дата обращения 08.10.2025)
2. **Засурский, Я.Н.** Медиатекст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики. – 2005. – №2. – С. 3-6. – Текст: непосредственный.
3. **Добросклонская, Т.Г.** Медиатекст: теория и методы изучения // Вестник московского университета. – сер. 10. — Журналистика. – №2. – С. 28-34. – Текст: непосредственный.
4. **Анисимова, В.А.** Трансформация медиакультуры: пастиш, симулякр и ремедиация во франшизах «Один из нас» и «Киберпанк 2077» // Антиномии. – 2023. – Т. 23. — вып. 3. – С. 81-96. – Текст: непосредственный.
5. **Назайкин, А.Н.** Современный визуальный сторителлинг: виды контента и типы // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2024. – № 3. – Текст: непосредственный.
6. **Вечканова, М.С.** Визуализация и интерактивность как тенденция современной журналистики // Челябинский гуманитарий. – 2021. – №2 (55). – С. 43-47. – Текст: непосредственный.
7. **Личагина, А.П.** “Narrational algorithm in exhibition activities: spatial narrative” // Научный электронный журнал ArtCult. – 2024. – №4 (56). – С. 5-18. – URL: <https://artcult.rsuh.ru/eng/issue-56-2024-4/articult-56-4-2024-lichagina.php> (дата обращения 10.10.2025)

ВОЗМОЖНОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПРИМЕРЕ МАТЕМАТИКИ

О.Ю. Вершинская

Статья рассматривает актуальные вопросы интеграции искусственного интеллекта в образование. Основное внимание уделяется механизмам адаптации образовательного процесса на примере математики. В работе предлагается новый термин «Интеллектуальная карта обучения» для обозначения карты всех взаимосвязей того, какие предыдущие темы и терминология должны быть освоены для понимания каждой новой темы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, нейросети, образовательный искусственный интеллект, ОИИ, интеллектуальная карта обучения, ИКО, цифровая трансформация образования, замена преподавателя искусственным интеллектом.

OPPORTUNITIES, CHALLENGES, AND PROSPECTS OF INTRODUCING ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO EDUCATIONAL PROCESSES USING MATHEMATICS AS AN EXAMPLE

O.Yu. Vershinskaya

This article examines current issues related to the integration of artificial intelligence into education. It focuses on mechanisms for adapting the educational process, using mathematics as an example. The paper proposes a new term, "Intelligent Learning Map," to describe a map of all the interconnections between previous topics and terminology that must be mastered to understand each new topic.

Keywords: artificial intelligence, AI, neural networks, educational artificial intelligence, EAI, intelligent learning map, ILO, digital transformation of education, replacing a teacher with artificial intelligence.

Искусственный интеллект (далее ИИ) все больше входит в профессиональную деятельность людей, постепенно заменяя большинство видов деятельности или перенимая часть профессиональных полномочий, удешевляя и ускоряя процессы.

Данная работа рассматривает возможности замены живого преподавания, когда большинство образовательных процессов, от школьного до профессионального образования, будет делегировано ИИ. Но для качественной трансформации еще требуется ряд исследований и разработок. Процесс возможной трансформации приведен на примере математики, но данное исследование может быть применимо и для формирования общих принципов массового образования с помощью ИИ.

В настоящее время при обучении математике ИИ может нести ряд следующих функций [1]:

- персонализированное обучение, подразумевающее создание персональных образовательных траекторий. Предполагает глубокую и интеллектуальную настройку учебного процесса под конкретного ученика. Персонализация направлена на индивидуальные потребности ученика, учитывая особенности стиля обучения, темперамент и цели;

- адаптивное обучение, когда уровень заданий изменяется в зависимости от прогресса ученика. Также направлено на индивидуализацию образовательного процесса, однако здесь упор делается больше на автоматическое изменение содержания и последовательности учебных ма-

териалов непосредственно в процессе изучения. Основная цель — минимизировать разрыв между уровнем подготовки учеников и предлагаемым материалом. Это достигается путем постоянного анализа результатов тестирования и диагностики текущих знаний учащихся [2];

- виртуальные репетиторы (или их аналоги) на основе ИИ, которые могут разбирать решения задач, объяснять ошибки и улучшать понимание математических концепций;

- геймификация. Например, для повышения мотивации учащихся 01math (обучающая онлайн-система по математике) использует систему достижений с медалями и значками [3, 4].

Но ряд важных моментов, который доступен при обучении с живым преподавателем еще недостаточно проработан в обучении с ИИ.

Классический алгоритм преподавания математики основан на традиционных методах, которые фокусируются на передаче знаний от учителя к ученикам в следующих основных формах [5]:

- лекционные занятия. Учитель объясняет основные математические концепции, теоремы и правила для большой аудитории, выступая главным источником информации. Это эффективный способ дать теоретические основы, но роль ученика при этом обычно пассивна;

- решение задач на доске. Учитель последовательно демонстрирует решение математических задач, показывая логику и алгоритмы применения знаний. Это помогает развивать у учеников алгоритмическое мышление и навыки систематизации;

- письменные упражнения. Практическая работа с задачами, примерами и уравнениями способствует закреплению материала и тренировке вычислительных навыков, что помогает применять теорию на практике.

Очевидно, что при массовом внедрении ИИ в образовательный процесс обучение будет преимущественно индивидуальным и ориентированным на конкретного обучающегося. В на-

стоящее время индивидуальное обучение с преподавателем наиболее распространено в репетиторстве. В случае индивидуального обучения математике с репетитором, занятия по математике строятся следующим образом:

- 1) объяснение новой темы, что является аналогом лекционных занятий;

- 2) выполнение практических заданий с поддержкой преподавателя, что является аналогом задач на доске;

- 3) выполнение практических заданий самостоятельно, но под наблюдением или с обратной связью преподавателя. В отличие от массового обучения обучающийся может получить обратную связь сразу же по выполнению задания. Что является аналогом письменных упражнений;

- 4) в конце занятия ученику может выдаваться или не выдаваться домашнее задание (ДЗ). Если ДЗ выдавалось, то в начале следующего занятия оно проверяется. Если ДЗ не было, то в начале следующего занятия могут даваться примеры на предыдущую тему для проверки усвоения и запоминания. Также задания по предыдущей теме в начале урока помогают актуализировать знания [6].

В целом, индивидуальное обучение с преподавателем имеет ряд основных преимуществ:

- преподаватель в процессе объяснения новой темы может спрашивать у конкретного обучающегося, понятно ли ему объяснение, т. е. запрашивать обратную связь;

- преподаватель может давать задания не только после объяснения всей темы, но и в процессе, чтобы понимать, усваивает ли ученик материал. И делать это можно от простого к сложному;

- если обучающийся не понимает какую-то тему из-за того, что у него есть пробелы в предыдущих знаниях, преподаватель может это выяснить и объяснить пропущенную или забытую тему;

- если ученику непонятна новая тема, преподаватель может объяснять одну и ту же тему

разными способами, пока не найдет такое объяснение, которое ученик сможет воспринять;

– важное преимущество живого преподавателя, которое пока не может повторить искусственный интеллект, – это способность воспринимать процесс обучения комплексно, используя не только логический анализ действий обучающихся, но и собственное восприятие невербальных сигналов и ощущений. Опытный преподаватель может почти инстинктивно определять, насколько хорошо студент усваивает новый материал, и проверять правильность своей оценки с помощью вопросов или специально подобранных заданий. Такой педагог способен быстро распознавать факторы, препятствующие пониманию, и эффективно устранять их, направляя усилия на решение конкретных проблемных моментов.

Таким образом, индивидуальное обучение является более эффективным чем групповое, т. к. ориентировано на личный прогресс ученика, адаптируется под конкретного обучающегося и позволяет качественно взаимодействовать с факторами, затрудняющими успешное освоение учебного материала.

Далее представлено детальное изложение алгоритма реализации индивидуального обучения с применением технологий искусственного интеллекта. Для детализации понятия «искусственный интеллект» вводится специальный термин **«Образовательный искусственный интеллект»** (далее ОИИ), обозначающий ИИ, специализированно разработанный и оптимизированный для решения задач в сфере образовательного процесса.

1) Объяснение новой темы. При объяснении новой теме необходимо предусмотреть такую возможность, чтобы ОИИ мог давать разные объяснения одной и той же темы, ориентируясь на конкретный тип учащегося.

Например, В.А. Крутецкий выделял 3 типа учащихся:

– аналитический тип – учащиеся, у которых в первую очередь развито вербально-логическое мышление. Они предпочитают абстрактные рассуждения, любят оперировать символами, формулами и теоретическими концепциями. Легко осваивают дисциплины, требующие анализа, дедукции и умозаключений, такие как математика, физика, логика. Их привлекают задачи, которые требуют построения четких схем и моделей, доказательства теорем и нахождения закономерностей. Примером такого типа являются студенты, предпочитающие точные науки и склонные к инженерному творчеству;

– геометрический тип – те, у кого развито наглядно-образное мышление. Эти ученики лучше всего воспринимают информацию, представленную визуально, активно пользуются образами и пространственными представлениями. Им легче решать задачи, требующие воображения, графического отображения, моделирования и визуализации. Представители этого типа успешно справляются с задачами, связанными с рисованием, конструированием, решением геометрических головоломок и выполнением чертежей. Часто это будущие художники, дизайнеры, инженеры-конструкторы;

– гармонический тип, для которого характерен баланс хорошо развитых словесно-логического и наглядно-образного компонентов. Такой баланс позволяет легко переключаться между абстрактными и наглядными формами познания, применять разнообразные стратегии при изучении нового материала. Этот тип чаще встречается среди детей, демонстрирующих высокие показатели успеваемости и универсальность мышления. Преимуществом гармонического типа является гибкость и готовность интегрировать разные способы переработки информации [7, 8].

При разработке ОИИ важно предусматривать различные модели объяснения, ориентированные на разные типы обучающихся. В процессе взаимодействия с конкретным учеником

и анализа обратной связи будут накапливаться сведения, позволяющие понимать, какие объяснения лучше подходят в конкретном случае. В нейросетях уже сейчас доступна персонализация ответов с учетом предыдущих запросов и информации о пользователе, но в ОИИ важно заложить такую персонализацию, направленную на различные типы восприятия и усвоения информации.

На современном этапе развития ИИ возможно объяснение новой темы совместно с живым преподавателем. Данная схема может быть реализована следующим образом: ОИИ последовательно предъявляет ученикам тематический материал, варьируя форму подачи в зависимости от индивидуальных потребностей. В ситуациях, когда ученик испытывает трудности в усвоении материала, а ОИИ не способен точно установить причины возникновения проблемы, живой преподаватель включается в процесс обучения. Дополнительно возможно вовлечение специалиста-психолога, чья задача будет состоять в диагностике факторов, препятствующих полноценному пониманию материала.

Дальнейшее совершенствование ОИИ приведет к значительному сокращению потребности в участии преподавателей и психологов, вплоть до автономии обучающей системы. Как, впрочем, и формат группового обучения в значительной степени изменится на индивидуальный. По мере расширения функционала искусственного интеллекта взаимодействие с живым преподавателем сохранит своё значение главным образом как средство приобретения эмоционального опыта, социального взаимодействия и установления коммуникативных связей. Групповая форма обучения с преподавателем при этом может иметь свои преимущества в отдельных ситуациях, следовательно, может сохранять своё значение и использоваться в соответствующих учебных практиках.

2) Выполнение практических заданий с преподавателем. На текущем этапе развития ИИ

здесь еще может быть нужен преподаватель и, возможно, психолог, который сможет качественно проанализировать причины, препятствующие пониманию материала, разобраться, что нужно для изучения пропущенных или забытых предшествующих тем; дать эмоциональную оценку или эмоциональную поддержку в случае ошибки. Некоторым обучающимся важно получать положительную обратную связь о своей работе, это повышает интерес и мотивацию. При этом обратная связь от ОИИ и от значимой фигуры - живого преподавателя - может восприниматься с существенными различиями. Но поддержка преподавателя, как и подключение преподавателя на этом этапе потребуется не всем ученикам, т. к. зависит от индивидуальных особенностей. Если тема хорошо понятна, часть обучающихся может сразу самостоятельно сделать задания, а эмоциональную поддержку или мотивацию при этом может обеспечить ОИИ.

3) Выполнение практических заданий самостоятельно с мгновенной обратной связью по факту выполнения задания.

Этот этап может быть делегирован ОИИ. Преподаватели/психологи могут подключаться в случае трудностей учащихся или если, с учетом индивидуальных особенностей обучающегося, важна обратная связь от живого человека.

4) Повторение пройденной темы в начале следующего занятия.

Может быть полностью делегировано ОИИ.

Таким образом, одно из основных направлений в обучении, которое доступно живым преподавателям, но пока слабо реализовано в ИИ, – это работа с причинами, по которым у обучающегося могут возникать трудности в понимании. Отдельные задачи требуют вмешательства живого человека, в то время как другие могут решаться средствами ИИ. Вместе с тем, для полного перехода в категорию ОИИ, потребуется еще ряд исследований и доработок методологического плана.

Различные источники выделяют множество разных причин непонимания математики. Исследователи выделяют нейropsychологические, психологические и педагогические факторы, которые влияют на восприятие и усвоение материала [9].

Ниже приводятся некоторые основные проблемы непонимания учебных тем обучающимися, на примере математики [9, 10], и возможности их решения с помощью ИИ.

Сложности с абстрактным и аналитическим мышлением, важным для понимания математических формул и задач. Недостаточное умение выделять структуру и логику задачи, которые необходимы для решения.

Потребуется подробная диагностика обучающегося на предмет того, являются ли эти сложности постоянными или временными, зависят от внутренних или внешних факторов, развиваемы ли такие способности у конкретного ученика или не подлежат существенному изменению. Для составления такой диагностики еще требуются специальные исследования, которые можно будет адаптировать для использования ОИИ. Исходя из итогов проведенной диагностики, могут формироваться индивидуальные рекомендации, нацеленные на ликвидацию выявленных затруднений, а также составляться специальная программа, направленная на дальнейшее развитие и улучшение способностей учащегося.

Психологическое давление и страх перед предметом, блокирующие внимание и память, снижая способность к обучению (математическая фобия).

В данном случае может помочь взаимодействие учащегося с живым, доброжелательным преподавателем, который постоянно дает положительную обратную связь, но это лишь один из способов. Существенно может помочь работа с психологом, направленная на преодоление фобии и составление рекомендаций для преподавателя/ОИИ по взаимодействию с учащимся. В

сам ОИИ изначально может быть заложен алгоритм работы с такими обучающимися.

Перегрузка информацией и низкая концентрация внимания на уроке.

В процессе индивидуального обучения преподаватель обычно замечает ухудшение концентрации внимания ученика и принимает меры. Можно сменить вид деятельности, предложить небольшой перерыв для отдыха или применить другие приёмы, возвращающие учащемуся сосредоточенность. Если ученик так устал, что не может нормально воспринимать информацию, преподаватель может прекратить занятие. Поэтому целесообразно научить ОИИ проводить диагностику состояния учащегося. При обнаружении симптомов усталости или рассеянности ОИИ инициирует взаимодействие, позволяющее выяснить причины ухудшения концентрации и разработать стратегию их преодоления. Решение этой задачи потребует дополнительного научного обоснования и разработки эффективных методов диагностики, пригодных для автоматизированного мониторинга в процессе обучения.

Пропуски важных тем или слабое усвоение предыдущих разделов — «эффект снежного кома» непонимания.

На текущем этапе развития ИИ решение данной проблемы - сильная сторона живого преподавателя, поскольку не все существующие технологии искусственного интеллекта в преподавании математики способны к качественному анализу этого вопроса. За исключением подготовки к государственным экзаменам (ЕГЭ, ОГЭ), одним из основных мотивов обращения к репетиторам по математике служит следующая причина: ребенок пропустил или не понял тему по математике, и из-за этого дальнейшее непонимание предмета нарастает по принципу «эффекта снежного кома». Преподаватель по каждой непонятной теме определяет, какие пробелы в предыдущих знаниях к этому привели. В настоящее время системы ИИ могут дать подроб-

ный разбор решения математического задания. Если непонятна только одна тема, то это может быть хорошим подспорьем в обучении. Но на текущий момент в системах ИИ слабо реализована способность анализировать опыт ученика с точки зрения того, какие прошедшие темы могли привести к непониманию текущей. Решением этой проблемы в ряде дисциплин, в том числе в математике, при переходе к обучению с ОИИ может быть разработка **интеллектуальных карт обучения** (далее ИКО). Это карты, отражающие взаимосвязь изучаемой темы с предшествующими материалами. Они указывают, какие темы и терминология необходимы учащемуся для полноценного понимания новой темы.

Без таких карт, которые сможет использовать ОИИ, индивидуальное обучение с ИИ по ряду предметов не будет полноценным. Это отдельная методологическая работа, необходимая для трансформации при переходе к масштабному образованию с ОИИ. Информация обо всех таких взаимосвязях должна быть занесена в ИКО и использоваться ОИИ в процессе преподавания. Это довольно распространённая проблема: новая область знаний вызывает трудности, так как учебные пособия редко учитывают различные уровни подготовки и возможные пробелы в знаниях учащихся. Так, например, при изучении автором нескольких книг по статистическому анализу, действительно применимой для обучения с нуля оказалась только одна — «Статистика и котики», автор В. Савельев.

Если обучение происходит с помощью ИИ, а не готовых учебных пособий, то обучающийся может задавать наводящие вопросы. Но в некоторых дисциплинах и темах обучаемый может не разобраться, какой вопрос ему нужно задать, чтобы приблизиться к пониманию. Возможна ситуация, что даже задавая вопросы, обучающийся не поймет ответы. Поэтому наличие и использование образовательным ИИ таких ИКО было бы универсальным решением проблемы.

В среднем и высшем образовании ИКО требуются преимущественно в дисциплинах, связанных с точными и инженерными науками, а также в дисциплинах, связанных с ИТ и медициной. «Эффект снежного кома» характерен там, где знания строятся последовательно и зависят друг от друга.

Недостаточная мотивация и интерес к предмету.

С одной стороны, преодоление этой проблемы может быть сильной стороной живого преподавателя, т. к. мотивация и интерес связаны с эмоциями, которые передаются от человека к человеку. С другой стороны, ИИ может использовать огромную базу знаний, чтобы сгенерировать способы разнообразить обучение и сделать его более интересным.

Физиологические или нейропсихологические проблемы, например, дислексия или дискалькулия.

В образовательный ИИ должна быть заложена базовая диагностика соответствующих проблем и пути их преодоления, адаптация программ для таких обучающихся.

Плохая память обучающегося или наличие внешних факторов, временно влияющих на запоминание в отрицательную сторону. Некорректный режим обучения и отдыха, приводящий к утомлению и снижению познавательной активности. Стрессы и внешние факторы, отвлекающие внимание и снижающие эффективность занятий.

Требуется проработка диагностики состояния учащегося и внедрение в ОИИ. При выявлении перечисленных трудностей ОИИ может включать в образовательную программу специальные упражнения, направленные на тренировку памяти, а также рекомендовать компенсирующие меры в случаях влияния внешних факторов, таких как хроническая усталость, недостаток сна или низкий уровень физической активности. Некоторые состояния, в том числе признаки стрес-

са, системы ИИ могут отслеживать уже сейчас. Важно, чтобы кроме диагностики рекомендации по коррекции тоже были заложены в ОИИ.

Следовательно, при включении в образовательный процесс искусственного интеллекта и разработке мощных моделей ОИИ, и особенно при переходе к массовому обучению с помощью ОИИ, важно учитывать следующее:

1) Возможность подключения живого преподавателя и психолога к образовательному процессу с использованием ИИ, пока механизмы взаимодействия не будут опробованы и многократно выверены;

2) Моделирование эмоционального фона обучения в зависимости от индивидуальных особенностей обучающегося;

3) Разработка и внедрение в ОИИ:

а) интеллектуальных карт обучения (ИКО), где это применимо, для повышения эффективности процесса;

б) параметров диагностики различных текущих состояний обучающегося, в том числе приводящих к сложностям усвоения учебного материала;

с) параметров диагностики особенностей восприятия обучающегося;

д) рекомендаций по результатам диагностики.

Таким образом, массовое использование ИИ в образовании требует еще специальных исследований, разработок и адаптации для применения в ОИИ.

Процесс внедрения искусственного интеллекта в образование неизбежен и обещает принести значительную пользу обществу, однако наряду с очевидными позитивными последствиями необходимо учитывать сопутствующие ограничения.

Большинство исследователей настаивает на необходимости участия преподавателей при внедрении ИИ в образование [11, 12]. Полная замена живого преподавания искусственным ин-

теллектом во всех предметных областях чревата риском появления поколения, лишённого широких познавательных интересов и увлечённости, поскольку уникальный личностный вклад преподавателя, его вдохновение и пример не будут передаваться обучающимся. Однако постепенное внедрение технологий ИИ может трансформировать роль человека в образовательном процессе, открывая новые формы взаимодействия и обогащения учебного пространства.

Техническую часть обучения и формирования базы знаний может брать на себя ОИИ. Но для той части, которая связана с областями недоступными искусственному интеллекту, необходимо участие преподавателей или специально подготовленных и отобранных людей, с учетом того, что базовую нагрузку по преподаванию будет нести ОИИ.

Для взаимодействия с обучающимися в эпоху ИИ станут наиболее актуальны люди:

– занимающиеся интеллектуальным трудом, обладающие повышенным уровнем интеллекта и способностью инициировать размышления или повышать интеллектуальный уровень у других людей. Взаимодействие будет инициировать интеллектуальное развитие обучающихся;

– обладающие высоким эмоциональным интеллектом, эмпатией, доброжелательностью, высокими моральными качествами. Взаимодействие позволит развивать эмоциональные и моральные качества, а также социальные навыки;

– увлеченные своим делом и способные создавать вовлекающую среду, от технических дисциплин до творчества и физкультуры. Взаимодействие будет инициировать интерес и формировать увлеченность к различным областям знаний и деятельности;

– обладающие способностью мотивировать, вдохновлять на достижение целей. Взаимодействие позволит формировать важные качества характера.

Преподаватели, имеющие подобные компетенции, есть и в настоящее время. По мере

возрастания роли искусственного интеллекта в образовании будет важным сохранение именно таких профессионалов, а также привлечение молодых кадров, обладающих аналогичными качествами. Большинство людей сегодня задают-

ся вопросом: «Не заменит ли мою профессию в будущем искусственный интеллект?». Ответ заключается в области уникальных человеческих проявлений, недоступных для воспроизведения искусственным интеллектом.

Список литературы

1. **Awang L. A., Yusop F. D., Danaee M.** Current practices and future direction of artificial intelligence in mathematics education: A systematic review // International Electronic Journal of Mathematics Education. 2025. Vol. 20, no. 2. Article em0823. URL: <https://doi.org/10.29333/iejme/16006> (дата обращения: 30.10.2025).
2. **Подколзин М. М.** Интеллектуальная система адаптивного обучения на основе нейронных сетей для персонализации образовательных траекторий студентов российских вузов // Информатика и образование. 2024. Т. 39, № 6. С. 65-81.
3. «Корпоративный университет Сбербанка». Электронный курс «Искусственный интеллект в образовании». Раздел: «ИИ на службе математического образования: опыт платформы 01math». URL: <https://courses.sberuniversity.ru/ai-education/4/1> (дата обращения: 31.10.2025).
4. Сайт проекта 01math. О проекте «01Математика». URL: <https://01math.com/about> (дата обращения: 31.10.2025).
5. **Акмырадов Я. Ч., Мурадов Ю. М.** Методы обучения математике: традиционные и современные подходы // Вестник науки. 2024. № 9 (78).
6. **Вершинская О.Ю.** Дневниковые записи личного опыта преподавания математики за 2021-25 гг. // Личный архив автора. 2025 г.
7. **Пресмег Н.** Статья по докладу на конференции «Психология и технологии математического образования», 18–21 марта 2019 г., Москва. URL: <https://www.nkj.ru/open/36138/> (дата обращения: 26.10.2025).
8. **Крутецкий В. А.** Психология математических способностей школьников. // М.: Просвещение. 1968. С. 342-360.
9. **Кислякова М. А.** Неудачность учащихся по математике как психолого-педагогический феномен // Наука и школа. 2021. № 3.
10. **Левчук З. К., Крицкая Н. В.** Проблема понимания математического материала учащимися начальных классов // Вестник науки и творчества. 2016. № 3 (3).
11. **Провоторова Л. И.** Искусственный интеллект: полезный инструмент или замена преподавателя? // Сифра. Педагогика. 2024. № 2 (4).
12. **Давыдова Г. И., Шлыкова Н. В.** Риски и вызовы при внедрении искусственного интеллекта в систему высшего образования // Вестник практической психологии образования. 2024. Т. 21, № 3. С. 62–69.

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОЯВЛЕНИЙ ПОДРОСТКОВОЙ ЗАСТЕНЧИВОСТИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Е.В. Власова

В статье анализируется трансформация феномена застенчивости в подростковом возрасте под влиянием цифровой среды. Цифровизация коммуникации создает новые условия для проявления и преодоления социальной тревожности, формируя гибридные формы социального взаимодействия. На основе теоретического анализа и данных эмпирического исследования выявлены специфические паттерны проявления застенчивости в онлайн- и офлайн-контекстах. Показано, что цифровое пространство может выступать как компенсаторным ресурсом, так и дополнительным стрессором, в зависимости от типа застенчивости и семейного контекста. Предложена модель дифференцированного психологического сопровождения подростков.

Ключевые слова: застенчивость, подростковый возраст, цифровая социализация, социальная тревожность, киберкоммуникация, семейные факторы, психологическая профилактика.

DIGITAL ENVIRONMENT AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF ADOLESCENT SHYNESS MANIFESTATIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS

E.V. Vlasova

The article analyzes the transformation of the phenomenon of shyness in adolescence under the influence of the digital environment. The digitalization of communication creates new conditions for the manifestation and overcoming of social anxiety, forming hybrid forms of social interaction. Based on a theoretical analysis and empirical research data, specific patterns of shyness manifestation in online and offline contexts are identified. It is shown that digital space can act as both a compensatory resource and an additional stressor, depending on the type of shyness and family context. A model of differentiated psychological support for adolescents is proposed.

Keywords: shyness, adolescence, digital socialization, social anxiety, cybercommunication, family factors, psychological prevention.

Феномен застенчивости, традиционно исследуемый в контексте офлайн-взаимодействий, претерпевает существенную трансформацию в условиях цифровизации социальной жизни подростков. Классические подходы, представленные в работах Ф. Зимбардо, определявшего застенчивость как «состояние чрезмерной озабоченности мнением других о себе» [1, с. 45], и В.Н. Куницыной, описывавшей ее как «комплексное образование, включающее когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты» [2, с. 112], требуют переосмысления в новой коммуникативной реальности.

Актуальность исследования обусловлена парадоксальным влиянием цифровой среды: с одной стороны, она предоставляет альтернативные каналы для социального экспериментирования и самопрезентации [3], с другой – усугубляет риски социальной изоляции и формирования «дислокационной» идентичности [4]. Как справедливо отмечает А.А. Реан, «цифровая социализация создает принципиально новые контексты для решения возрастных задач, нивелируя одни риски и порождая другие» [3, с. 34].

Особую значимость приобретает анализ семейного контекста как медиатора влияния

цифровой среды на проявления застенчивости, что ранее не становилось предметом специального изучения.

Целью нашего исследования выбрано выявление и анализ специфики проявлений подростковой застенчивости в условиях гибридной (онлайн/офлайн) коммуникации с учетом влияния семейных факторов.

Объектом исследования стало проявление застенчивости у подростков в контексте цифрового пространства и социальных коммуникаций онлайн и офлайн.

Теоретической основой исследования выступили: концепция социальной тревожности Ф. Зимбардо [1], теория социального научения А. Бандуры [4], экологическая теория развития У. Бронфенбреннера [5], а также современные работы по психологии цифровой социализации [3, 10, 11, 12, 13, 14, 15].

Эмпирическое исследование проводилось в 2024 году на выборке подростков 14-16 лет ($N=120$, 60 девушек и 60 юношей), разделенных на две группы по критерию полноты семьи (60 – из полных семей, 60 – из неполных). Использовался комплекс методик:

1. Тест диагностики застенчивости (А.Б. Белоусова, И.М. Юсупов, 2005).

2. Шкала социальной тревожности Либо-вица (LSAS) в адаптации И.В. Григорьевой, С.Н. Ениколопова [7].

3. Методика «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера.

4. Авторская анкета для оценки предпочтений и стратегий коммуникации (онлайн/офлайн).

Для обработки данных применялись методы описательной статистики, корреляционный и сравнительный анализ (U-критерий Манна-Уитни, χ^2). Статистическая обработка проводилась в программе SPSS 23.0.

Проведенное исследование выявило статистически значимые различия в проявлениях застенчивости в зависимости от коммуникативного контекста и типа семьи ($p \leq 0,05$). Результаты сравнительного анализа представлены в таблице 1.

Анализ данных таблицы показывает, что подростки из неполных семей демонстрируют статистически значимый более высокий уровень застенчивости и социальной тревожности в офлайн-ситуациях. При этом они значимо чаще предпочитают текстовые формы онлайн-коммуникации (мессенджеры, социальные сети), что, на наш взгляд, является компенсаторной стратегией, позволяющей контролировать самопрезентацию и минимизировать непосредственный эмо-

Таблица 1.

Сравнительные показатели проявлений застенчивости у подростков из полных и неполных семей в разных коммуникативных контекстах (средние значения)

Показатель	Подростки из полных семей (n=60)	Подростки из неполных семей (n=60)	Уровень значимости (p)
Общий уровень застенчивости (офлайн)	42,3 ± 5,1	48,7 ± 4,9	0,01
Социальная тревожность (офлайн)	35,1 ± 6,2	41,5 ± 5,8	0,05
Комфорт в онлайн-коммуникации	7,8 ± 1,5	6,2 ± 1,8	0,01
Предпочтение текстовой коммуникации	68%	82%	0,05 (χ^2)
Страх негативной оценки (онлайн)	5,1 ± 1,2	6,9 ± 1,4	0,05

циональный контакт. Этот феномен согласуется с идеей А. Бандуры о том, что «виртуальная среда может служить пространством для опосредованного социального научения и построения самооэффективности» [4, с. 215], однако при определенных условиях закрепляет избегающее поведение.

Качественный анализ позволил выявить два основных типа реагирования.

1. Адаптивный тип («цифровые исследователи»). Характерен для 45% подростков из полных семей с демократическим стилем воспитания. Для них онлайн-среда выступает полигоном для отработки коммуникативных навыков с последующей интеграцией в офлайн-жизнь. Они используют цифровые ресурсы для расширения социальных связей, что коррелирует с более низкими показателями общей тревожности.

2. Деадаптивный тип («цифровые беглецы»). Преобладает среди 60% респондентов из неполных семей, где часто отмечается гиперопека или эмоциональная холодность. Для этой группы характерен уход в виртуальное пространство как способ избегания сложностей реального общения, что приводит к усилению социальной изоляции и закреплению негативной Я-концепции, описанной ранее Л.И. Божович [8].

Полученные данные позволяют утверждать, что семейная система является критическим фактором, опосредующим влияние цифровой среды на подростковую застенчивость. В неполных семьях, где зачастую наблюдается дефицит ресурсов для эмоциональной поддержки, цифровая среда чаще

приобретает компенсаторно-избегающий характер, что в долгосрочной перспективе может препятствовать успешному решению задач подросткового возраста, связанных с формированием идентичности и установлением близких отношений [9, 3].

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о трансформации проявлений подростковой застенчивости под влиянием цифровой среды. Установлено, что данная трансформация носит нелинейный характер и существенно опосредована семейным контекстом. Цифровое пространство обладает амбивалентным потенциалом: оно может служить как «социальным тренажером» для подростков с демократичной семейной поддержкой, так и «убежищем», усугубляющим социальную тревожность, в условиях дефицита семейных ресурсов.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке интегративной модели анализа подростковой застенчивости, учитывающей взаимодействие личностных, семейных и технологических факторов.

Практические выводы сводятся к необходимости разработки дифференцированных программ психолого-педагогического сопровождения, направленных не на запрет цифровых практик, а на развитие цифровой гигиены, навыков гибридной коммуникации и укрепление детско-родительских отношений. Перспективным направлением дальнейших исследований является лонгитюдное изучение траекторий развития застенчивости в условиях непрерывной цифровизации.

Список литературы

1. Зимбардо Ф. Как побороть застенчивость. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 308 с.
2. Куницына В.Н. Межличностное общение: Учеб. для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.
3. Реан А.А. Цифровая социализация: риски и возможности. – М.: Владос, 2022. – 98 с.
4. Бандура А. Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.
5. Бронфенбреннер У. Два мира детства: Дети в США и СССР. – М.: Прогресс, 1976. – 167 с.
6. Реан А.А. Психология изучения личности. – М.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 288 с.
7. Григорьева И.В., Ениколопов С.Н. Апробация опросников «Шкала социальной тревожности Либовица» и «Шкала страха негативной оценки» // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 1. – С. 115-124.

8. **Божович Л.И.** Личность и её формирование в детском возрасте. – СПб.: Питер, 2008. – 398 с.
9. **Кон И.С.** Психология подростка. – М.: Просвещение, 2003. – 254 с.
10. **Сердюкова Е.Ф., Шаповалова М.Л., Хребина С.В.** Потребность в аффилиации у подростков с разным уровнем застенчивости. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2021. Т. 4. № 7. С. 20-26. <https://elibrary.ru/item.asp?id=47871526>
11. **Masri-zada T.** The Impact of Social Media & Technology on Child and Adolescent Mental Health. *PMC*, 15 April 2025. Влияние социальных сетей и технологий на психическое здоровье детей и подростков – PMC
12. **Odgers, CL.** Adolescent Mental Health in the Digital Age: Facts, Fears, and the Future. *PMC*, 16 January 2020. Психическое здоровье подростков в цифровую эпоху: факты, страхи и направления на будущее – PMC
13. **Hamilton, JL.** Leveraging Digital Media to Promote Youth Mental Health. *PMC*, 7 April 2024. Использование цифровых медиа для укрепления психического здоровья молодежи: переворачивая сценарий рисков, связанных с социальными сетями – PMC
14. **Rachel Ehmke.** Child Mind Institute. How Using Social Media Affects Teenagers. *Child Mind Institute*, 19 June 2025. Social Media Effects on Teens | Impact of Social Media on Self-Esteem Как использование социальных сетей влияет на подростков.
15. **Wanlin Dong, Haishan Tang, Xijia Wu, Guangli Lu, Yanqing Shang, Chaoran Chen** NIH. The effect of social anxiety on teenagers' internet addiction. *PMC*, 26 May 2024. Влияние социальной тревожности на интернет-зависимость у подростков: посредническая роль одиночества и стили совладания – PMC

УДК 159.9

АЛЕКСИТИМИЯ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПРЕДИКТОРОВ ПСИХОСОМАТИЗАЦИИ У ПАЦИЕНТОВ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА В ОБЩЕМЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКЕ

Е.В. Власова, М.А. Кожевникова

В статье обоснована актуальность исследования, обусловленная высокой распространенностью и низкой выявляемостью (диагностикой) психосоматических расстройств у пациентов молодого возраста в общей медицинской практике. Авторы проводят теоретический анализ эволюции взглядов на проблему психосоматики и представляют результаты эмпирического исследования. На выборке из 30 человек подтверждается существование статистически значимой взаимосвязи между уровнем алекситимии, тревожно-депрессивной симптоматикой и психосоматическими проявлениями. Формулируются практические рекомендации по психологическому консультированию данной категории пациентов.

Ключевые слова: алекситимия, аффективные симптомы, психосоматические проявления, молодой возраст.

ALEXITIMIA AS ONE OF THE KEY PREDICTORS OF PSYCHOSOMATIZATION IN YOUNG PATIENTS IN GENERAL MEDICAL PRACTICE

E.V. Vlasova, M.A. Kozhevnikova

The article substantiates the relevance of the study due to the high prevalence and low detection (diagnosis) of psychosomatic disorders in young patients in general medical practice. The authors conduct a theoretical analysis of the evolution of views on the problem of psychosomatics and present the results of an empirical study. A sample of 30 people confirmed the existence of a statistically significant relationship between the level of alexithymia, anxiety-depressive symptoms and psychosomatic manifestations. Practical recommendations on psychological counseling for this category of patients are formulated.

Keywords: alexithymia, affective symptoms, psychosomatic manifestations, young age.

Современная общая медицинская практика характеризуется значительным преобладанием пациентов, страдающих нераспознанными психическими расстройствами, что в первую очередь касается пограничных состояний, включая невротические и соматические расстройства [1].

Эпидемиологические показатели распространенности психосоматической патологии существенно варьируют, отражая несовершенство классификационных подходов, отсутствие четкого понятийного аппарата и противоречивость дефиниций. Согласно научным данным, частота психосоматических расстройств в популяции колеблется от 0,5% до 50%, а в общей медицинской

практике достигает 66,8% [2]. Особую тревогу вызывает тот факт, что врачи общей практики в силу недостаточной осведомленности выявляют психосоматические нарушения лишь у 4% пациентов, тогда как распространенность обращений, связанных с депрессивными расстройствами, в общую медицинскую сеть достигает 10% [3].

При этом врачами-ординаторами распознаются только 10–30% от этого числа, что свидетельствует о значительной латентности аффективной патологии, замаскированной соматическими симптомами.

Структура заболеваемости в детском и молодом возрасте претерпела существенные изме-

нения в пользу проблем с адаптацией и психосоматических нарушений. Выборочные исследования контингента детей и подростков соматического стационара демонстрируют, что в 53,2% случаев соматические нарушения детерминированы психическими, преимущественно депрессивными расстройствами [4]. Патоморфоз психических болезней, выражающийся в соматизации психопатологических проявлений, наряду с нарастающей «невротизацией» соматических заболеваний вовлекает в обслуживание данного контингента широкий круг специалистов, не подготовленных к решению возникающих мультидисциплинарных проблем.

Пациенты с соматизированными и соматоформными расстройствами, маскирующими психическую патологию, длительное время наблюдаются врачами-терапевтами, подвергаются дорогостоящему и зачастую инвазивному обследованию, что порождает ятрогении и фрустрацию как пациентов, так и медицинских работников.

Психосоматические расстройства представляют собой гетерогенную группу состояний, возникающих на основе взаимодействия психического и соматического факторов и проявляющихся соматизацией психических нарушений, психическими расстройствами, отражающими реакцию на соматическое заболевание, либо развивающейся соматической патологией под влиянием психогенных факторов. Особенностью «ядерной» группы психосоматических расстройств является то, что их происхождение обусловлено нарушениями психической сферы, а клинические проявления доминируют в соматической сфере, выступая на первый план диагностического процесса. Согласно концепции А.Б. Смулевича, состояния этого круга объединяет общий признак – «перекрывание» расстройств психической и соматической сферы на разных уровнях коморбидности [2].

В соответствии с изложенным становится очевидной необходимость разработки интегри-

рованных моделей оказания помощи пациентам молодого возраста с психосоматическими расстройствами, предусматривающих тесное взаимодействие психиатров, психотерапевтов и врачей-терапевтов.

Актуальность настоящего исследования обусловлена также недостаточной изученностью специфики психосоматических проявлений именно в молодом возрасте (18–35 лет), когда формирование адаптационных механизмов подвергается интенсивным нагрузкам в условиях социально-профессионального становления личности.

Разработанность проблемы психосоматических заболеваний в научной литературе демонстрирует эволюцию взглядов от умозрительных концепций до комплексных междисциплинарных моделей, интегрирующих психологические, физиологические и социальные аспекты. Исторически истоки психосоматики восходят к трудам Гиппократов, который подчеркивал важность понимания индивидуальных особенностей пациента, а не только болезни [5]. В дальнейшем значительный вклад в формирование психосоматической парадигмы внес немецкий психиатр Иоганн Хейнрот, впервые использовавший термин «психосоматика» и объяснявший возникновение соматических расстройств как следствие внутренних психологических конфликтов [1].

Значительное влияние на развитие психосоматической медицины оказал психоанализ. Зигмунд Фрейд ввел понятие конверсионной истерии, где телесные симптомы рассматривались как символическое выражение вытесненных переживаний [1]. Франц Александер развил эту идею, предложив концепцию вегетативного невроза, согласно которой хроническое эмоциональное напряжение приводит к функциональным, а затем и органическим нарушениям висцеральных систем. Он также выделил специфические эмоциональные конфликты, характерные для определенных заболеваний, и ввел понятие

тропности психологических вредностей к определенным органам [5].

Дальнейшее развитие психодинамического направления связано с теорией профилей личности Ф. Данбар, предполагавшей наличие корреляции между личностными чертами и склонностью к конкретным соматическим заболеваниям [1, 5].

Важным этапом стало выделение феномена алекситимии П. Сифнеосом, который рассматривал ее как ключевой фактор риска развития психосоматозов. Алекситимия характеризуется неспособностью к вербализации эмоциональных состояний, что приводит к соматизации аффективного напряжения [6]. Концепция алекситимии получила развитие как новая парадигма психосоматической медицины, объясняющая переход эмоционального стресса в телесную симптоматику через дефицит психической переработки аффектов [7].

Параллельно с психодинамическим развивалось соматоцентрическое направление, основанное на принципах нервизма и работах И.П. Павлова, С.П. Боткина и И.М. Сеченова. Представители этого подхода, такие как В.Х. Василенко и Д.С. Саркисов, критиковали концепцию «функциональных заболеваний», настаивая на неразрывном единстве структуры и функции. Они утверждали, что любое функциональное расстройство имеет свой морфологический субстрат, который может быть не выявлен современными диагностическими методами [5].

Современное состояние проблемы характеризуется синтезом различных подходов и формированием интегративных моделей. Теория коморбидности, разработанная А.Б. Смулевичем, рассматривает психосоматические расстройства как синдромальное единство психических и соматических нарушений, которые закономерно сопутствуют друг другу, образуя устойчивый патологический комплекс [2]. В рамках этого подхода выделяются реакции по типу симптомати-

ческой лабильности, где обязательным условием манифестации соматического заболевания является наличие психотравмирующих событий.

Особое внимание в современных исследованиях уделяется роли биологических ритмов. Ряд авторов предлагает рассматривать психосоматические заболевания как состояния, имеющие единый патогенетический механизм, основанный на дисрегуляции ритмоорганизующих структур [5, 8]. Исследования показывают, что многие психосоматозы, такие как язвенная болезнь двенадцатиперстной кишки, бронхиальная астма, гипертоническая болезнь, имеют сезонный характер течения и синхронную динамику психопатологических и соматических симптомов.

В практическом аспекте современная психосоматика ориентируется на процессуальные модели, рассматривающие болезнь как остановленное развитие самоидентичности. А.В. Хайкин выделяет три основные задачи психосоматической работы: подготовку клиента, проработку внутриличностных конфликтов и активизацию внутренних исцеляющих механизмов [9]. В терапевтической практике используются гипнотерапевтические, процессуальные и телесно-ориентированные техники, направленные на раскрытие смысла симптома и его трансформацию.

Таким образом, современное понимание психосоматических заболеваний базируется на мультифакторной модели, учитывающей конституциональную предрасположенность, личностные особенности, аффективные нарушения и дисрегуляцию нейровегетативных и ритмических процессов. Интеграция психосоматики и соматической медицины, в частности в рамках психонейроиммунологии, открывает перспективы для разработки комплексных подходов к диагностике и терапии этих расстройств [1, 7, 9].

Основной целью настоящего исследования является выявление и анализ взаимосвязей между уровнем алекситимии, выраженностью тревожно-депрессивной симптоматики и психо-

соматическими проявлениями у лиц молодого возраста в условиях многопрофильного медицинского центра.

Исходя из теоретического анализа проблемы были выдвинуты три основные гипотезы исследования. Первая гипотеза предполагает, что лица с высоким уровнем психосоматических жалоб имеют статистически значимо более высокие показатели алекситимии по сравнению с группой с низким уровнем соматизации. Вторая гипотеза заключается в существовании положительных корреляционных связей между уровнем тревоги, депрессии и выраженностью психосоматических симптомов. Третья гипотеза предполагает, что субшкала «Трудность идентификации чувств» является одним из значимых предикторов психосоматизации среди компонентов алекситимии.

В качестве основных методов исследования использовались три стандартизированных психодиагностических инструмента. Гиссенский опросник соматических жалоб (GBV) в адаптации НИПНИ им. В. М. Бехтерева применялся для оценки интенсивности и характера психосоматических симптомов [10]. Опросник состоит из 57 пунктов, объединенных в четыре шкалы: истощение, желудочные симптомы, боли в конечностях и сердечные жалобы.

Торонтская алекситимическая шкала в адаптации НИПНИ им. В. М. Бехтерева использовалась для диагностики уровня алекситимии [11]. Методика включает 26 пунктов, образующих три субшкалы: трудность идентификации чувств, трудность описания чувств и внешне-ориентированное мышление.

Опросник SCL-90-R в адаптации Н.В. Тарабриной применялся для оценки широкого спектра психопатологической симптоматики [12]. В рамках настоящего исследования анализировались показатели по шкалам соматизации, тревожности и депрессии.

Исследование проводилось на базе многопрофильного медицинского центра с участием

30 человек в возрасте от 18 до 35 лет. Средний возраст участников составил 26,4 года при стандартном отклонении 4,1 года. Выборка включала 18 женщин (60%) и 12 мужчин (40%). Критериями включения в исследование являлись возраст от 18 до 35 лет, наличие стойких соматических жалоб при отсутствии диагностированной органической патологии, а также добровольное информированное согласие на участие в исследовании. Критериями исключения служили острые психические расстройства, органические заболевания в стадии декомпенсации и умственная отсталость.

Все участники обращались в медицинский центр с различными соматическими жалобами: головные боли напряжения отмечались у 43% пациентов ($n=13$), кардиалгии и сердцебиения – у 27% ($n=8$), гастроэнтерологические нарушения – у 30% ($n=9$). На основе медианного значения по шкале GBV вся выборка была разделена на две группы: экспериментальную группу составили 15 человек с высоким уровнем психосоматизации ($GBV > 45$ баллов), группу сравнения – 15 человек с низким уровнем психосоматизации ($GBV \leq 45$ баллов).

Процедура исследования включала три последовательных этапа. На диагностическом этапе осуществлялся сбор анамнеза и получение информированного согласия от всех участников. Основным этапом предполагал индивидуальное заполнение батареи опросников в стандартных условиях. На аналитическом этапе проводилась статистическая обработка полученных данных с использованием программного пакета SPSS 23.0. Применялись методы дескриптивной статистики (расчет средних значений и стандартных отклонений), U-критерий Манна-Уитни для сравнения групп, r-критерий корреляции. Уровень статистической значимости был установлен на уровне $p < 0,05$.

Проведенное исследование выявило статистически значимые различия между группами с

высоким и низким уровнем психосоматизации. Группа с высокими показателями по Гиссенскому опроснику демонстрировала среднее значение 58,3 балла при стандартном отклонении 8,1, в то время как группа с низким уровнем психосоматических жалоб показала средний результат 33,2 балла при стандартном отклонении 7,4. Различия между группами были статистически значимыми ($U = 28,5$; $p < 0,001$), что подтверждает репрезентативность проведенного разделения выборки.

Анализ показателей алекситимии выявил существенные межгрупповые различия. Общий балл по Торонтской шкале в группе с высокой психосоматизацией составил $78,6 \pm 6,9$, что значимо превышает показатели группы сравнения ($65,8 \pm 9,3$; $U = 42,0$; $p < 0,01$). Наиболее выраженные различия наблюдались по субшкале «Трудность идентификации чувств»: в экспериментальной группе средний показатель достиг $28,4 \pm 3,2$ балла против $22,1 \pm 4,5$ балла в группе сравнения ($U = 45,5$; $p < 0,05$). Полученные данные свидетельствуют о том, что именно дефицит способности к распознаванию эмоциональных состояний представляет собой ключевой компонент алекситимии в контексте психосоматических расстройств.

Исследование эмоционального состояния показало значительное преобладание тревожно-депрессивной симптоматики в группе с высокой психосоматизацией. По шкале тревожности опросника SCL-90-R экспериментальная группа показала результат $2,32 \pm 0,51$ балла против $1,28 \pm 0,43$ балла в группе сравнения ($U = 30,0$; $p < 0,001$). Аналогичная динамика наблюдалась и по шкале депрессии: $2,45 \pm 0,62$ балла в группе с высокой психосоматизацией против $1,32 \pm 0,52$ балла в контрольной группе ($U = 35,5$; $p < 0,001$). Эти результаты подтверждают коморбидность психосоматических расстройств с аффективной патологией.

Корреляционный анализ выявил тесные взаимосвязи между изучаемыми параметрами.

Наиболее сильная положительная корреляция установлена между общим баллом психосоматических жалоб и показателями по субшкале «Трудность идентификации чувств» ($r = 0,723$; $p < 0,001$). Значимые корреляционные связи также обнаружены между уровнем психосоматизации и общим показателем алекситимии ($r = 0,684$; $p < 0,01$), тревожностью ($r = 0,692$; $p < 0,01$) и депрессией ($r = 0,645$; $p < 0,01$). Полученные корреляции подтверждают комплексный характер взаимосвязей между эмоциональной некомпетентностью, аффективными нарушениями и соматизацией психологического стресса.

Полученные результаты позволяют утверждать, что психосоматические расстройства у лиц молодого возраста формируются на основе сложного взаимодействия когнитивных и аффективных факторов. Ядром данного симптомокомплекса выступает алекситимия, прежде всего ее когнитивный компонент, связанный с трудностью идентификации чувств. Невозможность адекватно распознавать и дифференцировать эмоциональные состояния приводит к их неправильной интерпретации и соматизации. Накладывающаяся на этот базовый дефицит тревожно-депрессивная симптоматика выполняет роль патопластического фактора, усугубляя тяжесть и продолжительность психосоматических проявлений.

На основании полученных результатов представляется возможным и даже необходимым сформулировать ряд практических рекомендаций для организации психологического консультирования в условиях медицинской практики. Первостепенной профессиональной задачей является внедрение в клиническую практику обязательной диагностики уровня алекситимии у пациентов молодого возраста с хроническими соматическими жалобами при отсутствии органической патологии. Раннее выявление эмоциональной некомпетентности позволит своевременно начать прицельную психокоррекционную работу.

Содержательное наполнение психологического консультирования должно включать техники развития эмоционального интеллекта, направленные на преодоление алекситимических проявлений. Наиболее эффективными представляются методы, способствующие расширению эмоционального словаря, обучению дифференциации телесных ощущений и эмоциональных состояний, развитию навыков вербализации аффекта. Использование дневников эмоций и телесно-ориентированных подходов позволяет создать условия для преодоления дефицита эмоционального осознания.

Важным направлением работы является коррекция тревожно-депрессивной симптоматики методами когнитивно-поведенческой терапии. Психообразование о взаимосвязи эмоций и телесных симптомов, когнитивная реструктуризация катастрофизирующих интерпретаций соматических ощущений, обучение техникам эмоциональной саморегуляции – все эти вмешательства способствуют разрыву порочного круга

«эмоциональный дистресс-соматизация-усиление тревоги».

Особое внимание следует уделять развитию адаптивных копинг-стратегий, поскольку именно их дефицит лежит в основе хронификации психосоматических расстройств. Формирование навыков проблемно-ориентированного совладания, поиска социальной поддержки, эмоциональной саморегуляции создает психологические условия для преодоления соматизации как дезадаптивной копинг-стратегии.

Организационный аспект рекомендаций предполагает внедрение интегрированного подхода, сочетающего усилия врачей-интернистов и клинических психологов. Создание системы междисциплинарного взаимодействия в условиях медицинского центра позволит обеспечить комплексную помощь пациентам с психосоматическими расстройствами, сочетающую симптоматическое лечение и патогенетическую психокоррекцию.

Список литературы

1. Великанова Л.П., Шевченко Ю.С. Психосоматические расстройства: современное состояние проблемы (часть 1) // Социальная и клиническая психиатрия. – 2005. – № 15(4). – С. 79-91.
2. Смулевич А.Б., Сыркин А.Л., Козырев В.Н. и соавт. Психосоматические расстройства (клиника, эпидемиология, терапия, модели медицинской помощи) // Журн. неврол. и психиатр. им. С.С.Корсакова. – 1999. – № 4. – С. 4-16.
3. Гиндикин В.Я. Справочник: соматогенные и соматоформные психические расстройства (клиника, дифференциальная диагностика, лечение). – М., Изд-во «Триада – Х», 2000. – 256 с.
4. Антропов Ю.Ф. Динамика невротической депрессии у детей и подростков // Журн. неврол. и психиатрии. – 2002. – № 5. – С. 15-19.
5. Колесников Д.Б., Рапопорт С.И., Вознесенская Л.А. Современные взгляды на психосоматические заболевания // Клиническая медицина. – 2014. – Т. 92. – №. 7. – С. 12-18.
6. Sifneos P.E. The prevalence of 'alexithymic' characteristics in psychosomatic patients // Psychotherapy and Psychosomatics. — 1973. — Vol. 22, № 2–6. — P. 255–262.
7. Sifneos P.E. Problems of patients with alexithymic characteristics and physical disease // Psychotherapy and Psychosomatics. — 1975. — Vol. 26, № 2. — P. 65–70.
8. Sifneos P.E. Psychotherapies for psychosomatic and alexithymic patients // Psychotherapy and Psychosomatics. — 1983. — Vol. 40, № 1–4. — P. 66–73.
9. Хайкин А.В. К теории и практике психосоматики // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2012. – Т. 8. – №. 2. – С. 193-198.
10. Абабков В.А. и др. Применение Гиссенского опросника соматических жалоб в клинике пограничных нервно-психических и психосоматических расстройств / СПб. : Психоневрол. ин-т, 1993. – 24 с.

11. **Ересько Д.Б. и др.** Алекситимия и методы ее определения при пограничных психосоматических расстройствах. Пособие для психологов и врачей. Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева – 2005.
12. **Тарабрина Н.В.** Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 2. М.: КогитоЦентр, 2007. – 207 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОШИБОК В УПОТРЕБЛЕНИИ РАЗДЕЛЯЕМЫХ СЛОВ НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА ПИСЬМЕННЫХ РАБОТ HSK

Джанг Ксяожинг, О.А. Санникова

Статья посвящена анализу разделяемых слов – своеобразного лингвистического феномена в современном китайском языке, являющегося ключевым и сложным аспектом в преподавании грамматики и лексики. В данной статье рассматриваются данные, отмеченные как содержащие «ошибки в разделяемых словах», на основе масштабного «Корпус письменных работ HSK», и анализируются причины этих ошибок на основе статистических результатов.

Ключевые слова: Корпус письменных работ HSK, разделяемые слова, обучение лексике, обучение грамматике, ошибки, стратегии обучения

A STUDY OF ERRORS IN THE USE OF SEPARABLE WORDS: A STUDY BASED ON THE HSK WRITING CORPUS

Zhang Xiaojing, O.A. Sannikova

The article is devoted to the analysis of separable words—a distinctive linguistic phenomenon in modern Chinese, and a key and challenging aspect of Chinese grammar and vocabulary teaching. This paper studies the data marked as “separable word errors” based on the large-scale “HSK Dynamic Writing Corpus 3.0,” and analyzes the reasons for these errors based on the statistical results.

Keywords: HSK Dynamic Writing Corpus, separable words, vocabulary teaching, grammar teaching, errors, teaching strategies

Актуальность. Разделяемые слова – относительно уникальное лингвистическое явление в современном китайском языке. Формально они состоят из двусложных морфем. В сочетании эти две морфемы обладают грамматическими свойствами слова; при разделении они функционируют как словосочетание, между которыми могут быть вставлены другие элементы. С точки зрения экспрессии разделяемые слова демонстрируют как целостность, так и единичность значения. Другими словами, семантически они обладают важными свойствами, «слова» – целостностью и единичностью, – в то время как синтаксически они демонстрируют явные характеристики «фразы» – способность расширяться путем вставки других элементов. Формы расширения разделяемых слов разнообразны, часто требуют учета таких факторов, как

структура слова и реальные потребности в выразительности. Поэтому изучающим китайский язык часто трудно отличить, когда разделяемые слова «разделяются», а когда «соединяются», не понимая эффективные методы расширения. Это делает разделяемые слова серьезной проблемой в преподавании китайского языка. Эффективное преподавание в классе, сокращение количества ошибок учащихся и помощь им в освоении точного языка во многом зависят от аутентичной и систематической поддержки корпуса и анализа ошибок. HSK Dynamic Writing Corpus HSK 3.0 (<https://hsk.blcu.edu.cn/>) (далее именуемый «корпус динамических эссе») представляет собой корпус эссе, написанных иностранными студентами, для которых китайский язык не является родным, и которые сдали экзамен на высший уровень владения китайским языком [2]. В на-

стоящее время корпус содержит 10 787 эссе, написанных частью экзаменуемых в период с 1992 по 2005 год, что делает его одним из крупнейших и наиболее широко используемых межъязыковых корпусов. Его изучение способствует систематическому анализу ошибок учащихся и предоставляет непосредственные рекомендации для практики преподавания [1].

Целью данного исследования является классификация ошибок учащихся в процессе использования учебного материала, а также объяснение и анализ ошибок на основе полученных статистических результатов для создания рекомендаций преподавателям.

Методы исследования. В исследовании применялись аналитический метод, который был использован для обработки данных и статистический анализ.

Основная часть. В этом исследовании были отобраны 84 записи из «Динамического корпуса письменных работ», отмеченные как «ошибки в разделяемых словах». Для обеспечения точности мы сначала проверили каждую из этих 84 записей, удалив 13 неверно помеченных записей (т.е. записей, в которых фактический тип ошибки не был связан с разделяемыми словами), в результате чего в корпусе осталось 71 верная запись. Затем мы провели классификационный и атрибуционный анализ этих 71 записи. Исследование показало, что ошибки в разделяемых словах в корпусе можно разделить на следующие основные типы:

1. Неправильное добавление дополнения. Корпус содержит 23 предложения такого типа. В глагольных конструкциях с отделяемой приставкой второй слог сам по себе является дополнением, поэтому обычно не требует отдельного дополнения. Если действие подразумевает лицо, то лицо необходимо представить с помощью предлога и поставить перед отделяемым глаголом.

Возьмем в качестве примера глагол «见面» (встречаться), его можно использовать в сочета-

нии со следующими конструкциями «跟/和/同/与+谁+见面». В качестве альтернативы используется отделяемый глагол «离» (lí), можно также подставить такие модификаторы, как «你的» (nǐ de), «我的» (wǒ de) и т. д., чтобы обозначить объект, связанный с действием. Например: «见+谁的+面». В корпусе динамических сочинений есть ошибки, связанные с этим аспектом:

1) 现在我也有机会见面他们. (Правильнее сказать «跟/和他们见面» или «见他们的面»)

2) 他是为了见面他的女朋友…… (Правильно «跟他的女朋友见面» или «见他女朋友的面»)

3) ……我又见面他了. (Правильно “我又跟他见面了”)

4) 孩子一般出生后见面的第一个人就是他的父母. (Вместо “见面” должно быть “见”)

Еще пример, “毕业” — слово, “ закончил университет(школу)” В этом случае предлог «从» следует добавлять перед «毕业», т.е. «从大学毕业» (окончание университета). Связанные ошибки, выявленные в этом корпусе, включают:

5) 今年我毕业了大学.

6) 女儿快要毕业大学了.

7) 我马上毕业大学.

8) 在我快要毕业大学的时候……

9) 明年我们都毕业大学.

10) 可是毕业大学以后……

11) 妈妈已帮助我毕业大学了.

12) 两年后我要毕业大学的时候……

«帮忙» (помощь) — это слово, которое часто употребляется неправильно.

Тоже относится к словам, в которых часто встречаются ошибки.

13) 和尚要帮助人民的忙…… (правильно “和尚要帮人民的忙”)

14) 他们帮助我很多忙. (правильно “他们帮我很多忙”)

15) ……帮忙爸爸的公司…… (правильно “帮爸爸公司的忙”)

16) ……热情地帮忙我. (правильно “热情地帮我的忙”)

17) 她老是帮忙我们. (правильно “她老是帮我的忙”)

18)帮忙祖父. (правильно “帮祖父的忙”)

19)帮忙法国一些名牌服装公司设计简单的服装. (Вместо “帮忙” должно быть “帮”)

Помимо упомянутых выше слов, в которых наблюдается высокий уровень ошибок, следующие четыре предложения также относятся к этому типу ошибок.

20) 孩子不听话爷爷. (правильно “孩子不听爷爷的话”)

21)人一旦中毒了香烟..... (правильно “人一旦中了香烟的毒”)

22) 母亲怀孕小弟时..... (Вместо “怀孕小弟” должно быть “怀小弟”)

23)任职总设计师. (правильно “任总设计师一职”)

2. В 15 предложениях ошибки вызваны неправильной вставкой дополнения. Среди них: 搬家、打架、放假、考试、抽烟、写信、回家、挑水、帮忙、见面等 и т. д. Когда элементы, выражающие длительность, количество, результат, возможность или состояние действия, выполняют функцию дополнения, отделяемый глагол должен быть отделен, а дополнение должно быть помещено между двумя слогами:

1)搬家了三次. (правильно “搬了三次家”)

2) 我曾经搬家过 5 次. (правильно “我曾经搬过5 次家”)

3) 他们每天好几次打架. (правильно “他们每天打好几次架”)

4) 我们公司也放假了一个星期. (Вместо “放假了一个星期” должно быть “放了一个星期假”)

5) 考试完以后..... (правильно “考完试以后”)

6) 一次抽烟以后..... (правильно “抽一次烟以后”)

7)一两次写信..... (правильно “写一两次信”)

8)一个月一次回家. (правильно “一个月回一次家”)

9)住院几个月..... (правильно “住几个月院”)

10) 三天一次挑水..... (правильно “三天挑一次水”)

11)省你一次挑水..... (правильно “省你挑一次水”)

12)半天说话..... (правильно “说半天话”)

13) 每个星期一次跟一起准备的同学见面. (правильно “每个星期跟一起准备的同学见一次面”)

14)相互之间知道有什么困难赶去帮忙一下. (Вместо “帮忙一下” должно быть “帮一下忙”)

Если составное дополнение направления вставляется в отделяемый глагол, оно не может располагаться непосредственно в середине отделяемого глагола. Вместо этого составной глагол направления должен быть отделен, при этом первая морфема должна быть помещена после глагольной морфемы отделяемого глагола. Вторая морфема составного дополнения должна быть помещена после морфемы дополнения отделяемого глагола.

15) 在屋子里有人抽起烟起来.....(Правильным предложением должно быть: “在屋子里有人抽起烟来.....”)

3. Атрибутивный модификатор может быть вставлен между двумя морфемами глагольной группы, разделяемой глаголом и дополнением, чтобы ограничить или изменить природу, или состояние дополнения. Слово, выступающее в роли атрибутивного модификатора, может быть квантификатором, прилагательным, местоимением или краткой фразой. Важно отметить, что атрибутивный модификатор должен предшествовать дополнению. В этом корпусе содержится 17 предложений с этой ошибкой. Среди них ошибка обнаружена в слове «抽烟».

1) 很长时间抽烟..... (правильно “抽很长时间烟”)

2) 我会一点点吸烟..... (правильно “我会吸一点点烟”)

3) 我不会太多抽烟. (правильно “我不会抽太多烟”)

4) 因为他每天很多抽烟..... (Вместо “很多抽烟” должно быть “抽很多烟”)

5) 别那么多抽烟. (правильно “别抽那么多烟”)

6) 去年在中国留学了半年..... (Вместо “留学了半年” должно быть “留了半年学”)

7) 我认为罚款对在公共场所边走边抽烟的人是一个非常好的规定. (“罚款对在公共场所边走边抽烟的人” следует заменить на “罚对在公共场所边走边抽烟的人的款”).

8)罚款在公共场所边走边抽烟的人.....

9) 罚款边走边抽烟的人..... (правильно “罚边走边抽烟的人的款”)

10)该罚款这样的人吧! (правильно “该罚这样的人的款”)

11) 帮忙自己的朋友. (правильно “帮自己朋友的忙”)

12) 那个动物受伤了很重. (Вместо “受伤了很重” должно быть “受很重的伤”)

13) 别人会受伤得很厉害. (Вместо “受伤得很厉害” должно быть “受很厉害的伤”)

14)省力了许多. (правильно “省了很多力”)

15) 我死心了考大学的梦想. (правильно “我死了考大学的梦想的心”)

16) 他心中很多很多流泪了. (правильно “他心中流了很多很多泪”)

17)还举例某人因少年时不用功读书..... (правильно “还举了某人因少年时不用功读书的例子”)

4. Ошибки, возникающие из-за неправильного использования динамических частиц. Динамические частицы «着», «了» и «过» могут вставляться между отделяемыми глаголами. Однако при их добавлении два слога отделяемого глагола должны быть разделены перед добавлением необходимой частицы, то есть частица

должна располагаться после глагольного компонента. Например, «遇见» должно быть «看见面» или «加了面». То же самое относится к «帮帮». Всего имеется 9 предложений с подобными ошибками.

1) 小时候由于爸爸的工作的关系, 我曾经搬家过 5 次. (Исправлен на “我曾经搬过 5 次家”)

2) 这么多年都没见过面. (Вместо “没见过面” должно быть “见过面”)

3) 我有一段时间戒烟过. (Вместо “戒烟过” должно быть “戒过烟”)

4)我爸爸从来没戒烟过..... (Вместо “从来没戒烟过” должно быть “从来没戒过烟”)

5) 我在大学读书时, 在一家书店打工过. (Вместо “打工过” должно быть “打过工”)

6) 我的朋友们都结婚过. (Вместо “结婚过” должно быть “结过婚”)

7) 因为香烟的火, 有的孩子受伤过. (Вместо “受伤过” должно быть “受过伤”)

8) 他很满意地点头了. (Вместо “点头了” должно быть “点了头”)

9) 我已经结了婚, 有一个妻子. В данном контексте следует сказать: «Я уже женат». «了» в конце предложения указывает на изменение действия или состояния, а не после глагола «结», указывающего на завершение действия.

5. Ошибки, связанные с дублированием. Форма редупликации глаголов, отделяемых от глагола-дополнения, отличается от формы обычного глагола. При выражении короткого действия или случайного состояния дублируется только предшествующий глагольный компонент в форме «ААВ». Для завершенных состояний обычно используется форма «А了АВ». Например, «帮了帮帮», «开开开会», «看看看书». Вопросительная форма – «А不/没АВ», например «帮不帮帮», «开不开会», «看不看书». В этом корпусе есть одна ошибка такого типа: «所以互让步一步...». «让步一步» следует писать «让一让步». Помимо вышеперечисленных ошибок, связанных с разделяемыми глаголами, существует

ещё один тип ошибок, когда учащиеся ошибочно используют слова, которые сами по себе не являются разделяемыми глаголами. Примеры предложений с этой ошибкой:

1) 我想应推销员的聘. (правильно “我想应聘推销员”)

2) 应了贵公司的招聘. (правильно “应聘了贵公司”)

3)应贵公司的聘的人员. (правильно “应聘贵公司的人员”)

4)得了爸爸的罪..... (правильно “得罪了爸爸”)

5) 我也上中学时恋过爱. (правильно “我也上中学时恋爱过”)

6) 利用这些时间来看点书, 学点习不行吗? (Вместо “学点习” должно быть “学习一会儿” или “学习一下”)

Вышеупомянутые ошибки можно в целом разделить на два типа: те, где слово «离» должно было присутствовать, но его не было, и те, где слово было разделено, но вставленный компонент был неправильно обработан. Мы отметили, что, хотя корпус был взят из письменной части экзамена по китайскому языку продвинутого уровня, сдаваемого учащимися, слова, встречающиеся в этих ошибках, в основном относились к начальному/среднему уровню. Это также иллюстрирует, что изучение разделяемых слов является сложной задачей, а точное освоение их употребления – относительно длительный процесс.

Одной из основных причин этих ошибок является недостаточность соответствующего материала в учебниках. Особенно очевидна некорректная аннотация разделяемых слов: в некоторых учебниках аннотация отсутствует, в некоторых они обозначены как словосочетания, а в других — как глаголы. Мы рекомендуем, чтобы в учебниках каждое слово с отделяемыми слогами в разделе «Словарь» было чётко прокомментировано, а при произношении использовалась система пиньинь, то есть с пробелами между

слогами или такими символами, как «//» или «-».

Международные стандарты уровня владения китайским языком в образовании на китайском языке, введённые в действие в 2021 году, используют символ «//» для обозначения слов с отделяемыми слогами в разделе «Словарь», например, «放假» (fàng//jià) обозначается как «fàng//jià»[3].

Кроме того, раздел «Новые слова» в учебниках должен сопровождаться соответствующими примерами предложений, чтобы помочь учащимся освоить правильное употребление слов на основе их знания словарного запаса. Без примеров предложений учащиеся легко могут предположить, что слова с отделяемыми слогами ничем не отличаются от обычных глаголов. Это особенно распространено среди учащихся с русским образованием: многие слова с разделяемыми приставками при переводе на русский язык оказываются не словосочетаниями, а глаголами, что приводит к использованию их непосредственно в качестве глаголов, что приводит к таким ошибкам, как «не разделяем их, когда следует». В ходе преподавания в классе рекомендуется объяснять, как разделяемые слова встречаются в каждом уроке, поскольку это важный учебный момент. Когда в тексте встречается слово с разделяемой приставкой, следует чётко объяснить, в каких ситуациях его следует разделять, как именно, и как оно употребляется в сочетании с дополнениями, дополнениями или другими членами предложения. В объяснении эффективнее сочетать объяснение с кратким анализом распространённых ошибок и сравнивать сходства и различия в употреблении с соответствующими русскими словами.

Подводя итоги, можно сказать, что слова с разделяемыми приставками составляют значительную часть современного китайского языка, и многие из них часто используются на начальном и среднем уровнях; поэтому им следует уделять должное внимание.

Список литературы

1. Бузинова, Л.М. Китайский язык в университетской среде: позитивные тенденции и сложности / Л.М. Бузинова, Н.Д. Пашковская // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 86-3. – С. 50-53. – EDN QSTQHU.
2. 韩晓明, 胡琬莹, 向雅婕. 离合词是词还是短语: 基于汉语母语者认知的考察 // 语言文字应用. – 2024. – № (2). – С.112–122. Текст: непосредственный.
3. 中华人民共和国教育部, 国家语言文字工作委员会. 国际中文教育中文水平等级标准. 2021. – URL:http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/ziliao/A19/202111/W020211118507389477190.pdf(дата обращения: 24.10.2025). – Текст : электронный.

РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ АВТОМАТИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ОРГАНИЗАЦИИ

Н.А. Долганова, И.Д. Дудин

В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты разработки стратегии автоматизации корпоративного документооборота в современных организациях. Исследуется влияние цифровизации, нормативно-правовых изменений и технологических инноваций на организацию документооборота. Проанализировано текущее состояние системы управления документами в ООО «КОНТРАКТСЕРВИС», выявлены проблемные зоны, сформулированы предложения по построению стратегии автоматизации с использованием современных информационных технологий.

Ключевые слова: документооборот, автоматизация, стратегия, цифровая трансформация, управление информацией, корпоративная система, электронный документ, организация, эффективность управления, ООО «КОНТРАКТСЕРВИС».

DEVELOPMENT OF A CORPORATE DOCUMENT MANAGEMENT AUTOMATION STRATEGY IN AN ORGANIZATION

N.A. Dolganova, I.D. Dudin

The article examines the theoretical and practical aspects of developing a strategy for automating corporate document management in modern organizations. The impact of digitalization, regulatory changes, and technological innovations on the organization of workflow is investigated. The current state of the document management system at CONTRACTSERVICE LLC is analyzed, problem areas are identified, and proposals are formulated for building an automation strategy using modern information technologies.

Keywords: document management, automation, strategy, digital transformation, information management, corporate system, electronic document, organization, management efficiency, CONTRACTSERVICE LLC.

Современные организации функционируют в условиях стремительного развития и внедрения в реальную практическую деятельность цифровых технологий, что приводит к необходимости переосмысления принципов организации бизнес-процессов, их перенастройки в целом и изменений в системе внутреннего управления и документооборота. Автоматизация бизнес-процессов, включая обработку, хранение и передачу документов, а также их анализ становятся значимым, а часто и базовым элементом цифровой трансформации предприятия.

В эпоху информационной экономики эффективность управленческих решений напрямую зависит от скорости и точности обработки данных, поэтому формирование стратегии авто-

матизации корпоративного документооборота является одним из приоритетных направлений развития корпоративного менеджмента [1, с.24].

Понятие документооборота охватывает процессы создания, регистрации, движения, хранения и использования документов в организации. В изначальной, традиционной модели документооборот основывается на бумажных носителях, что ограничивает скорость работы и создаёт риски дублирования, ошибок, потери данных и ряд других проблем. Внедрение электронного документооборота (ЭДО) позволяет минимизировать эти недостатки, повысить прозрачность и управляемость процессов [2, с.45]. Самое главное, современная система электронного документооборота, по сути, обеспечивает качествен-

но новые возможности и огромные преимущества для всех участников этого процесса. Вместе с тем, очевидно, что переход к автоматизированной модели требует системного подхода, включающего стратегическое планирование, анализ текущего состояния, выбор технологий, разработку регламентов и обучение персонала.

Автоматизация документооборота — это не просто внедрение современного программного обеспечения. ЭДО — это комплекс организационно-технических изменений, направленных на повышение эффективности управления и оптимизацию коммуникаций между подразделениями предприятия (организации) с учетом его особенностей, целей, задач и реальных потребностей [3, с.60]. Стратегия, направленная на реализацию проекта внедрения автоматизации документооборота, должна учитывать не только специфику деятельности организации, в том числе и отраслевую, но и существующую корпоративную культуру, уровень цифровой зрелости и готовность сотрудников к изменениям.

В отечественной практике актуальными остаются проблемы отсутствия системности, фрагментарности подходов, отсутствия единого стандарта обработки данных и интеграции различных информационных систем.

Экспертами определено, что при традиционной системе документооборота 68 % документов обрабатываются вручную, часть из них хранится в локальных папках сотрудников, а процессы согласования и утверждения документов занимают от 3 до 10 рабочих дней [4, с.133]. Такое положение снижает оперативность принятия решений, приводит к дублированию информации и создаёт риски нарушения сроков исполнения контрактов.

Нами были рассмотрены практические аспекты ряда выше перечисленных проблем для конкретного хозяйственного субъекта.

ООО «КОНТРАКТСЕРВИС» — среднее предприятие, специализирующееся на предо-

ставлении услуг в сфере корпоративного аутсорсинга и юридического сопровождения контрактной деятельности, что предполагает использование огромного информационного массива и документов разного типа. В компании ежедневно обрабатывается значительный объём документации: договоры, отчёты, заявки, переписка с контрагентами и государственными органами.

Проблема, с которой столкнулось руководство ООО «КОНТРАКТСЕРВИС», типична для многих российских компаний: внедрение отдельных программных решений без общей стратегии приводит к разрозненности информационных потоков и отсутствию единой базы данных, к недостаточно эффективному функционированию локальных сетей и, как результат, неэффективности работе внутрикорпоративных пользователей. Это делает невозможным формирование актуальных аналитических отчётов, усложняет контроль исполнения задач и не обеспечивает юридическую значимость электронных документов [5, с.98]. Для устранения этих недостатков требуется стратегический подход к автоматизации документооборота, предполагающий комплексное планирование, оценку рисков и выбор оптимальных цифровых инструментов, а также синхронизацию бизнес-процессов и электронной системы документооборота.

Стратегия автоматизации документооборота в ООО «КОНТРАКТСЕРВИС» должна основываться на классических принципах управления, таких как целостность, масштабируемость, системность и безопасность [6, с.41]. Практическая реализация и учет каждого их принципов обеспечит методологическую и методическую состоятельность реализуемого проекта внедрения ЭДО. Целостность означает создание единого цифрового пространства, в котором объединяются все процессы работы с документами. Масштабируемость обеспечивает возможность расширения функционала системы при росте компании, а безопасность предполагает защиту

данных от несанкционированного доступа, соблюдение законодательства о персональных данных и требования Федерального закона № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [7, с.22].

В качестве основы для построения корпоративной системы электронного документооборота (КСЭД) в ООО «КОНТРАКТСЕРВИС» предложено использовать платформу, поддерживающую интеграцию с бухгалтерскими, CRM- и ERP-системами. При этом особое значение имеет внедрение механизма маршрутизации документов, который позволяет автоматически направлять их на согласование и утверждение ответственным лицам. Такой подход, по мнению экспертов, сокращает время обработки документов на 40–50 %, снижает нагрузку на сотрудников и обеспечивает прозрачность всех стадий документооборота [8, с.153].

Одним из ключевых направлений стратегии является цифровизация управленческих процессов, в том числе в части обработки больших массивов данных, как текстовых, так и цифровых. Это предполагает внедрение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения для интеллектуальной классификации документов, автоматического распознавания текстов и извлечения ключевых данных [9, с.70]. Кроме того, внедрение модулей аналитики и отчетности позволит руководству отслеживать эффективность документооборота в режиме реального времени, выявлять «узкие места» и своевременно принимать корректирующие меры.

Любые изменения требуют адаптации сотрудников к потенциальным переменам, причем зачастую подготовка и обучение персонала должны носить превентивный характер. Таким образом, особое внимание должно быть уделено человеческому фактору внутри предприятия. Успех автоматизации во многом зависит от готовности сотрудников воспринимать новые технологии и работать в цифровой среде. Поэтому важной обязательным элементом стратегии яв-

ляется учет затрат на обучение персонала, на формирование цифровых компетенций и развитие культуры работы с электронными документами [10, с. 99]. В ООО «КОНТРАКТСЕРВИС» планируется проведение тренингов и семинаров, а также вебинаров, направленных на формирование навыков эффективного использования корпоративной электронной системы документооборота.

В процессе разработки стратегии автоматизации необходимо учитывать и организационную, и экономическую эффективность проекта. Согласно расчётам, проведённым на основе методики оценки ROI информационных систем, переход на электронный документооборот позволит ООО «КОНТРАКТСЕРВИС» снизить административные издержки на 27 % за счёт уменьшения затрат на печать, хранение и пересылку документов [11, с. 64]. Кроме того, система обеспечит повышение управляемости компании, ускорение бизнес-процессов и повышение качества обслуживания клиентов, повысит эффективность внутрифирменных коммуникаций.

Важным аспектом при внедрении ЭДО является ее соответствие системы нормативным требованиям. Согласно Федеральному закону №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», организация обязана обеспечивать защиту данных и сохранность электронных документов в течение установленных сроков хранения [12, с. 12]. Следует отметить, что нормативно-правовая база в части ЭДО и сопровождения этого процесса находится в развитии, в улучшении.

Для ООО «КОНТРАКТСЕРВИС» это особенно актуально в связи с работой с персональными и коммерческими данными клиентов, в том числе, составляющими объект коммерческой тайны. В связи с этим стратегия должна предусматривать использование сертифицированных решений по криптографической защите информации и системы резервного копирования.

Внедряемая система ЭДО требует настройки под конкретные условия предприятия и должна обеспечивать высокий уровень защиты данных и клиентов, и динамики бизнес-процессов.

Таким образом, автоматизация корпоративного документооборота – это стратегический процесс, направленный на повышение эффективности управления и конкурентоспособности организации. В самом общем виде алгоритм стратегии разработки и реализации ЭДО включает анализ текущего состояния, выбор подходящих технологий, обучение персонала и оценку экономического эффекта.

В настоящее время в ООО «КОНТРАКТСЕРВИС» идет реализация данной стратегии.

Затраты на ее внедрение весьма значительны, но и ожидаемый эффект позволит существенно улучшить качество документооборота предприятия, обеспечит оптимизацию взаимодействия сотрудников и клиентов, позволит максимально качественно удовлетворять их потребности. Все это позволит в полной мере реализовать потенциал цифровизации и обеспечить устойчивое развитие компании.

В современных условиях автоматизированная система документооборота становится не просто инструментом оптимизации бизнес-процессов, но и фактором организационного развития, обеспечивающим прозрачность, управляемость и стратегическую устойчивость бизнеса.

Список литературы

1. Федеральный закон №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. (в ред. 2024 г.). – М.: Проспект, 2024.
2. Федеральный закон №63-ФЗ «Об электронной подписи» от 6 апреля 2011 г. (в ред. 2024 г.). – М.: КонсультантПлюс, 2024.
3. Астахов Д.В. Оценка эффективности внедрения ИТ-решений в организациях. – М.: Финансы и статистика, 2023. – 236 с.
4. Белов С.А. Искусственный интеллект и управление документами. – Новосибирск: НГУЭУ, 2022. – 198 с.
5. Внутренний аудит ООО «КОНТРАКТСЕРВИС». Отчёт о состоянии документооборота. – М., 2024. – 62 с.
6. Дубовицкий В.Н. Информационные технологии в управлении организацией. – СПб.: Питер, 2022. – 316 с.
7. Зотова Н.В. Стратегическое управление цифровыми проектами. – Казань: Центр инноваций, 2023. – 274 с.
8. Кузнецов С.В. Управление документами в цифровой экономике. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 278 с.
9. Кузнецова И.П. Цифровая трансформация управленческих процессов. // Менеджмент в России и за рубежом. – 2022. – №4. – С. 95–103.
10. Левин А.М. Корпоративные системы электронного документооборота. – М.: Юрайт, 2023. – 342 с.
11. Маслова Е.В. Человеческий фактор в цифровой трансформации. – СПб.: Питер, 2022. – 180 с.
12. Швецова Е.А. Автоматизация бизнес-процессов предприятия. – М.: Экономика, 2023. – 224 с.

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В СФЕРЕ ОФИСНО-СКЛАДСКОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

Н.А. Долганова, С.Н. Иванов

В данной статье проводится краткий сравнительный обзор существующих методик анализа финансового состояния предприятия и их проблематика. Рассматривается специфика деятельности малого предприятия по аренде и управлению собственной офисно-складской недвижимостью и особенности анализа его финансового состояния. Актуальность темы обусловлена отсутствием среди разработанных ведущими учеными-экономистами методик соответствующей отраслевой направленности исследований.

Ключевые слова: аренда и управление, стоимость недвижимости, оценка дебиторской задолженности, сравнительная оценка показателей, коммерческая недвижимость, отраслевая специфика.

FEATURES OF FINANCIAL CONDITION ANALYSIS FOR A SMALL BUSINESS IN THE OFFICE AND WAREHOUSE REAL ESTATE SECTOR

N.A. Dolganova, S.N. Ivanov

This article provides a brief comparative review of existing methodologies for analyzing the financial condition of an enterprise and their associated issues. The specifics of the activities of a small business engaged in leasing and managing its own office and warehouse real estate, as well as the features of analyzing its financial condition, are examined. The relevance of the topic is due to the lack of industry-specific research focus in the methodologies developed by leading economists.

Keywords: leasing and management, real estate value, accounts receivable assessment, comparative indicator analysis, commercial real estate, industry specifics.

Аналитические исследования являются важнейшей частью системы менеджмента, поскольку в основе эффективных решений лежит системная аналитическая работа, базирующаяся на верифицированной информации и логическом ее осмыслении. В условиях неопределенности и риска крайне важно в полной мере использовать объективные инструменты анализа, оценки и контроля над складывающейся в организации ситуацией. Российскими и зарубежными учеными экономистами проблематике, связанной с развитием и совершенствованием экономических исследований, уделялось и уделяется достаточно серьезное внимание. К числу наиболее широко используемых и признаваемых можно отнести методики анализа финансового состояния предприятия посвящены работы

таких авторов, как А.Д. Шеремет, В.В. Ковалев, Вит. В. Ковалев, Г.В. Савицкая, Н.Н. Илышева, С.И. Крылов, О.В. Ефимова, Н.Л. Данилова, И.А. Астраханцева, Н.В. Кондрашова, И.В. Панина, Д.И. Иванов, Э. И. Крылов, В.М. Власова, М.Г. Егорова, И.В. Журавкова и др. Современной теорией и практикой предлагается весьма большое число различных методик осуществления анализа хозяйственно-финансовой деятельности предприятий, отдельных отраслей, функций, направлений деятельности. Они имеют черты как сходства, так и различий по систематизации показателей, их набору, другим метрикам. Тем не менее, по нашему мнению, следует отметить наличие следующих общих черт: все рассматриваемые авторы едины во мнении, что при анализе финансового состояния необходимо: дать оцен-

ку имущественного положения анализируемого предприятия путем анализа его активов и пассивов; проанализировать его финансовую устойчивость, платежеспособность и ликвидность.

При этом часть авторов считает, что анализ финансового состояния предприятия возможно выполнить в один этап (А.Д. Шерemet, Г.В. Савицкая, И.А. Астраханцева, Н.В. Кондрашова, И.В. Панина, Д.И. Иванов) с помощью фиксированного набора показателей. По мнению остальных (В.В. Ковалев, Вит. В. Ковалев, О.В. Ефимова, Н.Н. Илышева, С.И. Крылов, Э.И. Крылов, В.М. Власова, М.Г. Егорова, И.В. Журавкова) необходимо разделять анализ на несколько этапов (от двух до пяти). При этом на первом этапе проводится предварительный анализ финансового состояния (экспресс анализ), по результатам которого делаются выводы о необходимости дальнейшего углубленного анализа. На заключительном этапе О.В. Ефимова предлагает выполнять прогнозный финансовый анализ, Н.Н. Илышева и С.И. Крылов – обобщающую оценку финансового состояния предприятия, переходящую в случае необходимости в разработку мероприятий, направленных на его улучшение.

В большинстве рассмотренных методик авторы считают необходимым также проводить анализ деловой активности, анализ денежных потоков для оценки текущей платежеспособности, анализ рентабельности, а также анализ рыночной активности акционерных компаний.

Н.Н. Илышева и С.И. Крылов, Э.И. Крылов, В.М. Власова, М.Г. Егорова, И.В. Журавкова дополняют свою методику оценкой уровня финансовой несостоятельности предприятия.

При всем многообразии подходов в оценке ФХД предприятия проявляется одна из главных проблем и сложностей анализа финансового состояния, а именно: проблема выбора оптимальной методики для конкретного предприятия, которая бы учитывала специфику его деятельности. Методики в своей абсолютной

большинстве отличаются универсальностью, тогда как деятельность предприятий всегда уникальна, даже если они создавались по одинаковому проекту, производят схожую продукцию или оказывают однотипные услуги. Для каждого субъекта хозяйственной деятельности требуется такой набор оценочных показателей, который максимально точно учитывает его особенности и полезен с точки зрения принимаемых решений как тактического, так и стратегического характера. Учитываться при этом должны, и отраслевые особенности, и размеры, географическое положение объекта, его размещение, логистика и прочее. Количественные метрики должны быть необходимыми и достаточными, а оптимальность же методики заключается в исключении избыточной информации в процессе проведения анализа. Избыточная информация может касаться не только источников информации, но и количества рассчитываемых на ее основе показателей. И, если количество абсолютных показателей ограничено, как правило, раскрываемыми показателями в бухгалтерской (финансовой) отчетности, то количество относительных показателей может оказаться неограниченным. Многочисленность показателей снижает наглядность их представления, восприятия результатов расчетов, повышает трудоемкость без соответствующего эффекта [2].

Кроме того, основным недостатком всех методик является отсутствие различий в рекомендуемых значениях относительных показателей для предприятий различных отраслей экономики, а многие показатели вообще не имеют каких-либо количественных ориентиров.

По мнению И.А. Астраханцевой еще одной проблемой является то, что классические методы финансового анализа зачастую не показывают реальной картины в связи с тем, что рассчитаны на добросовестность со стороны руководства и собственников бизнеса [1]. О.В. Ефимова в своих работах также считает необхо-

димым давать оценку надежности анализируемой информации и оценивать риски, связанные с ее использованием. Давать оценку качества бухгалтерской (финансовой) отчетности организации, как основного компонента информационной базы анализа также считают необходимым в своей работе и коллектив авторов Н.В. Кондрашова, И.В. Панина, Д.И. Иванов [6]. Таким образом, правомерным является вывод о том, что методики являются в значительной мере теоретический базой аналитической работы, а для глубоко прикладных целей требуется их адаптация. Но также очевидно и то, что практики, особенно в системе малого и среднего бизнеса, зачастую просто не имеют необходимых для этой работы знаний и навыков.

Рассмотрим некоторые аспекты проблемы для конкретных условий, взяв в качестве объекта – ООО «КЖС». Сфера деятельности предприятия – управление коммерческой недвижимостью. Основным и единственным видом деятельности предприятия в настоящее время является аренда и управление собственным недвижимым имуществом в ближайшем Подмосковье: общая площадь занимаемой территории – 0,6 га, общая площадь зданий – 2 816,9 м².

Данная компания относится к микропредприятиям с годовой выручкой до 100 млн. руб. и среднесписочной численностью работников до 15 человек.

Особенностью хозяйственной деятельности исследуемого предприятия (как и очень многих подобных предприятий) является то, что основным активом и источником прибыли является собственная коммерческая недвижимость, которая сдается в аренду. В бухгалтерской (финансовой) отчетности стоимость недвижимости относится к основным средствам и входит в состав внеоборотных активов. При анализе финансового состояния предприятия величина внеоборотных активов влияет на различные показатели, поэтому очень важно, чтобы данный показатель

имел актуальное значение. При анализе достоверности анализируемой информации необходимо отметить, что российские правила бухгалтерского учета предусматривают два способа учета основных средств:

- по начальной стоимости – основные средства учитывают на основании фактических затрат на их покупку за исключением расходов на амортизацию.

- по переоцененной стоимости – оценка по рыночной стоимости или стоимости воспроизводства (с учетом накопленной амортизации).

В зависимости от примененного способа стоимость основных средств может существенно отличаться, что в свою очередь повлияет на корректность оценки финансового состояния предприятия. Во избежание этого необходимо для оценки финансового состояния использовать данные о рыночной стоимости основных средств, в частности коммерческой недвижимости. Такой подход обеспечит большую достоверность и значимость оценки.

Расчет рыночной стоимости недвижимости производится в соответствии с общепринятыми методами с использованием трех основных подходов: затратного, сравнительного и доходного. При этом по мнению Астраханцевой рыночная стоимость, определенная методом массовой оценки должна использоваться в минимальном объеме, поскольку его использование приводит к существенной погрешности [1]. Однако, в обязательном порядке следует учитывать, что в соответствии с п. 2 Методических указаний о государственной кадастровой оценке кадастровая стоимость объекта недвижимости определяется для целей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в том числе для налогообложения, на основе рыночной информации и иной информации, связанной с экономическими характеристиками использования объекта недвижимости, без учета имущественных прав на данный объект, кроме права собственности.

Определение кадастровой стоимости предполагает расчет вероятной суммы типичных для рынка затрат, необходимых для приобретения объекта недвижимости на открытом и конкурентном рынке [8].

Массовая оценка используется для определения стоимости большого количества объектов, которые различаются между собой, поэтому вынужденным инструментом ее является применение стандартных методов к группам и классам объектов, что требует определенной работы по классификации видов и подвидов объектов недвижимости.

Соответственно, при использовании такого метода оценки выбираются определяющие факторы, влияющие на цену объекта, оценивается степень их влияния и на основании этого вычисляется цена за квадратный метр объекта недвижимости определенной группы. Например, удаленность от дороги, наличие инфраструктуры, близость к центру города, наличие либо отсутствие водопровода и газоснабжения и т.д., и т.п.

Преимущество же применения рыночной стоимости по правилам законодательства об оценочной деятельности, состоит, в частности, в том, что ее устанавливают в отношении конкретных объектов недвижимости, а это предполагает большую точность по сравнению с массовой оценкой [7]. Но при этом необходимо отметить, что точность оценки по правилам законодательства об оценочной деятельности не в последнюю очередь зависит от компетенции и опыта оценщика, который ее проводит, т.е. от весьма субъективного набора его личных характеристик и профессионализма.

На основании вышеизложенного считаем возможным при отсутствии данных рыночной оценки специализированными оценочными компаниями в условиях цифровизации использовать кадастровую стоимость коммерческой недвижимости по данным Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра) [12].

Следующей особенностью деятельности анализируемого предприятия является то, что в сложившейся практике аренды коммерческой недвижимости, как правило, оплата за арендуемое помещение происходит авансом. То есть у предприятия, сдающего в аренду недвижимость, дебиторская задолженность по его основной деятельности должна за редкими исключениями стремиться к нулю и ее наличие требует анализа и оценки, как показатель имеющий непосредственное влияние на финансовое состояние предприятия. Как известно, для более полной оценки финансового положения организации важно исследовать состояние, динамику и структуру дебиторской и кредиторской задолженности.

Как и в случае с рыночной стоимостью недвижимости на балансе предприятия, для определения его финансового состояния важно оценить реальную (ликвидную) стоимость дебиторской задолженности. Наличие, например, в составе дебиторской задолженности так называемых сомнительных долгов при отсутствии информации об этом завышает величину оборотных и совокупных активов, а, следовательно, искажает значения таких показателей, как величина чистых активов, коэффициенты ликвидности, соотношение собственного и заемного капитала и других [3].

Рассмотрим некоторые подходы к оценке реальной стоимости дебиторской задолженности.

О.В. Ефимова считает, что важнейшим приемом, позволяющим обосновать текущую величину дебиторской задолженности с учетом ожидаемого срока ее погашения, является определение ее дисконтированной стоимости. При этом основной вопрос, который возникает на практике при проведении дисконтирования, связан с выбором эффективной процентной ставки. Одним из вариантов выбора ставки дисконтирования является использование соответствующей процентной ставки, по которой сама организация получает или могла бы получить кредит на

аналогичных условиях. Тогда дисконтированная оценка дебиторской задолженности будет определяться по формуле [3]:

$$PV = pFV / (1+r)^t, \quad (1)$$

где p – вероятность того, что дебиторская задолженность будет погашена в ожидаемые сроки, $0 < p < 1$;

FV – будущая сумма поступления денежных средств, соответствует нарицательной (номинальной) стоимости дебиторской задолженности;

t – ожидаемый период погашения дебиторской задолженности (год);

r – ставка дисконтирования.

С учетом специфики рассматриваемого предприятия, при которой дебиторская задолженность должна быть минимизирована, в случае дисконтирования сомнительной или безнадежной задолженности сроки ее возврата и ставку дисконтирования определить практически очень трудно. Более того дисконтирование дебиторской задолженности по своей сути является прогнозной оценкой того, на сколько обесценится задолженность в будущем. При этом оценка финансового состояния предприятия является ретроспективным анализом и определяет положение предприятия на определенный зафиксированный во времени момент в следствие чего применение данного подхода видится нецелесообразным.

И. А. Астраханцева в своей методике определения даты объективного банкротства на основе рыночной стоимости чистых активов и факторной модели предлагает производить оценку дебиторской задолженности по текущей стоимости с учетом риска связанных с возвратом долгов. Для получения реальной стоимости дебиторской задолженности проводится корректировка с учетом погашения задолженности и ликвидности долга по формуле [1]:

$$PC_{ДЗ} = \frac{BC_{ДЗ} - BC_{ПР} - BC_{ДУ} - BC_{НД}}{(1+R)^{\frac{n}{12}}} + BC_{НД} + BC_{ПР} \times \left(1 - \frac{K}{100} \%\right), \quad (2)$$

где $PC_{ДЗ}$ – рыночная стоимость дебиторской задолженности, руб.;

$BC_{ДЗ}$ – балансовая стоимость дебиторской задолженности, руб.;

$BC_{ПР}$ – балансовая стоимость просроченной задолженности, руб.;

$BC_{ДУ}$ – балансовая стоимость долгов учредителей по их взносам в уставный капитал, руб.;

$BC_{НД}$ – балансовая стоимость недисконтируемой задолженности, включающей суммы выданных авансов, задолженность по налогам и расчетам с подотчетными лицами, руб.;

R – ставка дисконтирования, %;

K – коэффициент дисконта, применяемый к просроченной задолженности, %;

n – срок оборачиваемости дебиторской задолженности, мес.

Расчет рыночной стоимости дебиторской задолженности основан на дисконтировании ее балансовой стоимости, принимаемой к расчету, с учетом сроков оборачиваемости. В случае невозможности возврата долга величина соответствующей задолженности принимается равной нулю. Значение коэффициента дисконта, применяемого к просроченной задолженности, может быть принято в соответствии с методическими рекомендациями по оценке рыночной стоимости прав требования задолженности МР–1/17 от 11.01.2017 г., разработанные специалистами Ассоциации «Саморегулируемая организация оценщиков «Экспертный совет» (Таблица 1) [1].

Целесообразность дисконтирования дебиторской задолженности с учетом сроков ее погашения была рассмотрена выше при рассмотрении подхода к решению вопроса О. В. Ефимовой.

Экономический смысл применения коэффициента дисконта к просроченной задолженности в рассматриваемой формуле (2) состоит в определении вероятности ее возврата. При этом как видно из таблицы 1 величину коэффициента

Значение коэффициента дисконта, применяемого к просроченной задолженности [1]

Параметр	Значение коэффициента, %	Комментарий
Истечение срока исковой давности	$K = 100\%$	По истечению срока давности утрачивается возможность требовать защиты нарушенного права в судебном порядке
Сумма задолженности	$K \leq 100\%$	Работа по взысканию незначительной по величине задолженности признается экономически нецелесообразной. Значение K стремится к 100% при сумме задолженности не более $1/4$ среднерыночной месячной заработной платы юриста, что обусловлено трудоемкостью, сопоставимой с объемом работ, включающих в себя знакомство с документами, подготовку позиции, участие в судебных заседаниях и других мероприятиях
Состав и качество правоустанавливающих / право подтверждающих документов	$K \leq 100\%$	Эффективность работы по взысканию задолженности снижается при отсутствии подтверждающих наличие задолженности документов, а также при их ненадлежащем оформлении
Наличие судебного решения	$90\% \leq K \leq 100\%$	Погашение долга при отрицательных для кредитора судебных решениях возможно при их пересмотре вышестоящими судебными инстанциями либо в добровольном со стороны должника порядке
Финансовое состояние должника	$90\% \leq K \leq 100\%$	Анализируется ситуация, когда должник является банкротом либо актуальные данные о его финансовом состоянии отсутствуют. Отсутствие информации о финансовом состоянии должника свидетельствует о невозможности выполнить им своих обязательств или о намерении их избежать

дисконта рекомендуется выбирать исходя из наличия тех или иных факторов.

По некоторым параметрам величину дисконта предлагается принимать в диапазоне от 0 до 100%, что говорит о том, что в каждом конкретном случае необходимо учесть существенное количество разнообразных факторов. Также необходимо иметь ввиду то, что в предлагаемой оценочной методике учтены не все параметры, от которых может зависеть вероятность возврата дебиторской задолженности. В частности, не учтены: состояние и прогнозная динамика экономики в целом и в конкретной сфере деятель-

ности в частности, специфика и масштаб бизнеса, репутация дебитора, наличие и качество обеспечения сделки, скорость реагирования на просрочки, а в некоторых случаях имеют значение даже личные отношения руководителей кредитора и дебитора. То есть применение коэффициента дисконта также носит субъективный характер и зависит от степени информированности аналитика о тех или иных факторах, могущих повлиять на возврат задолженности, причем многие факторы могут быть, если не объектом коммерческой тайны, но внутренней, непубличной информацией. Учитывая то, что при опре-

делении вероятности возврата долга необходимо учитывать значительное количество различных факторов, каждый из которых может носить субъективный характер, что ведет к объективной невозможности просчитать эту вероятность математически предлагается использовать подход А. М. Ковалевой, которая предлагает оценивать реальное состояние дебиторской задолженности, используя данные самого предприятия по безнадежным долгам с помощью, следующей примерной таблицы 2.

На основе проведенного анализа существующих методик анализа финансового состояния с учетом существующей проблематики и особенностей исследуемого малого предприятия нами предлагается следующий алгоритм проведения анализа финансового состояния общества с ограниченной ответственностью самостоятельно управляющего собственной коммерческой недвижимостью, сдаваемой в аренду:

- оценка стоимости недвижимости, приведение её значений к рыночным показателям;
- оценка дебиторской задолженности;

- составление уточненного бухгалтерского баланса для дальнейшего анализа;
- оценка состава, структуры, динамики имущества организации и источников его формирования;
- анализ абсолютных и относительных показателей ликвидности;
- анализ абсолютных и относительных показателей финансовой устойчивости;
- определение показателей деловой активности;
- определение показателей рентабельности.

При этом при сравнительной оценке ненормируемых (не имеющих рекомендательные значения) показателей коэффициентного анализа предлагается использовать материалы сервиса ТестФирм [10], в качестве источника информации для которого выступают бухгалтерская и налоговая отчетность более 2 миллионов фирм в соответствии с официальными данными Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и Федеральной налоговой службы.

Таблица 2.

Состояние дебиторской задолженности [11]

Дебиторы по срокам возникновения, дн.	Сумма дебиторской задолженности, тыс. руб.	Удельный вес в общей сумме, %	Вероятность безнадежных долгов, %	Сумма безнадежных долгов, тыс. руб.	Реальная величина задолженности, тыс. руб.
0-30	1400	32.48	2.51	35,0	1365,0
30-60	450	10.44	3.0	13,5	436.5
60-90	840	19.49	8,0	67,2	772,8
90-120	670	15,55	11,5	77,1	592.9
120-150	410	9,51	15,0	61,5	348.5
150-180	300	6,96	40,0	120,0	180,0
180-360	150	3,48	55,5	93,3	66,7
360-720	70	1.62	70,0	49,0	21.0
С выше 720	20	0,47	95,0	19,0	1,0
Итого	4310	100,00	11,96	525,6	3734,4

Список литературы

1. Астраханцева И.А. Методология финансового анализа в рамках экономических экспертиз: монография / ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет». – Иваново, 2021. – 236 с. – ISBN 978-5-9616-0568-6.

2. **Данилова, Н.Л.** Современные тенденции развития методики анализа финансового состояния организации: монография. – Москва: РУСАЙНС, 2024. – 136 с. – ISBN 978-5-466-04132-3.
3. **Ефимова, О.В.** Финансовый анализ: инструментарий обоснования экономических решений: учебник. – Москва: КНОРУС, 2023. – 322 с. – ISBN 978-5-406-10606-8.
4. **Илышева, Н.Н.** Анализ в управлении финансовым состоянием коммерческой организации : монография / Н. Н. Илышева, С. И. Крылов. – 2-е изд., с изм. – Москва : Финансы и Статистика, 2021. – 244 с. – ISBN 978-5-00184-012-1. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1494320> (дата обращения: 25.10.2025). – Режим доступа: по подписке.
5. **Ковалев В.В., Ковалев Вит. В.** Финансы организаций (предприятий) : учебник. — Москва : Проспект, 2017. — 352 с. – ISBN 978-5-392-23140-9.
6. **Кондрашова Н.В.** Анализ эффективности деятельности арендодателя на рынке торговой недвижимости / Н. В. Кондрашова, И. В. Панина, Д. И. Иванов // Современная экономика: проблемы и решения. – 2019. – Т. 4, № 112. – С. 73-88. – ISSN 2078-9017. – DOI 10.17308/meps.2019.4/2088.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 N 1555-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Производственная компания «Возрождение» на нарушение конституционных прав и свобод положением пункта 1 статьи 391 Налогового кодекса Российской Федерации»
8. Приказ Росреестра от 04.08.2021 N П/0336 (ред. от 15.09.2025) «Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой оценке» (Зарегистрировано в Минюсте России 17.12.2021 N 66421).
9. **Савицкая, Г. В.** Экономический анализ : учебник / Г.В. Савицкая. – 15-е изд., испр. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2025. – 587 с. – (Высшее образование). – DOI 10.12737/textbook_5cde566886f147.06974725. – ISBN 978-5-16-020083-5. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2157387> (дата обращения: 20.10.2025). – Режим доступа: по подписке.
10. Сравнение финансового состояния фирмы с отраслевыми показателями и конкурентами [Электронный ресурс] // TESTFIRM. Режим доступа: <https://www.testfirm.ru/> (дата подачи заявки: 01.11.2025).
11. Финансовый менеджмент: Учебник / Под ред. Ковалевой А.М., – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 336 с. (Высшее образование: Бакалавриат) ISBN 978-5-16-003524-6. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/370464> (дата обращения: 02.11.2025). – Режим доступа: по подписке.
12. Фонд данных государственной кадастровой оценки [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. Режим доступа: https://rosreestr.gov.ru/wps/portal/cc_ib_svedFDGKO (дата обращения: 20.10.2025).
13. **Шеремет, А.Д.** Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия : учебник / А. Д. Шеремет. – 2-е изд., доп. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 374 с. – (Высшее образование). – DOI 10.12737/21493. – ISBN 978-5-16-018982-6. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2067389> (дата обращения: 20.10.2025). – Режим доступа: по подписке.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Н.А. Долганова, С.И. Осипова

В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты управления мотивацией с теоретических и практических позиций. Основное внимание уделено методологическим и методическим вопросам управления мотивацией в современных условиях.

Ключевые слова: мотивация, управление мотивацией, задачи мотивации, виды и формы мотивации, особенности мотивации в современных условиях.

FEATURES OF THE MODERN PERSONNEL MOTIVATION SYSTEM IN ORGANIZATIONS: THEORY AND PRACTICE

N.A. Dolganova, S.I. Osipova

The article examines the theoretical and practical aspects of motivation management from both theoretical and practical perspectives. The main focus is on the methodological and methodical issues of motivation management in modern conditions.

Keywords: motivation, motivation management, objectives of motivation, types and forms of motivation, features of motivation in modern conditions.

Мотивация была и остается важнейшей и сложной функцией управления, реализуемой во всех хозяйственных субъектах вне зависимости от размера, отраслевой принадлежности, организационно-правовой формы и других признаков.

Несмотря на универсальный характер данной управленческой функции, конкретные механизмы, инструменты и методы мотивации формируются с учетом особенностей каждого предприятия и организации, а высокая степень подвижности внешней среды оказывает существенное влияние на набор мотивационных рычагов, применяемых в менеджменте каждого предприятия. Современной наукой и практикой предлагаются и различные теории мотивации, и конкретные приемы и способы, применение которых нацелено на повышение уровня заинтересованности персонала в результатах работы.

Мотивация персонала способствует привлечению и сохранению высококвалифицированных кадров, улучшению уровня их удовлет-

воренности профессиональной деятельностью, что, в свою очередь, ведет к укреплению конкурентоспособности и росту рентабельности организации [1]. Решение вопросов эффективной мотивации, таким образом, связано с результатами работы предприятия в целом.

Выбор стратегии мотивации сотрудников остается принципиально важным направлением менеджмента для любой организации и напрямую зависит от ее уникальных потребностей, а также от индивидуальных ожиданий и предпочтений ее работников. Основная цель мотивационных усилий заключается в синхронизации целей предприятия с амбициями персонала: организации важно получать качественные результаты деятельности, в то время как сотрудники стремятся к получению справедливой оплаты своего труда. В этом контексте, задача руководства заключается в реализации комплексных мотивационных программ, которые способствуют достижению обоюдно выгодных результатов для

компании и ее работников, как это отображено на рисунке [4].

Для эффективного стимулирования персонала используются различные формы мотивации, направленные на увеличение производительности и выполнение корпоративных задач. Присоединяясь к мнению ученых и специалистов в области мотивации, представим краткий обзор важнейших форм мотивации:

1. Материальное стимулирование: включает заработную плату, бонусы за выполнение KPI, премии и другие финансовые инициативы.

2. Нематериальное стимулирование: охватывает похвалу, благодарности, участие в ключевых проектах, гибкое время работы, образовательные программы и карьерный рост.

3. Повышение самооценки: предполагает развитие профессиональных и личностных качеств, а также предоставление конструктивной обратной связи и поддержки.

4. Улучшение условий труда: включает создание комфортной рабочей среды, оптимизацию рабочего процесса и укрепление командного духа.

5. Признание заслуг: реализуется через награды, публичное отмечание успехов и поощрение внутрикорпоративного узнавания.

6. Карьерное развитие: предлагает продвижение по службе, обучение для повышения квалификации и участие в специальных проектах [8].

В хозяйственной практике происходит совмещение и взаимоувязка этих форм, что способствует значительному усилению мотивационной программы и повышению уровня вовлеченности сотрудников, а это, в свою очередь, проявляется в высокой эффективности реализуемых ими функций.

Примером практической реализации многоуровневой системы мотивации может служить опыт ряда российских компаний в строительной

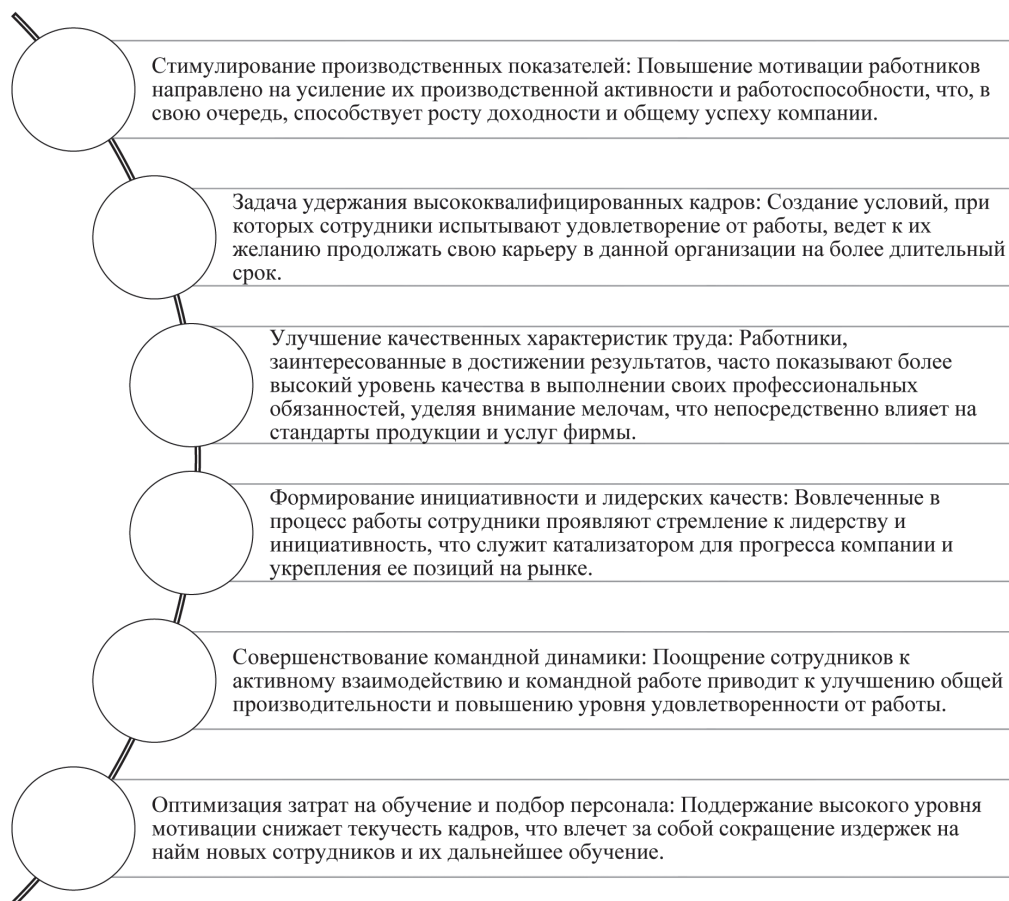

Рисунок. Задачи руководства по мотивации персонала [6]

и добывающей отраслях, таких как, например, ПАО «Газпромнефть», ПАО «Стройтрансгаз» и других. В данных организациях активно используются комбинированные подходы к стимулированию персонала, включающие как финансовые, так и нематериальные инструменты мотивации. Так, для сотрудников создаются возможности карьерного роста, внедряются программы наставничества, а также используются премиальные схемы, привязанные к результатам индивидуальной и командной деятельности. При этом учитываются и качественные, и количественные, и временные показатели. Конкретные показатели и условия премирования являются объектом коммерческой тайны и закреплены во внутрифирменной документации.

Механизмы и показатели мотивации формируются, исходя особенностей предприятий. Например, в исследуемой организации - ООО СЗ «1-й Красногвардейский» материальное стимулирование сотрудников строится не только на дифференцированной базовой заработной плате, но и на системе дополнительных премий за выполнение производственных показателей и соблюдение сроков проектов. Кроме того, сотрудники компании имеют возможность получать надбавки за работу в особых условиях или за переработку. Новизна рассматриваемого подхода заключается в том, что современная система мотивации персонала, применяемая в ООО СЗ «1-й Красногвардейский», формируется на основе сочетания традиционных материальных стимулов с элементами внутренней вовлеченности работников в результаты труда. Компания делает акцент не только на финансовых поощрениях, но и на создании условий, при которых сотрудники осознают значимость своего вклада в общий успех предприятия. Такая ориентация на развитие инициативы и ответственности отражает тенденции современной управленческой практики, где важную роль играет не только вознаграждение, но и признание профессиональ-

ных достижений, возможность самореализации и участие в улучшении производственных процессов.

Что касается нематериальной мотивации, то она в исследуемой компании ООО СЗ «1-й Красногвардейский» находится на стадии развития. Из существующих механизмов следует отметить особую актуальность организации профессионального обучения за счёт работодателя, а также предоставление возможностей для карьерного роста, что особенно актуально для молодых специалистов. Но и для успешно работающих специалистов постоянное совершенствование профессиональных навыков через регулярное повышение квалификации имеет важное значение, поскольку функции, выполняемые большинством сотрудников, весьма динамичны, а знания требуют актуализации.

В то же время в практике российских предприятий следует отметить недостаточный уровень развития и использования моральных форм стимулирования: проведение внутренних конкурсов, награждение лучших сотрудников, публикация достижений персонала в корпоративных СМИ, что способствует укреплению вовлеченности и лояльности коллектива.

Внедрение продуманной системы мотивации является ключом к ряду значимых улучшений в деятельности компании. Это включает в себя:

1. Укрепление репутации. Благодаря заботе о персонале и наличию мотивационной структуры, компания выигрывает в глазах клиентов, партнеров и потенциальных инвесторов.
2. Привлечение талантов. Репутация компании с эффективной мотивацией привлекает новые таланты, способствующие развитию бизнеса.
3. Снижение текучести кадров. Чувство ценности и уважения среди работников сокращает их желание менять место работы.
4. Улучшение качества работы. Мотивация стимулирует работников к тщательному выпол-

нению задач, что напрямую влияет на качество итогового продукта или услуги.

5. Повышение производительности. Мотивированные сотрудники работают более продуктивно, что способствует росту показателей всей компании.

6. Гармонизация коммуникаций. Улучшение взаимодействия между персоналом и руководством способствует созданию сильной и сплоченной команды [9]. Важнейшей задачей аналитического этапа в организации работы по развитию мотивационной стратегии является определение эффективности применяемых мотивационных методов и их оценка их влияния на производительность и качество работы, а также выявление проблем и предложение по усовершенствованию мотивационных механизмов, способствующих росту удовлетворенности и мотивации сотрудников [7].

Результаты анализа помогут в разработке улучшенной системы мотивации, ориентированной на стимулирование сотрудников к более высокой продуктивности и лучшим результатам в работе, обеспечивая при этом повышение их лояльности и приверженности корпоративным ценностям.

Идентификация проблем в системе мотивации персонала часто проявляется через ряд характерных признаков, которые могут требовать детального анализа и последующих корректировок:

1. Низкий уровень участия и мотивации среди сотрудников: отсутствие активности и интереса к выполнению рабочих задач часто свидетельствует о недостаточной стимуляции или неправильной настройке мотивационной системы. Решение данной проблемы требует очень сложной организационной подготовки, в том числе разработки механизма выявления мнений, объяснения желаемого результата, сглаживания элементов субъективности, неизбежно возникающих в оценочных суждениях.

2. Неравномерное распределение поощрений и бонусов: различия в наградах между сотрудниками могут привести к чувству несправедливости и снижению общего уровня довольства в коллективе. Чтобы максимально снизить негативные последствия такого рода, требуется глубокий анализ особенностей труда персонала и подразделений, а значит высочайший профессионализм разработчиком системы KPI, других оценочных критериев.

3. Выраженное недовольство работников: жалобы на условия труда, недостаточную заработную плату или отсутствие карьерного роста могут указывать на серьезные недостатки в системе мотивации и организации труда персонала в целом. Для их устранения требуются не только ресурсы, но и серьезные изменения в системе менеджмента предприятия.

4. Высокая текучесть кадров – результат многих факторов неэффективного управления в организации, в том числе и мотивационных. Постоянная потеря работников или их активный поиск новых мест работы свидетельствуют о том, что мотивационная система не отвечает их ожиданиям и потребностям.

5. Низкая производительность труда, как и показатели текучести и стабильности персонала, следует рассматривать, как результат многих причин, связанных с проблемами управления. Так, ненадлежащее выполнение задач в установленные сроки или неудовлетворительные результаты работы могут быть признаком неэффективности существующих мотивационных механизмов [5].

Проблемы в системе мотивации характерны не только для отдельных предприятий, но и для российского бизнеса в целом. В частности, исследования ряда экспертов показывают, что около 65% сотрудников промышленных и строительных компаний в России оценивают уровень своей заработной платы как недостаточный в сравнении с объемом выполняемой работы.

Например, в исследуемой организации ООО СЗ «1-й Красногвардейский» результаты анкетирования свидетельствуют о высоком уровне неудовлетворенности оплатой труда: 74% опрошенных считают, что их заработная плата не соответствует реальному вкладу в результаты деятельности. Подобные данные коррелируют с общероссийскими тенденциями, где недостаточная конкурентоспособность материального стимулирования приводит к росту текучести кадров, особенно среди квалифицированных специалистов и рабочих.

Кроме того, недостаточная вовлеченность сотрудников в процессы изменений, слабые внутренние коммуникации и недостаток моральных стимулов являются факторами, негативно влияющими на показатели текучести и устойчивости организаций в условиях усиливающейся конкуренции.

Для совершенствования мотивации сотрудников и улучшения их трудовой активности, организации могут применять различные мероприятия, направленные на создание стимулирующей рабочей среды и удовлетворение индивидуальных потребностей работников. Предлагаем несколько эффективных мероприятий:

1. Разработка и внедрение гибкой системы вознаграждений: Создание системы, включающей как финансовые, так и нематериальные формы поощрения за высокие результаты труда, инновации и личный вклад в достижение целей компании.

2. Персонализация подходов к мотивации: Учет индивидуальных целей, интересов и предпочтений сотрудников при формировании мотивационных программ, что способствует повышению их личной заинтересованности и вовлеченности.

3. Профессиональное развитие и карьерный рост: Предоставление сотрудникам возможностей для обучения и повышения квалификации, планирование карьерного роста внутри

организации для стимулирования стремления к профессиональному и личностному развитию.

4. Улучшение условий труда: Оптимизация рабочего пространства для создания комфортной и безопасной рабочей среды, внедрение современных технологий и оборудования, способствующих повышению эффективности работы [3].

5. Совершенствование коммуникации и обратной связи: Организация регулярного диалога между руководством и сотрудниками для обсуждения текущих результатов, проблем и предложений по улучшению рабочего процесса.

6. Повышение корпоративной культуры и лояльности: Продвижение корпоративных ценностей и миссии среди сотрудников, проведение корпоративных мероприятий и тимбилдингов для укрепления духа команды и повышения взаимного доверия.

7. Внедрение программ улучшения качества жизни: Предложение программ по улучшению баланса между работой и личной жизнью, таких как гибкий график, возможность удаленной работы, программы поддержки здоровья и благосостояния.

8. Реализация системы признания и награждения: Организация формальной системы признания достижений сотрудников, включая награды, сертификаты, публичное признание вклада в успехи компании [2].

Усовершенствование системы мотивации играет существенную роль в повышении управленческой эффективности предприятия, влияя на производительность, качество работы и общую корпоративную атмосферу.

Усовершенствование системы мотивации персонала в ООО СЗ «1-й Красногвардейский» имеет прикладной характер и тесно связано с задачами повышения производительности труда и снижения текучести кадров. Результаты анализа показали, что существующая система мотивации нуждается в обновлении подходов и инструментов, поскольку её элементы в большей степе-

ни ориентированы на материальное стимулирование, причем показатели и критерии обобщены и не обеспечивают устойчивой вовлечённости работников в достижение корпоративных целей.

Разработка и внедрение комплексной мотивационной программы, адаптированной к особенностям деятельности компании, позволит повысить заинтересованность персонала и укрепить внутреннюю корпоративную культуру. Важным направлением выступает интеграция материальных и нематериальных стимулов в единую систему, где финансовое вознаграждение будет дополняться возможностями профессионального и личностного роста, признанием достижений, прозрачными критериями оценки и обратной связью между руководством и работниками.

Практическая значимость совершенствования мотивации для ООО СЗ «1-й Красногвардейский» заключается в формировании устойчивого кадрового потенциала, способного обеспечивать реализацию строительных проектов в заданные сроки и с требуемым качеством. Внедрение системы регулярного обучения, программ наставничества и внутренних конкурсов будет способствовать развитию профессиональных компетенций и укреплению командного взаимодействия. Это особенно важно в условиях высокой динамики строительного рынка и необходимости удержания квалифицированных специалистов.

Кроме того, пересмотр действующей премиальной политики и внедрение гибких форм вознаграждения за индивидуальные и коллективные результаты труда позволит устранить субъективность в оценке и повысить чувство

справедливости среди работников. Создание формальной системы признания достижений, использование возможностей публичного признания успехов в работе, благодарственные письма, награждения – усилят моральную составляющую мотивации, что особенно важно для формирования лояльности и долгосрочной приверженности сотрудников компании.

Таким образом, прикладная ценность предложенных мер заключается не только в росте производительности и снижении текучести, но и в создании устойчивой мотивационной среды, в которой работники видят прямую связь между своим вкладом и результатами организации. Это позволит ООО СЗ «1-й Красногвардейский» повысить конкурентоспособность, укрепить кадровый потенциал и обеспечить стабильное устойчивое развитие в долгосрочной перспективе.

Исследование мотивации сотрудников требует комплексного подхода, включающего анализ организационных аспектов, изучение внутренних документов, проведение социологических опросов и наблюдение за поведением работников. Это позволяет определить как внешние, так и внутренние мотиваторы, а также выявить слабые стороны существующей системы и разработать меры по их устранению [6].

Важно понимать, что мотивация – это многоаспектный процесс, который не всегда поддается прямому измерению. Однако, тщательный анализ мотивационной среды и постоянная работа над совершенствованием мотивационных механизмов могут значительно повысить эффективность труда и способствовать достижению долгосрочных целей предприятия.

Список литературы

1. **Абакумова, Н.Н.** Мотивация персонала к самоорганизации трудовой деятельности / Н. Н. Абакумова, Е. В. Маслов, А. И. Нехаев // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2024. – № 10. – С. 25–30.
2. **Ветлужских, Е.** Мотивация и оплата труда: инструменты, методики / Е. Ветлужских. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 149 с.
3. **Виханский, О.С.** Менеджмент: учебное пособие / О. С. Виханский, А. И. Наумов. – М.: Проспект, 2022. – 520 с.

4. **Губарев, Р.В.** Становление теорий мотивации и стимулирования труда / Р. В. Губарев // Экономика и социум. – 2023. – № 2(5). – С. 121–132.
5. **Зарова, Е.В.** Статистические ресурсы и методы прогнозирования показателей заработной платы наемных работников / Е. В. Зарова // Вопросы статистики. – 2024. – № 6. – С. 19–28.
6. **Игнатова, В.В.** Мотивация работников в рамках профессиональной деятельности / В. В. Игнатова // Научные достижения и открытия современной молодежи. – 2024. – № 3. – С. 739–742.
7. **Савенков, И.Е.** Современные методики оценки эффективности мотивации и стимулирования труда персонала / И. Е. Савенков // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах. – 2024. – № 3. – С. 167–172.
8. **Трофимов, Н.С.** Современное управление персоналом организации / Н. С. Трофимов. – СПб.: Канди, 2021. – 250 с.
9. **Устинова, Е.М.** Системный подход к анализу и оценке мотивации труда работников / Е. М. Устинова, Р. А. Тедеева, Н. В. Журавлева // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2024. – № 2(58). – С. 182–189.

СОВРЕМЕННЫЕ БИБЛИОТЕЧНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПЛАТФОРМЫ: СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

В.Е. Зотов

Статья исследует трансформацию библиотек через развитие информационных платформ. Выделены четыре подхода к их пониманию: коммуникационно-интеграционный, технологически-архитектурный, эволюционно-функциональный и перспективно-имиджевый. На примере НЭБ раскрыта многоуровневая функциональная роль платформ. Показан переход от автоматизации процессов к управлению знаниями и созданию цифровых сервисов.

Ключевые слова: библиотечные информационные платформы, электронная информационно-образовательная среда, типология, функциональные возможности, цифровая трансформация библиотек, интеллектуальный поиск.

LIBRARY INFORMATION PLATFORMS: ESSENCE AND FUNCTIONS

V.E. Zotov

This article presents a systematic analysis of modern library information platforms as a key element in the digital transformation of library operations. Based on a comparative study of Russian researchers' scientific approaches, the conceptual essence of these platforms is revealed, a multi-criteria classification is proposed, and their key functional characteristics are examined in detail. Particular attention is paid to aspects such as unified search, personalized service, and the integration potential of these platforms. The results of the study demonstrate the transformation of library information services in the digital age.

Keywords: library information platforms, electronic information and educational environment, typology, functionality, digital transformation of libraries, intelligent search, data analytics.

Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни является определяющим трендом современности. В этих условиях библиотеки, как традиционные центры информации и знания, сталкиваются с необходимостью фундаментальной перестройки своей деятельности. На смену изолированным автоматизированным библиотечно-информационным системам (АБИС) приходят комплексные библиотечные информационные платформы, выступающие интеграционным ядром цифровой экосистемы библиотеки. Они трансформируют роль учреждения – от хранения документов к центру создания и предоставления знаний в удобной, персонализированной форме. Однако отсутствие единого подхода к пониманию их сущности, четкой типологии и систематизации функциональных возможностей

создает серьезные препятствия для их эффективного выбора, внедрения и развития. Данная статья направлена на устранение этого пробела.

В настоящее время в научной литературе представлены различные подходы к трактовке термина «библиотечная информационная платформа», что свидетельствует о сложности и многогранности данного понятия.

Коммуникационно-интеграционный подход фокусируется на роли платформы как связующего звена между участниками образовательной и научной деятельности. Сторонники данного подхода, такие как Е.Н. Плахутина и А.З. Кулбахтина, определяют платформу через ее социальную функцию, рассматривая ее как «информационно-коммуникационный хаб» [2, с. 118]. В этой трактовке на первый план выходит способ-

ность платформы обеспечивать взаимодействие между пользователями, ресурсами и сервисами. Этот взгляд находит практическое подтверждение в региональных исследованиях. Например, Н.В. Кенжалинова и соавторы, обосновывая создание межвузовской системы, видят ее ключевое назначение в «преодолении разобщенности информационных ресурсов» [3, с. 84]. Аналогичную позицию занимают Е.О. Шакирьянова и Е.И. Швецова, которые в своей работе подчеркивают цель объединения ресурсов муниципальных библиотек [5, с. 311] для обеспечения равного доступа. Таким образом, в рамках данного подхода платформа понимается прежде всего как инструмент преодоления информационной раздробленности и создания целостной среды.

Технологически-архитектурный подход смещает фокус на инфраструктурную и инструментальную составляющую. Его представители, О.С. Колобов, А.А. Князева и И.Ю. Турчановский рассматривают платформу не как социальный феномен, а как технологический продукт, отмечая, что «одно из замечательных свойств нашего подхода является наличие у программной платформы API, которое с одной стороны вводит протокол для взаимодействия с клиентом, а с другой стороны дает нам возможность использовать различные архитектурные стили» [6, с. 122]. В данном случае ключевыми признаками платформы становятся ее открытость, модульность и способность к масштабированию, что позволяет рассматривать ее как фундамент, на котором могут быть построены различные сервисы.

Эволюционно-функциональный подход предлагает взгляд на платформу в динамике, как на закономерный этап развития библиотечных технологий. Т.Е. Савицкая, анализируя глобальные тренды, указывает на магистральный переход: «Скрытой пружиной развития зарубежного рынка библиотечных технологий является фундаментальная смена концепции библиотечной

автоматизации, переход от объединенных библиотечных систем к универсальным библиотечным сервисным платформам с облачным хранением» [7, с. 25]. В этой трактовке, которую поддерживают в своих разработках О.С. Колобов, А.А. Князева и И.Ю. Турчановский [6], платформа представляет собой не просто новую версию АБИС, а качественно иной продукт, ориентированный на создание открытой, пользовательско-ориентированной экосистемы.

Наконец, перспективно-имиджевый подход проецирует развитие платформ в будущее, связывая его с новейшими технологическими трендами. И. Чжао, С.Ю. Мэн и Я. Чжан утверждают, что развитие библиотечных платформ в контексте метавселенной открывает возможности для создания принципиально новых интерактивных сервисов [1, с. 418]. В этом ракурсе платформа воспринимается не просто как инструмент для повседневной работы, а как ключевой фактор, способный в корне изменить имидж и возможности библиотеки, открывая для нее новые перспективы.

Сравнительный анализ рассмотренных подходов к трактовке термина «библиотечная платформа» показывает, что, несмотря на различия в акцентах, в научном дискурсе доминирует взгляд на нее не как на статичный программный продукт, а как на динамичную, открытую и сервис-ориентированную среду, интегрирующую ресурсы, процессы и коммуникации.

Современные библиотечные платформы очень разнообразны от глобальных облачных платформ типа Ex Libris Alma, которые объединяют ресурсы университетов разных стран, до специализированных научных хабов вроде arXiv.org, где исследователи со всего мира в режиме реального времени делятся открытиями. Они развились от инструментов автоматизации базовых процессов до комплексных систем. Проведенный исследователями сравнительный анализ таких систем, как ИРБИС, OPAC-Global

и зарубежных аналогов, наглядно демонстрирует, что все библиотечные платформы нацелены на объединение множества ресурсов и сервисов в едином пространстве [7, с. 23]. Особое место среди таких платформ занимают национальные проекты – такие как Национальная электронная библиотека (НЭБ), которая, выполняет функцию «стратегического ресурса» развития, обеспечивая «общедоступность знаний» [4, с. 6].

В качестве примера отечественной разработки, наглядно демонстрирующего воплощение рассмотренных теоретических подходов, проанализирована Национальная электронная библиотека (НЭБ). Данная платформа является практической реализацией коммуникационно-интеграционного подхода в федеральном масштабе. Она выполняет роль централизованного хаба, преодолевающего «разобщенность информационных ресурсов» [3, с. 84] тысяч российских библиотек, и обеспечивает «общедоступность знаний» [4, с. 6], что соответствует видению ее как стратегического ресурса развития. С технологически-архитектурной точки зрения НЭБ представляет собой сложную модульную систему, которая агрегирует контент из распределенных источников, обеспечивая единый поиск и доступ, что подчеркивает ее роль как открытой интеграционной платформы. Ее развитие отражает эволюционно-функциональный подход: пройдя путь от оцифровки редких книг до полноценной сервисной платформы, НЭБ интегрирует электронный каталог, полнотекстовые коллекции и подписные ресурсы, трансформируясь из архива в активную среду для образования и науки. Реализуется и аналитико-проективная функция – система анализирует запросы пользователей для формирования тематических подборок и рекомендаций, то есть начинает предугадывать потребности пользователей, а не просто реагировать на их запросы. Таким образом, НЭБ эволюционирует в сторону целостной сервис-ориентированной среды, являясь ключевым

элементом цифровой экосистемы российского библиотечного дела и на практике подтверждая доминирующий в научных рассуждениях взгляд на сущность библиотечной платформы.

Многообразие типов библиотечных платформ обуславливает необходимость анализа их функциональных возможностей, так как именно они раскрывают практическую ценность этих систем. Если типологизация отвечает на вопрос о структурных различиях платформ, то исследование функционального аспекта позволяет раскрыть их возможности и трансформационный потенциал в условиях цифровой среды.

Функциональная роль современных библиотечных платформ выходит далеко за рамки автоматизации традиционных процессов каталогизации и поиска, трансформируясь в многоуровневый инструмент управления знаниями и цифровыми сервисами. Во-первых, ключевой является интеграционная функция, которая заключается в объединении разрозненных ресурсов – от подписных электронных научных коллекций и данных локального архива до внешних образовательных систем. Ярким примером служит интеграция электронных библиотечных систем (ЭБС) с платформами дистанционного обучения, такой как Moodle, что создает «бесшовную образовательную среду», где учебные курсы и необходимые материалы логически и технологически связаны [9, с. 12]. Во-вторых, платформы реализуют коммуникационную функцию, выступая в роли хаба, который не только предоставляет информацию, но и облегчает взаимодействие между пользователями, исследователями и библиотекарями, тем самым поддерживая научную коллаборацию и образовательный процесс [2, с. 118]. В-третьих, развивается аналитико-проективная функция: используя технологии больших данных и искусственного интеллекта, платформы способны анализировать интересы пользователей, выявлять информационные потребности и предлагать персонализированный контент [7, с. 25]. Наконец,

стратегическая функция платформ заключается в их способности выступать основой для создания принципиально новых услуг, таких как интерактивные сервисы в концепции метавселенной [1, с. 418], что кардинально меняет имидж библиотеки как консервативного института, позиционируя ее как инновационный центр цифровой системы знаний. Таким образом, функциональная роль библиотечных информационных платформ заключается не только в управлении фондами, но и в формировании цифровой среды, где обеспечивается простой доступ к знаниям, общение между пользователями и создание нового контента.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд основополагающих выводов относительно сущности и функциональной роли современных библиотечных информационных платформ в цифровой среде. Во-первых, систематизация научных подходов выявила формирование целостного понимания библиотечной платформы как сложного, многоаспектного явления. Несмотря на различия в акцентах – будь то коммуникационно-интеграционный взгляд на платформу как на хаб, технологически-архитектурный подход к ней как к открытому фундаменту или эволюционно-функциональное восприятие ее как закономерного этапа развития или перспективно-имиджевый взгляд в будущее с

метавселенными – в научном дискурсе доминирует консенсус. Библиотечная информационная платформа – это уже не статичный программный продукт, а динамичная, открытая, сервис-ориентированная среда, интегрирующая ресурсы, технологические процессы и человеческие коммуникации в единую цифровую экосистему.

Проведенный анализ научных подходов к пониманию сущности библиотечных информационных платформ выявил комплексное восприятие этого феномена. В научном дискурсе доминирует представление о платформе как о динамичной, открытой, сервис-ориентированной среде, интегрирующей ресурсы, процессы и коммуникации. Это понимание объединяет различные научные взгляды – от рассмотрения платформы как информационно-коммуникационного хаба до ее восприятия как технологического фундамента для создания новых сервисов.

Современные библиотечные платформы реализуют многоуровневую функциональную роль, выходящую далеко за рамки автоматизации традиционных процессов. Они обеспечивают интеграцию ресурсов, поддерживают коммуникацию между участниками образовательного процесса, реализуют аналитико-проективные функции и служат основой для стратегического развития библиотек.

Список литературы

1. **Чжао, И.** Исследование инновационных сервисов и разработка интеллектуальных библиотек в рамках концепции метавселенной / И. Чжао, С. Ю. Мэн, Я. Чжан // Педагогический журнал. – 2023. – Т. 13, № 6-1. – С. 417-425.
2. **Плахутина, Е.Н.** Оценка вузовской библиотеки как информационно-коммуникационного хаба / Е. Н. Плахутина, А. З. Кулбахтина // Информация - коммуникация - документ (ИКД-2020) : Сборник научных статей по материалам I Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Пенза, 24–25 сентября 2020 года / Под редакцией Л.Р. Фионовой, О.И. Семянковой. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2020. – С. 118-125
3. **Кенжалинова, Н.В.** Обоснование создания цифровой платформы межвузовской региональной электронно-библиотечной системы / Н. В. Кенжалинова, В. А. Кобышев С. А. Ступин, Э. Р. Пфейфер // ИТ. Наука. креатив : Материалы I Международного форума: в 5-ти томах, Омск, 14–16 мая 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательско-книготорговый центр «Колос-с», 2024. – С. 83-87.

4. Стратегия развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года. URL: http://www.rba.ru/netcat_files/userfiles/news/2020/06_08/strat_bib.pdf (дата обращения: 14.10.2025).
5. **Шакирьянова, Е.О.** Создание единой информационно-библиотечной платформы в Челябинской области / Е. О. Шакирьянова, Е. И. Швецова // Современные тренды развития регионов: управление, право, экономика, социум: Материалы XIX Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Челябинск, 21–22 апреля 2021 года. Том Часть 1. – Челябинск: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Челябинский филиал, 2021. – С. 311-312.
6. **Колобов, О.С.** Прототип программной платформы для создания современных библиотечных сервисов / О. С. Колобов, А. А. Князева, И. Ю. Турчановский // Книга. Культура. Образование. Инновации : сборник докладов Пятого Международного профессионального форума «Крым-2019», Судак, 08–16 июня 2019 года / Государственная публичная научно-техническая библиотека России. – Судак: Государственная публичная научно-техническая библиотека России, 2020. – С. 122-126.
7. **Савицкая, Т.Е.** Технологический императив: актуальные тенденции зарубежного рынка библиотечных технологий / Т. Е. Савицкая // Библиотековедение. – 2020. – Т. 69, № 1. – С. 21-30.
8. **Гумерова, Г.И.** Цифровые платформы креативных индустрий: опыт России и Китая / Г. И. Гумерова, А. А. Кокурина, Э. Ш. Шаймиева, Н. Н. Трифонова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 293-300.
9. **Рыжкова, И.Е.** Интеграция ЭБС с образовательной платформой Moodle / И. Е. Рыжкова, В. В. Максимов, В. В. Субботина [и др.] // Информационные технологии и системы: управление, экономика, транспорт, право. – 2023. – № S2-2. – С. 12-23.

УДК 316.77

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИЙ СОВРЕМЕННОГО МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА

У.Ю. Иванова, А.П. Игнатьева

В статье автор указывает актуальность темы исследования, связанная со структурой и функцией медийного пространства. Рассматриваются концепции медиаконвергенции, цифровых коммуникаций и сетевого общества, а также были выявлены основные изменения в функциях медиа и трансформация ролей аудитории в эпоху цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровизация, медиакommunikation, медиа, массовая коммуникация, медиаконвергенция.

DIGITALIZATION OF MEDIA COMMUNICATIONS: TRANSFORMATION OF THE STRUCTURE AND FUNCTIONS OF THE MODERN MEDIA SPACE

U.Yu. Ivanova, A.P. Ignatyeva

In the article, the author highlights the relevance of the research topic, which is linked to the structure and functions of the media space. The concepts of media convergence, digital communications, and the network society are examined. Additionally, the main changes in the functions of media and the transformation of audience roles in the digital age were identified.

Keywords: Digitalization, Media Communications, Media, Mass Communication, Media Convergence.

Цифровизация медиакommunikation считается одним из наиболее значимых процессов современности, который влияет на развитие различных аспектов общественной жизни. Процесс коммуникации определяется технологией коммуникации, характеристиками отправителей и получателей информации, а также рамками коммуникационного процесса¹.

В условиях развития цифровых технологий традиционные формы медиа теряют монополию на распространение информации, уступая место сетевым и платформенным структурам. С распространением интернета и интернет-платформ возникла новая форма интерактивной коммуникации, которая открыла доступ к возможности двусторонней коммуникации и широкоэмитательного телевидения. В цифровую эпоху традиционные массмедиа утратили свою исключительность как главного формиро-

вателя публичной сферы. Распространение веб-коммуникаций, даже в условиях цифрового неравенства, привело к появлению новых медиа и предоставило пользователям возможность выбирать те источники информации, которые наиболее всего подходят их потребностям и контексту. Теперь не обязательны факторы личного знакомства между людьми, ведь интернет позволяет поддерживать коммуникацию любого уровня, при этом избегая личных встреч.

Изначально термин «цифровизация» имел более широкое значение, напоминающий изменения, которые были вызваны частым применением цифровых технологий. На сегодняшний день цифровизация рассматривается как комплексное явление, охватывающее технологические, экономические и культурные аспекты. Благодаря этому она влияет на производство, распространение и потребление информации, при этом формируя новую форму коммуникации.

¹ Кастельс М. Власть коммуникации. ГУ ВШЭ, 2016

По мнению Мануэля Кастельса современное общество характеризуется сетевой структурой, где коммуникация становится ключевым фактором развития. М. Кастельс ввел понятие сетевого общества, ключевые характеристики которого:

- Гибкость и адаптивность: сети легко перестраиваются и адаптируются к изменениям.
- Глобальность: сети не ограничены географическими рамками.
- Децентрализация: нет единого центра управления, решения принимаются на разных уровнях.
- Доминирование информации: информация является ключевым ресурсом и фактором власти.

Он также предполагал, что самостоятельность средств массовой коммуникации довольно ограничена.

Гарольд Лассуэлл же предложил классическую модель коммуникации, известна также под таким названием как «линейная модель», в которой определил основные элементы процесса, такие как: источник, сообщение, канал, получатель и эффект (рис. 1).

«Кто сообщает» – источник информации, а также отправитель сообщения.

«Что сообщает» – сообщение, которое содержит информацию, передаваемое источником.

«По какому каналу» – средство передачи информации от «отправителя» до «получателя» (например, через современные мессенджеры или же через устную речь).

«Кому сообщает» – человек или группа людей, кто получает информацию.

«С каким эффектом» – результат коммуникации между людьми.

Использование такой модели помогает построить модель функционирования современной системы массовых коммуникаций.

Канадский филолог – Маршалл Маклюэн ввел же концепцию, где средство и есть сообщение. Он утверждал, что каждая медийная форма не только передает информацию, но и оказывает глубокое влияние, как на саму культуру, так и на взаимодействие в обществе (рис. 2).

«Информация» – содержание, передаваемое медиа: медиа передает новости, знания, факты и развлекательный контент.

«Восприятие» – медиа формирует образ реальности и влияет на мнение людей.

«Социальное воздействие» – благодаря медиа общество может общаться, участво-

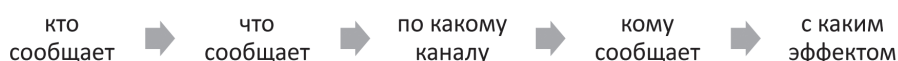

Рисунок 1. Структура коммуникации

Рисунок 2. Медиа и их влияние

вать в дискуссиях и объединяться в сообществах.

«Культура» – медиа распространяют ценности, традиции и нормы общества.

Генри Дженкинс развил идею медиаконвергенции, суть которой заключалась в слиянии разных форм контента и взаимодействия пользователей с медиа. Медиаконвергенция включает в себя слияние технологий, индустрий, контента и аудитории, которые приводят к влиянию на общество. Генри Дженкинс утверждал, что современное медиaprостранство может влиять на жизнь, как самого человека, так и на все общество. Именно его исследования помогли раскрыть основы успеха социальных сетей и взаимодействия людей в интернет-сообществах.

Говоря про цифровизацию, можно сказать, что она изменила функциональную структуру медиа. Информационная и коммуникативная функции со временем дополнились интерактивностью, персонализацией и алгоритмизацией контента.

На сегодняшний день медиа становятся не только посредниками, но и также соучастниками

коммуникационного процесса, активно взаимодействующими с аудиторией. Крупные преобразования формируют современную медиасистему, обусловленные развитием информационно-коммуникационных технологий, внедрением инноваций и изменением экономической роли аудитории.

Таким образом, по всем вышесказанному материалу, можно сделать вывод, что цифровизация медиакommunikаций трансформирует не только технологии, но и социальные структуры взаимодействия.

Современное медиaprостранство приобретает гибридный характер, в котором сочетаются традиционные и цифровые формы коммуникации (которые становятся более упрощёнными). Эти изменения требуют новых методологических подходов к исследованию массовой коммуникации, а также они приводят к переосмыслению роли аудитории, которая становится не только потребителем, но и активным участником медиапроизводства и распространения информации.

Список литературы

1. Баранов Д. Сущность и содержание категории «Цифровая экономика». МУ имени С. Ю. Витте, 2018
2. Белоусова Н., Кублашвили О., Панова Н. Цифровая трансформация в медиаиндустрии. Международный научный журнал: Современные информационные технологии и ИТ-образование, 2021
3. Дженкинс Г. Конвергентная культура: Столкновение старых и новых медиа, 2019
4. Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: ГУ-ВШЭ, 2016
5. Косяков В., Универсальюк Е. Реферативный обзор книги Д. Маккуэйла: Теория массовой коммуникации (1 часть) / В.А. Косяков, Е.А. Универсальюк // Вопросы теории и практики журналистики. — 2019
6. Кривонос А., Киуру К. Парадигматика современной системы массовых коммуникаций в модели Г. Лассуэлла. Научная статья, 2022
7. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М. : Кучково Поле : Медиа, 2023. – 464
8. Птицына С. Теория сетевого общества М. Кастельса: теоретико-социологический анализ [Электронный ресурс]: Всероссийский журнал научных публикаций, 2011

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ РАЗНООБРАЗНЫХ СТРАТЕГИЙ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

С.А. Измайлова, Д.В. Куликов

Современный мир бизнеса характеризуется стремительными изменениями, технологическим прогрессом, глобализацией и растущей конкуренцией. В этих условиях эффективное управление персоналом становится ключевым фактором успеха любой организации. Устаревшие подходы к управлению кадрами больше не работают, и компаниям необходимо адаптироваться, внедряя разнообразные и гибкие стратегии управления персоналом, учитывающие специфику их деятельности и современные тенденции. Применение разнообразных стратегий управления персоналом в современных условиях не только способствует повышению эффективности работы организаций, но и создает устойчивую, инновационную и поддерживающую атмосферу, что в свою очередь ведет к успешному развитию бизнеса.

Ключевые слова: стратегия, персонал, система управления, мотивация, эффективность управления, критерии оценки персонала, инструменты цифровизации.

FEATURES OF THE APPLICATION OF VARIOUS PERSONNEL MANAGEMENT STRATEGIES IN MODERN CONDITIONS

S.A. Izmailova, D.V. Kulikov

The modern business world is characterized by rapid changes, technological progress, globalization, and increasing competition. In these conditions, effective personnel management becomes a key factor in the success of any organization. Outdated approaches to personnel management no longer work, and companies need to adapt by implementing diverse and flexible personnel management strategies that take into account their specific activities and current trends. The use of diverse personnel management strategies in modern conditions not only helps to improve the efficiency of organizations, but also creates a sustainable, innovative, and supportive environment, which in turn leads to successful business development.

Keywords: strategy, personnel, management system, motivation, management efficiency, personnel evaluation criteria, digitalization tools.

В условиях острого дефицита кадров стратегическое управление персоналом приобретает критически важное значение для российских организаций. Социологические опросы, проводимые среди директоров и менеджеров по персоналу, а было опрошено 156 человек, свидетельствуют о том, что 88% из опрошенных считают дефицит кадров основной проблемой. Однако следует отметить ограниченность выборки исследования – она охватывает преимущественно крупные компании, что может исказить общую картину для малого и среднего бизнеса. [4, с. 122-

127] Следует подчеркнуть, что выборка исследования включает преимущественно представителей среднего и высшего менеджмента крупных компаний, что ограничивает возможность прямой экстраполяции полученных выводов на сферу малого и среднего предпринимательства. Отсутствие отраслевой дифференциации в анализе респондентов также может влиять на полноту картины, особенно для производственных и технологических предприятий. При уровне безработицы по данным Росстата на сентябрь 2025 года составившим 2,2%, работодатели вы-

нуждены кардинально пересматривать подходы к управлению человеческими ресурсами.

Стратегическое управление персоналом представляет собой интегрированную систему планирования, привлечения, развития и удержания человеческих ресурсов, направленную на достижение долгосрочных целей организации. В эпоху цифровой трансформации данный процесс приобретает особую значимость, поскольку результаты исследования McKinsey указывают на 20-30%-ное повышение производительности труда при внедрении цифровых HR-решений. Вместе с тем, следует критически оценивать подобные утверждения, учитывая различия в методологии измерения продуктивности и специфику российского бизнес-контекста. Эффективность стратегического управления персоналом определяется не только материальными факторами, но и комплексом мотивационных элементов, которые влияют на вовлеченность и продуктивность сотрудников. [1, с.61-64]

Анализ факторов мотивации персонала, представленный на рисунке 1, выявляет противоречивые тенденции в приоритетах современных сотрудников.

Данные рисунка 1 демонстрируют доминирование материального стимулирования (42% респондентов), что опровергает популярные теории о приоритете нематериальной мотивации в современном мире. Заслуживает внимания паритет между признанием заслуг и work-life balance (по 30%), что может свидетельствовать о трансформации ценностных ориентиров работников. Парадоксально низкие показатели важности миссии компании (13%) ставят под сомнение эффективность инвестиций в корпоративную философию и purpose-driven подходы. Четкий план карьерного развития мотивирует каждого четвертого сотрудника (24%), что указывает на важность долгосрочного планирования в HR-стратегии. Спорным остается вопрос о репрезентативности данной выборки – исследование базировалось преимущественно на западных респондентах, что может не отражать специфику российского менталитета.

Продуктивность труда как ключевой индикатор эффективности HR-стратегий демонстрирует неожиданные результаты, представленные на рисунке 2.

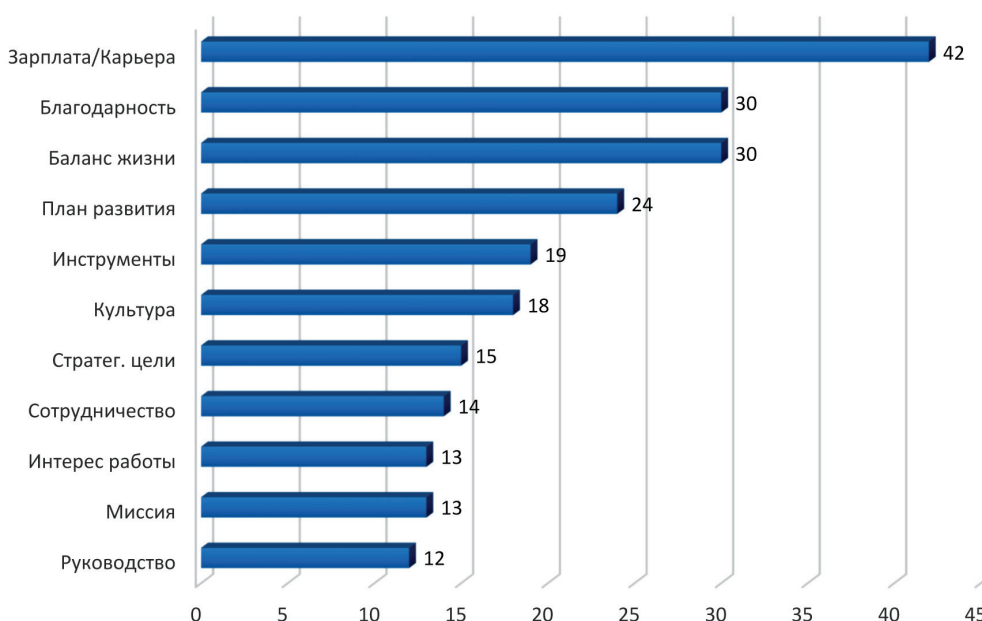

Рисунок 1. Факторы мотивации сотрудников
(% опрошенных)

Источник: составлено авторами на основе TeamStage – Free Project Management Software – <https://teamstage.io/motivation-statistics/>

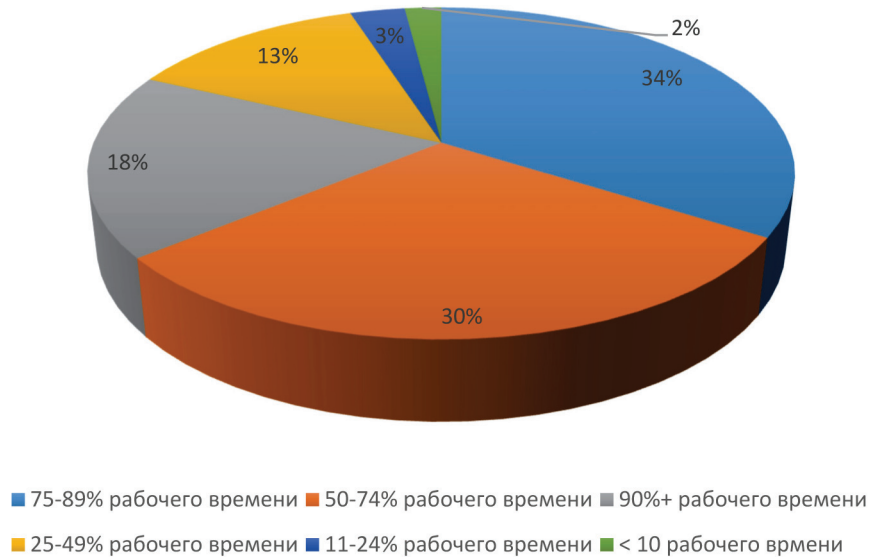

Рисунок 2. Распределение продуктивности сотрудников в течение рабочего дня

Источник: составлено авторами на основе Аналитики производительности на рабочем месте – полное руководство 2025 – <https://squeezeegrowth.com/ru/workplace-productivity-analytics/?ysclid=mgxdvub1pj470519179/>

Анализ продуктивности персонала выявляет тревожную картину: лишь 18% сотрудников демонстрируют высокую продуктивность (90% + рабочего времени). Однако интерпретация данных показателей вызывает определенные сомнения. Методология оценки продуктивности не учитывает специфику интеллектуального труда, где периоды кажущейся «непродуктивности» могут быть критически важными для генерации идей. Кроме того, самооценка продуктивности, на которой базируется исследование, субъективна и может систематически занижаться респондентами. Наибольшая группа сотрудников (34%) демонстрирует продуктивность на уровне 75-89% рабочего времени, что можно считать приемлемым результатом. Представляется дискуссионным отнесение 30% персонала к низкопродуктивной категории (50-74% рабочего времени) без учета отраслевой специфики и характера выполняемых задач.

Результаты исследований указывают на 21%-ное превышение рентабельности высокомотивированных команд. Десятипроцентное увеличение инвестиций в мотивацию персонала может генерировать дополнительную доход-

ность в размере 2400 долларов США на сотрудника ежемесячно. Представляется дискуссионным вопрос о применимости данных показателей к российским реалиям, поскольку исследование базировалось преимущественно на западных выборках. Кроме того, методология расчета ROI мотивационных программ остается спорной в научном сообществе.

Несмотря на наличие многочисленных зарубежных публикаций по результатам эмпирических исследований, данные, полученные на основе российских выборок, остаются крайне ограниченными. Это обуславливает необходимость осторожного переноса западных параметров эффективности (таких как ROI мотивационных программ или уровень вовлеченности) на отечественные реалии. Необходимо отметить, что исследования российского бизнеса должны учитывать институциональные особенности нашего рынка труда, включая преобладание госкорпораций, низкую региональную мобильность персонала и специфику взаимодействия работодателей и профсоюзов.

Не нужно забывать, что современная теория управления персоналом выделяет пять ба-

зовых стратегических подходов, хотя данная типология может не исчерпывать всего многообразия практических решений. Каждая стратегия ориентирована на специфические цели и условия функционирования организации. [3, с.215-217] Классификационные критерии включают уровень риска, степень инновационности, временные горизонты планирования и требования к компетенциям персонала, однако отсутствие единых стандартов оценки затрудняет сопоставление различных подходов, таблица 1.

Данные таблицы 1 выявляют существенную дифференциацию стратегий по базовым характеристикам. Заслуживает внимания тот факт, что предпринимательская стратегия, несмотря на высокий потенциал роста, ограничена узким сегментом применения (15-20% компаний). Это объясняется не только высоким риском, но и специфическими требованиями к персоналу. Спорным остается вопрос о корректности оценки применимости стратегий – представленные проценты базируются на экспертных оценках, а не на репрезентативных эмпирических данных. Стратегия динамического роста является наи-

более популярной (30-35% компаний), поскольку обеспечивает баланс между стабильностью и развитием при умеренном риске. Парадоксально, что ликвидационная стратегия, применяемая лишь в 5-10% случаев, может потребовать наиболее сложных управленческих компетенций для минимизации социальных и репутационных рисков.

Рассмотрим подробнее каждую представленную стратегию, что позволит более детально понять популярность некоторых стратегий, применяемых современным бизнесом в системе управления персоналом.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Данная стратегия характеризуется высокой толерантностью к риску и ориентацией на экспоненциальный рост через инновационные решения. Организации, реализующие этот подход, инвестируют значительные ресурсы в поиск и привлечение креативных специалистов, способных функционировать в условиях неопределенности. Мотивационные программы включают конкурентные вознаграждения, опционы,

Таблица 1

Сравнительная характеристика типов стратегий управления персоналом

Тип стратегии	Основная цель	Мотивация персонала	Риск	Требования к персоналу	Применимость компаниями (%)
Предпринимательская	Быстрый рост и инновации	Конкурентные вознаграждения	Высокий	Инициативность, креативность	15-20
Динамического роста	Стабильное развитие	Справедливая оплата, развитие	Средний	Командность, гибкость	30-35
Прибыльности	Максимизация прибыли	Оплата по результатам	Низкий	Дисциплина, результативность	25-30
Ликвидационная	Минимизация затрат	Базовое вознаграждение	Минимальный	Базовые навыки	5-10
Циклическая	Подготовка к новым этапам	Селективная мотивация	Контролируемый	Универсальность, лояльность	15-20

Источник: составлено авторами на основе Стратегический HR-консалтинг Detech group – <https://www.detech-group.ru/?ysclid=mgxfjdzsdz424752731>

долевое участие в прибыли и индивидуальные карьерные траектории. Время адаптации новых сотрудников составляет 2-3 месяца, что является оптимальным показателем среди всех стратегических подходов. Однако высокая текучесть кадров (20-25%) может критически подрывать накопление организационных знаний, особенно на ранних стадиях развития компании.

СТРАТЕГИЯ ДИНАМИЧЕСКОГО РОСТА

Стратегия динамического роста ориентирована на достижение баланса между стабильностью и развитием при контролируемом риске. Ключевым элементом выступает командообразование и развитие адаптивных компетенций персонала. Система мотивации базируется на справедливой оценке результатов, прозрачных критериях продвижения и возможностях профессионального развития. Однако следует отметить неопределенность понятия «справедливая оценка» – отсутствие единых критериев может приводить к субъективности при реализации данной стратегии на практике. Показатели эффективности демонстрируют оптимальный баланс: текучесть кадров составляет 10-15%, а вовлеченность сотрудников достигает 80-85%, что является одним из лучших результатов среди всех стратегий.

СТРАТЕГИЯ ПРИБЫЛЬНОСТИ

Фокус данной стратегии сосредоточен на оптимизации финансовых показателей при минимизации операционных рисков. Управление персоналом характеризуется формализованными процедурами контроля, жестким распределением функций и системой компенсаций, основанной исключительно на измеримых результатах. Организации, использующие этот подход, демонстрируют самые низкие показатели текучести кадров (5-10%) и наиболее быстрое закрытие вакансий (20-30 дней), однако подобная эффективность может достигаться за счет снижения инновационного потенциала и привлека-

тельности для амбициозных специалистов. Уровень вовлеченности персонала редко превышает 70-75%.

ЛИКВИДАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ

Применяется в кризисных ситуациях, когда организация сталкивается с необходимостью кардинального сокращения операционных издержек. Основная задача HR-функции сводится к минимизации затрат на персонал при сохранении критически важных компетенций. Мотивационные программы и развитие сотрудников практически отсутствуют, что приводит к высокой текучести кадров (30-40%) и низкому уровню вовлеченности (50-60%). Несмотря на краткосрочную экономическую целесообразность, долгосрочные последствия включают утрату организационной памяти, деградацию корпоративной культуры и критическое снижение репутации работодателя. Применяется лишь в 5-10% случаев.

ЦИКЛИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Циклическая стратегия интегрирует противоположные по своей сути подходы – консолидацию и экспансию. Приоритетным становится сохранение критически важного персонала и создание кадрового резерва. Селективность мотивационных программ основывается на стратегической значимости должностных позиций. Вместе с тем, практическая реализация данного подхода сталкивается с существенными трудностями – определение «ключевых» сотрудников часто носит субъективный характер, что может генерировать внутриорганизационные конфликты и демотивацию «неключевого» персонала. Показатели эффективности демонстрируют умеренные значения: текучесть кадров составляет 15-20%, а производительность труда растет на 8-12%.

Сравнительный анализ пяти базовых стратегических подходов подтверждает отсутствие универсальных решений в данной области. Каж-

дая стратегия демонстрирует эффективность в специфических организационных контекстах, что требует индивидуального подхода к их имплементации. Однако следует признать ограниченность существующей типологии стратегий – динамичная трансформация рынка труда и технологическая революция могут потребовать разработки принципиально новых стратегических подходов, выходящих за рамки традиционной классификации.

Таким образом необходимость трансформации приоритетов в управлении персоналом выявляет кардинальные изменения в стратегических ориентирах российских работодателей. А динамика HR-трендов, представленная на рисунке 3, демонстрирует существенную трансформацию стратегических приоритетов.

Результаты исследования позволяют выявить кардинальную смену приоритетов: фокус на удержании персонала снижается с 87% до прогнозируемых 59%, уступая развитию HR-бренда (68%). Парадоксально, но такая динамика противоречит логике дефицита кадров. Кроме того, можно так же отметить, что выборка в 156 респондентов недостаточна для экстраполяции на всю российскую экономику. Расширение воронки кандидатов также теряет актуаль-

ность (с 78% до 46%), что может быть связано с улучшением ситуации с доступностью кадров на рынке труда. Интересно отметить, что стабильность человекоцентричного подхода (с 59% в 2024 году до 57% в прогнозе) подтверждает его фундаментальный характер. Цифровизация HR демонстрирует значительный рост (с 43% до 54%), отражая ускорение технологической трансформации в управлении персоналом. Особого внимания заслуживает драматический рост значимости HR-бренда с 32% до 68%, что может свидетельствовать о запоздалом осознании важности репутации работодателя. [2, с. 1-23]

Количественные показатели эффективности различных стратегий представлены в таблице 2.

Анализ данных таблицы 2 выявляет принципиальные различия в результативности стратегических подходов. Стратегия прибыльности демонстрирует превосходство по операционным метрикам: минимальная текучесть кадров (5-10%), оптимальное время закрытия вакансий (20-30 дней) и наиболее эффективная стоимость найма (80-120 тыс. руб.). Однако данные преимущества достигаются за счет компромиссов в области вовлеченности (70-75%) и умеренного роста производительности (+5-10%). Предпринимательская стратегия, напротив, обеспечивает мак-

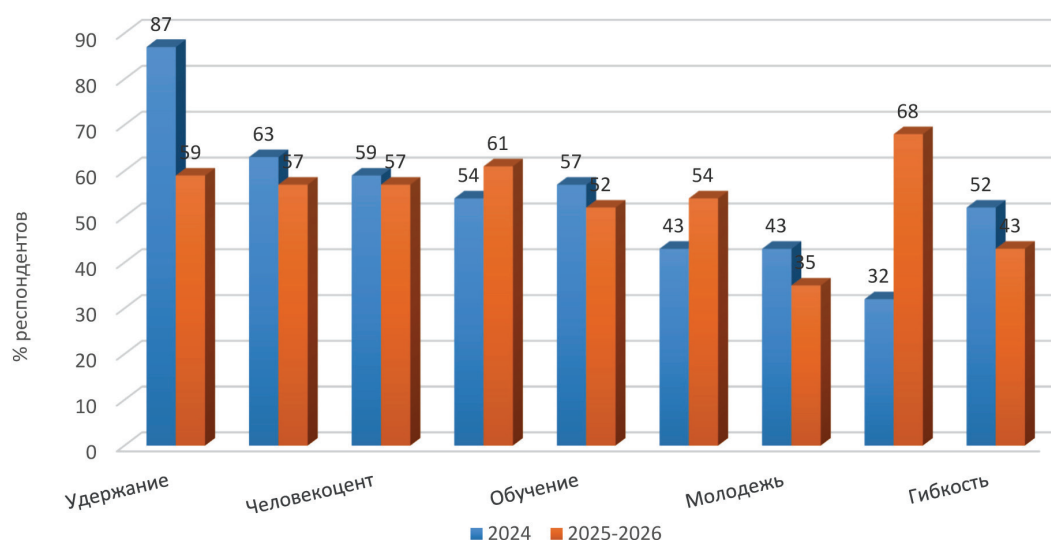

Рисунок 3. Топ-10 HR трендов в России за 2024 – 2025 гг. и в прогнозе на 2026 г.

Источник: составлено авторами на основе TeamStage – Free Project Management Software – <https://teamstage.io/motivation-statistics/>

Показатели эффективности различных HR-стратегий

Показатель эффективности	Предпринимательская	Динамического роста	Прибыльности	Ликвидационная	Циклическая
Текучесть кадров, %	20-25	10-15	5-10	30-40	15-20
Время закрытия вакансии (дни)	45-60	30-45	20-30	15-25	25-35
Стоимость найма (тыс. руб.)	150-200	100-150	80-120	50-80	90-130
Производительность труда, %	+15-20	+10-15	+5-10	-5-0	+8-12
Вовлеченность сотрудников (%)	75-80	80-85	70-75	50-60	75-80
ROI инвестиций в обучение (%)	120-150	110-140	100-120	80-100	105-125
Время адаптации (месяцы)	2-3	3-4	4-6	6-8	3-5

Источник: составлено авторами на основе Стратегический HR-консалтинг Detech group – <https://www.detech-group.ru/?ysclid=mgxfjdzsdz424752731>

симальный прирост продуктивности (+15-20%) и наилучший ROI инвестиций в обучение (120-150%), но требует значительных затрат на привлечение персонала (150-200 тыс. руб.) и характеризуется высокой ротацией кадров (20-25%). Стратегия динамического роста демонстрирует оптимальное соотношение показателей: умеренная текучесть (10-15%), высокая вовлеченность (80-85%) и хороший рост производительности (+10-15%), что объясняет ее популярность. Ликвидационная стратегия показывает катастрофические результаты по качественным показателям, особенно по текучести кадров (30-40%) и вовлеченности (50-60%), что подтверждает ее применимость исключительно в экстремальных обстоятельствах. Циклическая стратегия демонстрирует средние значения по всем показателям, что соответствует ее гибридной природе.

Дифференциация стратегий по эффективности определяется множественными факторами, включая отраслевую специфику и стадию жизненного цикла организации. Предпринимательская стратегия демонстрирует высокую результативность в инновационных секторах, однако сопряжена с существенными кадровыми

рисками. Спорным остается утверждение о безусловной эффективности данного подхода для стартапов – высокая текучесть кадров (20-25%) может критически подрывать накопление организационных знаний на ранних стадиях развития компании. Стратегия динамического роста оптимальна для компаний среднего размера, стремящихся к устойчивому развитию, и применяется примерно в 30-35% российских организаций.

Стратегия прибыльности эффективна для зрелых компаний в стабильных отраслях, но может ограничивать инновационный потенциал и снижать привлекательность для амбициозных специалистов. Представляется проблематичным долгосрочное применение данного подхода в условиях технологических трансформаций, требующих постоянного обновления компетенций. Ликвидационная стратегия, несмотря на краткосрочную экономическую целесообразность, негативно влияет на долгосрочную конкурентоспособность и применяется лишь в 5-10% случаев. Циклическая стратегия требует высокой управленческой квалификации для балансирования противоречивых целей, но позволяет организациям сохранить гибкость в турбулентной

среде. Однако практическая реализация данного подхода осложняется необходимостью постоянной калибровки между стабилизационными и развивающими инициативами.

Следует отметить, что часть представленных количественных данных (в частности, проценты применимости стратегий и показатели ROI) основывается на экспертных оценках и агрегированных международных источниках. Для более достоверной верификации результатов необходимы репрезентативные исследования на российском эмпирическом материале. Развитие отечественной базы статистики HR-показателей позволит уточнить соотношение эффективности стратегий с учетом отраслевых и региональных различий.

Выбор оптимальной стратегии управления персоналом должен базироваться на комплексном анализе внутренних возможностей организации и динамики внешней среды. Критическим фактором выступает текущая конъюнктура рынка труда: в условиях дефицита кадров приоритет следует отдавать стратегиям удержания и развития существующего персонала. Однако прогнозирование изменений на рынке труда остается сложной задачей, что затрудняет долгосрочное стратегическое планирование. В условиях экономической неопределенности целесообразно применение циклической стратегии, позволяющей адаптироваться к изменяющимся условиям. [5, с. 70-73]

Для успешной имплементации любой стратегии критически важно внедрение современных цифровых инструментов управления персоналом. Результаты исследований указывают на то,

что 43% российских компаний активно инвестируют в цифровизацию HR-процессов, причем к 2025-2026 годам этот показатель может возрасти до 54%. Вместе с тем, следует критически оценивать эффективность технологических решений – далеко не все цифровые инновации приносят ожидаемый результат. Особое внимание следует уделить развитию компетенций HR-специалистов, поскольку эффективность стратегии во многом зависит от качества ее реализации.

Критическим элементом успеха является регулярный мониторинг ключевых показателей эффективности, включая текучесть кадров, время закрытия вакансий, уровень вовлеченности персонала и ROI инвестиций в обучение. Следует отметить, что 75,6% российских компаний не измеряют эффективность работы по удержанию персонала и как следствие снижается качество управленческих решений.

Вместе с тем необходимо признать, что применимость отдельных выводов в рамках российского рынка труда требует дополнительной проверки. Высокая степень разнообразия организационных культур и разнородность условий занятости в различных секторах предполагают, что универсальных моделей стратегического управления персоналом в настоящее время не существует. Успешными будут те организации, которые сумеют интегрировать элементы различных стратегий, создав уникальную модель управления человеческими ресурсами, адаптированную к специфике своей деятельности и макроэкономическому контексту.

Список литературы

1. Измайлова С.А., Толмачева И.В., Толмачев А.А. Искусственный интеллект в развитии бизнеса // Вестник Московского Международного Университета. – 2024. – № 3(3). – С. 61-64 – Текст: непосредственный.
2. Забродина В.Ю. Ключевые факторы мотивации персонала: исследование на примере современных организаций / В. Ю. Забродина, Н. М. Шленская, Т. А. Лагутцева-Ногина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023 – Т. 11 – № 4 – С. 1-23 – Текст: непосредственный.
3. Кожина В.О., Рябиченко С.А., Сюзева О.В., Толмачева И.В. Современные тенденции развития инновационного менеджмента в условиях цифровизации // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2024. – № 3. – С. 215-217 – Текст: непосредственный.

4. **Кожина В.О., Измайлова С.А.** Инновационное управление предпринимательскими структурами и цифровизация // Вестник Московского международного университета. – 2024.– № 1(1). – С. 122-127 – Текст: непосредственный.
5. **Кожина В.О, Толмачев А.А., Чепкасова Е.А.** Особенности менеджмента в цифровой экономике // Вестник Московского Международного Университета. – 2024.– № 3(3). – С. 70-73 – Текст: непосредственный.

ОТРАЖЕНИЕ ОТРАЖЕНИЯ: ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНТАМИ-ПСИХОЛОГАМИ ОБРАЗОВ ПРАКТИКУЮЩЕГО ПСИХОЛОГА, СГЕНЕРИРОВАННЫХ НЕЙРОСЕТЬЮ

Л.П. Казакова

В статье представлены результаты психосемантического исследования восприятия студентами-психологами образов практикующего психолога, сгенерированных нейросетью. Проведено сравнение оценок искусственных образов с представлениями студентов о профессиональных психологах и о себе в настоящем и в будущем. Сделан вывод о неполном соответствии сгенерированных образов представлениям студентов о практикующем психологе, что не позволяет делать эти изображения визуальными моделями для профессиональной идентификации. Показано, что в исследуемой выборке представления о профессиональном психологе приближаются к стереотипу, могут быть своеобразным ориентиром в ходе профессионализации, в то время как сгенерированные образы ближе к представлению о себе в настоящем или связаны с альтернативными возможностями профессионализации.

Ключевые слова: сгенерированные образы, нейросеть, социальная перцепция, профессиональная идентификация, студенты-психологи.

REFLECTION OF REFLECTION: PSYCHOLOGY STUDENTS' PERCEPTION OF PRACTICAL PSYCHOLOGIST IMAGES GENERATED BY A NEURAL NETWORK

L.P. Kazakova

The article presents the results of a psychosemantic study of psychology students' perception of images of a practicing psychologist generated by a neural network. The assessments of artificial images are compared with students' ideas about professional psychologists and about themselves in the present and future. It is concluded that the generated images do not fully correspond to the students' ideas of a practicing psychologist, which does not allow these images to become visual models for professional identification. It is shown that in the sample under study, the ideas of a professional psychologist approach a stereotype, can be a kind of guideline during professionalization, while the generated images are closer to the idea of oneself in the present or are associated with alternative possibilities of professionalization.

Keywords: generated images, neural network, social perception, professional identification, psychology students.

Использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) в различных сферах деятельности – стремительно развивающееся направление опосредствования способностей и других психологических свойств человека. Так, внедрение систем ИИ в образовании предоставляет возможности минимизировать рутинные операции как обучающихся, так и педагогов. Новые методические средства помогают персонализировать образовательный процесс, сделать его более интересным, динамичным и контролируемым, что в перспективе может изменить всю организацию образования и методику преподавания. Однако

наблюдаются и негативные последствия увлечения технологиями ИИ обучающимися, в частности, использование ими нейросетей не для повышения эффективности учебной деятельности, а для ее имитации.

Тревога многих профессионалов связана с необходимостью изменения содержания их профессиональной деятельности при внедрении технологий ИИ вплоть до «отмены» многих профессий. Это затрагивает не только легко автоматизируемые виды деятельности. Возможности ИИ трансформируют творческие индустрии, сферу производства медиаконтента, моду, рекла-

му, маркетинг. В сфере профессий типа «человек-человек» также происходят поиски использования самообучающихся машинных алгоритмов для осуществления, к примеру, ряда функций педагога или психолога. Фиксируются стихийные обращения пользователей к нейросетям с целью самообучения или гармонизации психоэмоционального состояния, минуя традиционные «человеческие» способы взаимодействия. Моделями для идентификации могут стать не только реалистичные или идеализированные изображения человеком реальных людей, но и сгенерированные нейросетью образы человека.

Актуальная тема психологических исследований – изучение восприятия и влияния на психику сгенерированного ИИ контента, включая воздействие созданных в манипулятивных целях дипфейков. Но и генерирование «незаинтересованными» пользователями большого количества искусственных образов меняет визуальную среду. Любые созданные в культуре визуальные изображения рассматриваются исследователями как насильственные, подспудно заменяющие «естественный» визуальный опыт субъекта [1].

Результаты исследований восприятия сгенерированных образов противоречивы и в основном затрагивают изучение возможности человека определять продукцию нейросети. Исследователи указывают, что испытуемые, оценивающие образы, созданные по промтам, воспринимали изображения как «странные», вызывающие тревогу [2]. Есть данные, что люди не могут точно определить происхождение изображения, ассоциируя реалистичные изображения с творчеством человека, а абстрактные – с продуктом ИИ [3]. В исследовании Хуанг с соавторами [4] было выявлено, что испытуемые отличают фотографии лиц реальных людей от сгенерированных изображений, в среднем, с точностью 76,8%. Айтрекинг позволил установить, что испытуемые более тщательно изучают изображения,

если подозревают их искусственное происхождение. Ю. Чжоу и Х. Кавабата [5] подтвердили, что испытуемые испытывают трудности в дифференциации традиционных и сгенерированных нейросетью изображений, относясь предвзято к продукции ИИ. В работе Э. Дж. Миллер и соавторы [6] выявили «гиперреализм» при восприятии искусственных изображений: лица белых людей, сгенерированные ИИ с помощью референс-фото, воспринимаются как человеческие чаще, чем настоящие фотографии людей. И.В. Васильева с соавторами [7] показала, что успешность распознавания сгенерированных ИИ изображений и реальных фотографий не связана с уровнем коммуникабельности и эмпатии, а определяется опытом взаимодействия испытуемых с ИИ.

В данной статье рассматриваются результаты психосемантического исследования (май-июнь 2024 года), посвященного изучению восприятия студентами-психологами сгенерированных изображений психолога. Цель исследования – выявить, могут ли искусственные образы послужить студентам моделями для идентификации. Объектом исследования стала социальная перцепция, предметом исследования – особенности восприятия студентами образов, сгенерированных нейросетью по промту «практикующий психолог».

Выборку составили 51 студент первого курса (направление «Психология») Московского международного университета в возрасте 18-31 года ($M=19,3$; $SD=2,2$), 5 мужчин, 46 женщин. Для обработки отобрано 49 релевантных протоколов. В работе принят уровень значимости $\alpha=0,05$.

Испытуемым предлагалось с помощью личностного семантического дифференциала последовательно оценить концепты «я», «я через 10 лет», образы 1, 2, 3 (рис. 1, 2, 3), концепты «практикующий психолог», «ученый-психолог». Источник изображений до исследования студентам не раскрывался.

Ранее нами было показано [8], что в оценках данных образов и концептов испытуемые проявляют сходство, при этом удалось выделить семантические универсалии оценок всех предложенных объектов. В частности, выявилось, что наиболее однозначно оценивается концепт «практикующий психолог» (14 дескрипторов, входящих в семантическую универсалию), «я

через 10 лет» (9 дескрипторов). Семантические универсалии концептов «я» и «ученый-психолог» содержат по 6 дескрипторов. Семантическая универсалия оценок образов 1 и 3 содержат по 5 дескрипторов, образа 2 – 7 дескрипторов.

Семантические универсалии оценок сгенерированных образов лишь частично совпадают с семантической универсалией концепта «прак-

Рисунок 1. Образ 1

Источник: сгенерировано с помощью нейросети «Kandinsky 3.1»

Рисунок 2. Образ 2

Источник: сгенерировано с помощью нейросети «Kandinsky 3.1»

Рисунок 3. Образ 3

Источник: сгенерировано с помощью нейросети «НейроХолст»

тикующий психолог», причем совпадающие дескрипторы образов оцениваются студентами менее однозначно, чем концепта «практикующий психолог». Концепт «психолог-ученый» оценивается также менее однозначно, по сравнению с концептом «практикующий психолог», поскольку универсалия концепта «психолог-ученый» менее наполнена [8].

В таблице 1 сравниваются показатели значений факторов оценки, силы и активности оцениваемых объектов. Выявлен высокий уровень значимости различий оценок объектов по всем трем факторам.

Однако в нашем случае представляются интересными именно парные сравнения оценок сгенерированных образов и оценок «профессиональных» конструкторов. Все три сгенерированных образа по фактору оценки значимо отлича-

ются от «практикующего психолога». Образ 1 отличается на уровне $p=0,024$, образ 2 – на уровне $p=0,000$, образ 3 – на уровне $p=0,000$. По фактору силы концепт «практикующий психолог» с образами 2 и 3 значимых различий не имеет, а с образом 1 различается на высоком уровне ($p=0,000$). По фактору активности «практикующий психолог» с образами 1 и 3 имеет различия на высоком уровне ($p=0,000$), а с образом 2 значимые различия отсутствуют.

По фактору оценки «психолог-ученый» не имеет значимых различий с образами 2 и 3, различаясь с образом 1 на уровне $p=0,011$. По фактору силы концепт «психолог-ученый» имеет значимые различия с образом 1 (на уровне $p=0,000$), с образами 2 и 3 значимых различий не прослеживается. По фактору активности «психолог-ученый» и образ 2 не имеют зна-

Таблица 1.

Показатели сравнения факторов оценки, силы, активности

Параметры исследования		Оценка	Сила	Активность
Я	M	14,0	5,1	6,1
	<i>SD</i>	5,9	6,5	7,3
	Средний ранг	4,35	3,18	5,10
Я через 10 лет	M	16,4	10,8	6,4
	<i>SD</i>	5,7	4,0	5,4
	Средний ранг	5,72	4,93	5,38
Образ 1	M	13,8	0,9	-3,5
	<i>SD</i>	5,2	8,3	7,9
	Средний ранг	4,30	2,22	2,54
Образ 2	M	8,6	6,0	1,8
	<i>SD</i>	6,6	6,8	7,4
	Средний ранг	2,68	3,51	3,94
Образ 3	M	5,6	8,7	-5,1
	<i>SD</i>	9,1	7,3	6,2
	Средний ранг	2,45	4,47	2,02
Практикующий психолог	M	16,7	8,7	5,0
	<i>SD</i>	5,4	4,4	4,4
	Средний ранг	5,71	4,14	5,04
Психолог-ученый	M	10,4	11,3	2,0
	<i>SD</i>	5,8	6,3	5,6
	Средний ранг	2,79	5,54	3,98
Статистика критерия Фридмана		127,523	81,046	109,882
Уровень значимости различий		0,000	0,000	0,000

Источник: рассчитано автором

чимых различий, различия «психолога-ученого» и образа 1 проявились на уровне $p=0,021$, «психолога-ученого» и образа 3 – на уровне $p=0,000$. Можно заключить, что сгенерированные нейросетью изображения не в полной мере отражают представления студентов-психологов о практикующем психологе, по ряду факторов они оказываются ближе к представлениям о «психологе-ученом». Из всех предложенных визуальных стимулов ближе всего к представлениям студентов оказался образ 2 (имеет одно значимое отличие с «практикующим психологом», с «психологом-ученым» значимые различия отсутствуют). Однако обращает на себя внимание то, что именно по самому мощному и значимому фактору оценки в глазах испытуемых ни один из образов до представления о «практикующем психологе» «не дотягивает».

На рис. 4 представлены результаты иерархического кластерного анализа средних оценок шкал семантического дифференциала – дендрограмма, наглядно демонстрирующая три группы объектов. В первый кластер, который можно обозначить как «профессиональная и личная перспектива», вошли кон-

структы «практикующий психолог» и «я через 10 лет». Второй кластер, условно названный нами «настоящее», составили конструкт «я», образ 1 и образ 2. Наконец, в третий фактор вошли конструкт «психолог-ученый» и образ 3. Данный кластер можно обозначить как «профессиональная альтернатива». Учитывая положительные, но не высокие, по сравнению с конструктом «практический психолог», значения по фактору оценки (значимо на уровне $p=0,000$), это не отвергаемая, но и не предпочитаемая альтернатива.

В результате исследования можно сделать вывод о том, что предложенные испытуемым сгенерированные образы не могут являться адекватной моделью для профессиональной идентификации студентов-психологов (например, при выборе визуального контента для сайта вуза). Особенности восприятия данных нейросетевых образов могут объясняться как несовершенством алгоритмов ИИ, так и тем, что испытуемые, будущие психологи, отражали образы, которые являются, вероятно, отражением нейросетью представлений о практикующем психологе другой аудиторией.

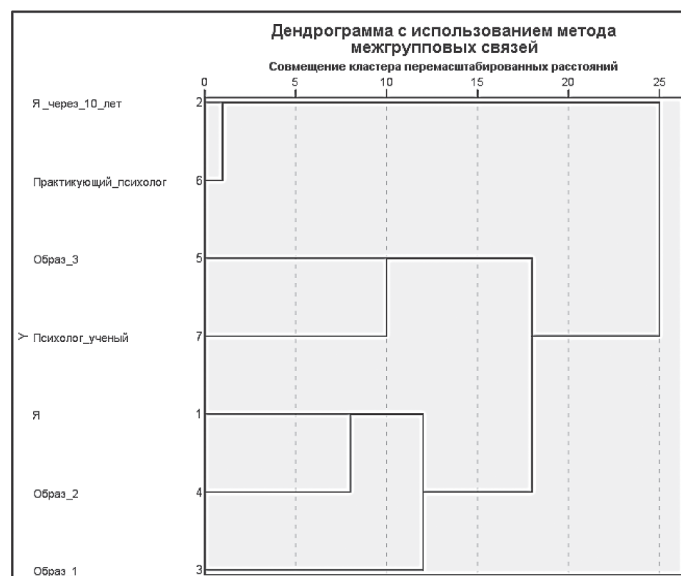

Рисунок 4. Результаты кластерного анализа (дендрограмма)
Источник: создано автором с помощью IBM.SPSS.Statistics.v22

Список литературы

1. Визуальное (как) насилие. Сборник научных трудов / отв. ред. А.Р. Усманова. Вильнюс: ЕГУ, 2007. 380 с. – Текст: непосредственный.
2. How do People Experience the Images Created by Generative Artificial Intelligence? An Exploration of People's Perceptions, Appraisals, and Emotions Related to a Gen-AI Text-to-image Model and its Creations / A. Rapp [et. al.] // International Journal of Human-Computer Studies. 2024. № 193, P. 103375. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2024.103375> (дата обращения: 23.09.2025). – Текст: электронный.
3. **Gangadharbatla, H.** The Role of AI Attribution Knowledge in the Evaluation of Artwork // Empirical Studies of the Arts. 2021. № 40, P. 125-142. – Текст: непосредственный.
4. **Huang, J.** Analysis of Human Perception in Distinguishing Real and AI-Generated Faces: An Eye-Tracking Based Study / j. Huang [et. al.] // ArXiv:2409.15498 [cs.CV]. 2024. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2409.15498> (дата обращения: 23.09.2025). – Текст: электронный.
5. **Zhou, Y.** Eyes can tell: Assessment of implicit attitudes toward AI art / Y. Zhou, H. Kawabata // I-Perception. 2023. 14(5). URL: <https://doi.org/10.1177/20416695231209846> (дата обращения: 23.09.2025). – Текст: электронный.
6. AI Hyperrealism: Why AI Faces Are Perceived as More Real Than Human Ones / E.J. Miller [et. al.] // Psychological Science. 2023. 34(12), P. 1390-1403. URL: <https://doi.org/10.1177/09567976231207095> (дата обращения: 23.09.2025) – Текст: электронный.
7. **Васильева, И.В.** Коммуникативные характеристики личности и оценка фотографий, сгенерированных искусственным интеллектом / И.В. Васильева, А. Н. Асафова, Д. С. Грищенко // Теоретическая и экспериментальная психология. 2025. Т. 18. №1. С. 27–44. URL: <https://doi.org/10.11621/TEP-25-02> (дата обращения: 23.09.2025). – Текст: электронный.
8. **Казакова, Л.П.** Психосемантическое исследование восприятия образов практикующего психолога, сгенерированных искусственным интеллектом // Модернизация России: ключевые проблемы и направления их решения: Сборник публикаций преподавателей и студентов по итогам международных научно-практических конференций в апреле 2024 года, Москва, 15 апреля 2024 года. – М.: «Перо», 2024. С. 40-49. – Текст: непосредственный.

УДК 342.95:325.14

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В СФЕРЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.А. Казимирчук

В статье автор указывает актуальность темы исследования, связанной с правовым обоснованием усиления мер со стороны государства, в связи с принятием важных документов: Указа Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 г. № 205, Указа Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738.

Ключевые слова: нелегальная миграция, трудовая миграция, Концепция государственной миграционной политики.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL CONTROL AND SUPERVISION IN THE FIELD OF ILLEGAL MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

А.А. Kazimirchuk

In the article, the author highlights the significance of the research topic, which is related to the legal basis for strengthening government measures in connection with the adoption of significant documents, such as the Decree of the President of the Russian Federation No. 205 dated April 2, 2025, and the Decree of the President No. 738 dated October 15, 2025.

Keywords: illegal migration, labor migration, The concept of state migration policy.

Президент РФ В.В. Путин особо отмечал значимость принятия скорейших и незамедлительных мер в сфере миграционной политики.

После распада Советского Союза в декабре 1991 года, проблема избыточной миграции, в том числе трудовой миграции, из среднеазиатских республик бывшего СССР, имеет особую актуальность.

В юридической науке существуют различные определения незаконной (нелегальной) миграции, но все они сводятся примерно к следующему:

- незаконная (нелегальная) миграция – это нахождение в стране, или перемещение через страну, иностранных граждан или лиц без гражданства, нарушившим миграционное законодательство страны пребывания;

- трудовая миграция – это перемещение трудоспособного населения из одной страны в другую, либо из одного региона в другой, с целью заработка.

Существуют различные причины возникновения незаконной (нелегальной) миграции. Такие причины можно разделить на несколько видов:

- въезд в страну с нарушением действующего законодательства;
- нарушение сроков пребывания в стране нахождения;
- транзитная миграция.

Меры юридической ответственности (уголовной и административной) применяются к субъектам правоотношений вне зависимости от причин возникновения незаконной (нелегальной) миграции.

На уровне терминологии, в законодательстве Российской Федерации встречаются различные понятия и термины, связанные с миграцией, часто применяются термины «незаконная миграция» и «нелегальная миграция».

По мнению Смашниковой Т.Б., необходимо четко разграничивать указанные понятия. Ав-

тор предлагает, что необходимо придерживаться терминологии, закреплённой в Основном законе страны [1, стр. 53].

Смашникова Т.Б. настаивает на том, что правовая дефиниция ч. 1 ст. 27 Конституции РФ даёт основание легального толкования термина.

В статье 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ, определяются понятия, а именно: «иностранный гражданин» и «лицо без гражданства» [6].

В уголовном законодательстве и в законодательстве об административных правонарушениях Российской Федерации, в статьях: 322–323.3. Уголовного кодекса Российской Федерации, частях 3 и 5 статьи 18.15., части 3 статьи 19.23. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, прописаны термины: «миграция» и «незаконная миграция».

Можно согласиться с мнениями авторов ряда статей и научных публикаций, что необходимо придерживаться терминологии в отношении миграции так, как это чётко указывается в законодательстве.

Если учитывать исторические аспекты возникновения незаконной трудовой миграции в нашей стране, необходимо отметить, что в Советском Союзе подобная проблема существовала, но не была сверхактуальной как в настоящее время.

В то время миграционные (трудовые) потоки трудоспособного населения из одного региона в другой, носили локальный характер. В меньшей степени трудовая миграция существовала на межреспубликанском уровне.

Государством поощрялась политика участия трудоспособного населения близлежащих регионов, прилегающим к крупным городам, таким как Москва и Ленинград (Санкт-Петербург) (по т.н. «лимиту») для работы на крупных, тяжёлых производствах: в народном хозяйстве, на предприятиях металлургической и автомобильной промышленности, в сфере строительства и транспорта и т.д.

Отсутствие проблемы в сфере трудовой миграции для государства в данной области были связаны с рядом причин. Например, государство гарантировало практически стопроцентный уровень занятости населения в Советском Союзе, практически полное отсутствие безработицы, наличие достаточного количества вакантных мест на предприятиях, фабриках, заводах и учреждениях на республиканском уровне.

Существующий в то время (и немало критикуемый) режим паспортного контроля (так называемый институт «прописки») сдерживал неконтролируемые перемещения по стране без достаточных на то оснований.

Устроится на постоянное место работы без прописки было невозможно.

Государство поддерживало восполнение кадров на тяжёлых производствах, так называемых «стройках века», используя идеологическую пропаганду и эксплуатируя поздний советский энтузиазм.

Можно вспомнить в этой связи о грандиозных стройках 70-х - 80-х годов, таких как строительство Байкало-Амурской Магистральной (БАМ), строительство гидроэлектростанций, Саяно-Шушенской, Братской и др.

Нелишним упомянуть о советской молодёжи 70-х – 80-х годах прошлого века, стремившихся работать в сложных условиях крайнего севера, чтобы получать заработную плату по северным коэффициентам и тарифам.

Возникновение трудовой миграции на республиканском уровне, было в основном связано с поиском трудоспособного населения из сельской местности или жителей малых городов, более высокооплачиваемой работы в крупных городах.

В настоящее время, за последние 35 лет, характер трудовой миграции существенно изменился. Распад государств, низкий уровень жизни в республиках Средней Азии, отсутствие рабочих мест. Эти факторы имеют значение для по-

нимания истоков современной трудовой миграции, в том числе и нелегальной.

Организация Объединенных Наций, выделяет следующие проблемы в сфере трудовой миграции:

- проблемы, связанные с дискриминацией и ксенофобией;
- низкая или недостаточно высокая заработная плата, а также плохие условия труда;
- полное отсутствие или низкая социальная защита;
- эксплуатация и принудительный труд;
- правовая неопределенность лиц;
- проблемы, связанные с разделением семей;
- сокращённый или ограниченный доступ к правосудию;
- непризнание квалификаций по приобретенному образованию либо профессии;
- политизация миграции. [2].

Предусматриваются международно-правовые механизмы реализации прав.

Механизм реализации прав предусмотрен соответствующими Конвенциями Организации Объединенных Наций. [3, 4].

Конституция Российской Федерации также предусматривает защиту прав. [5].

В Указе Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738, в пункте 6 дается правовой анализ качества современной трудовой миграции: это низкоквалифицированные работники, востребованность которых на рынке труда обуславливается более низкими издержками со стороны работодателей, а также недостаточным уровнем условий и организацией труда в различных отраслях российской экономики. [7].

Имеется в виду строительство, транспорт, курьерские услуги, сфера обслуживания, торговля, клиринговые услуги, рабочие специальности, а также неквалифицированный физический труд и т.д.

В новой Концепции предлагается усиление роли миграционного контроля за трудовыми

мигрантами в том числе нелегальными. Предлагается снижение нагрузки на социальную, медицинскую и иные сферы деятельности государства. Не допускается территориальное обособление иностранных граждан. Усиливается роль государственных органов и должностных лиц в сфере миграции. Предлагается применение электронных механизмов контроля за незаконными мигрантами.

С февраля 2025 года, на основании Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, порядок административного выдворения из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства был изменен. [8].

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить:

1) Проблемы трудовой миграции (нелегальной трудовой миграции), являются многогранной проблемой, затрагивающая различные аспекты социально-экономической и политической деятельности государства.

2) Истоки трудовой миграции лежат не только в плоскости экономической слабости или неразвитости отдельных регионов государства или государства в целом. Указанные проблемы имеют исторически обусловленные проблемы мирового масштаба.

Современные тенденции международной миграции в Российскую Федерацию обусловлены в основном экономическими, социальными и внешними факторами. [7].

3) Усиление межведомственного и внесудебного контроля и надзора в сфере незаконной трудовой миграции носит взаимообусловленный и отвечающий современным реалиям ситуация.

4) Разработка и создание специализированных баз данных, с использованием технологий искусственного интеллекта, для более качественного и эффективного миграционного контроля. Создание единой биометрической системы.

5) В этом году была образована Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан на базе Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации. [9].

6) Необходимо усиление роли органов прокуратуры по указанным вопросам. [8].

7) Необходим контроль со стороны работодателей (приглашающей стороны) за трудовой миграцией.

8) Со стороны Правительства РФ необходимы меры по усилению политики квотирования, совместно с органами исполнительной власти федерального и регионального уровней.

9) Усиление мер по межгосударственному сотрудничеству со странами являющимися основными поставщиками лиц, прибывающих в нашу страну с целью заработка.

10) Необходимо разработка и подготовка специальных программ, создание и расширение производств, создание благоприятных условий для привлекательности условий труда и достойной заработной платы на «непрестижных» работах для граждан Российской Федерации, с целью снижения притока трудовой миграции из стран СНГ и ближнего зарубежья – это те меры государственного воздействия, которые призваны осуществить на практике усиление указанных мер.

Список литературы

1. **Смашникова Т.Б.** Понятия незаконной миграции и нелегальной миграции в нормативных правовых актах Российской Федерации.
2. Migration and Decent Work: Challenges for Global South. On 24 January 2023, UNU-CPR organized the second event in a series of policy roundtables. 24 Jan 2023, 10:30 - 12:30 America/New York.
3. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года.
4. Конвенция о статусе беженцев. Принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года.
5. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года.
6. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ.
7. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы».
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (КоАП РФ).
9. Указ Президента «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» от 2 апреля 2025 г. N 205.

ЛИЧНЫЙ БРЕНД ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ/ЭКСПЕРТА КАК КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

А.В. Касьяненко

В статье автор указывает актуальность развития такого маркетингового инструмента как личный бренд. Особую популярность развитие личного бренда приобретает на фоне активной цифровизации и автоматизации всех точек контакта и рекламных каналов. Рассматривается личный бренд не только как инструмент маркетинга, но и как объект исследования психологии личности. Приведены примеры того, где маркетинг и психология соприкасаются и способствуют созданию оптимальной стратегии продвижения как в бизнесе, так и росту самого эксперта/предпринимателя.

Ключевые слова: личный бренд, искусственный интеллект, психология личности, маркетинг, стратегия продвижения.

PERSONAL BRANDING OF AN ENTREPRENEUR/EXPERT AS A COMPETITIVE ADVANTAGE IN THE DIGITAL ECONOMY

A.V. Kasyanenko

In this article, the author highlights the relevance of developing a personal brand as a marketing tool. Personal branding is becoming particularly popular against the backdrop of active digitalization and automation of all points of contact and advertising channels. Personal branding is considered not only as a marketing tool, but also as an object of research in personality psychology. Examples are given of where marketing and psychology intersect and contribute to the creation of an optimal promotion strategy both in business and for the growth of the expert/entrepreneur themselves.

Keywords: personal brand, artificial intelligence, personality psychology, marketing, promotion strategy.

Актуальность выбранной темы продиктована стремительным темпом развития экономики за счет искусственного интеллекта, в частности маркетинга и всех его инструментов. И в данной статье раскрывается важность развития личного бренда предпринимателя/эксперта в любом бизнесе.

Научная новизна статьи – личный бренд должен рассматриваться не только через призму маркетинга, но и через психологию личности. Потому что на рынке на сегодняшний день очень много экспертов, которые работают с личным брендом только в плоскости продвижения и раскрутки, не учитывая психологические особенности личности, что часто приводит к высокому уровню стресса и выгорания у конечных клиентов.

Из вышеописанного можно сказать, что целью данного исследования является доказательство важности развития личного бренда (важнейшего конкурентного преимущества), особенно на фоне искусственного интеллекта, но не так односторонне (только через маркетинг), как это принято на большей части постсоветского пространства.

Объект исследования – личность предпринимателя и эксперта в условиях цифровой экономики, предмет – психологические и маркетинговые механизмы формирования личного бренда, как основополагающие инструменты для отличия от конкурентов и товаров-заменителей.

Экономика – одна из тех форм человеческих взаимоотношений, которая наиболее подвержена цифровизации и автоматизации. Более того,

именно экономика и порождает высокую динамику развития цифровизации во всех сопутствующих ей отраслях: и очень часто первопричиной динамического темпа развития цифровизации является спрос в экономических структурах. И лидерами рынка становятся те предприятия и организации, которые умеют идти в ногу с тенденциями, трендами и технологиями. Буквально 3 года назад никто и не думал об искусственном интеллекте. А сегодня эта сфера «нечеловеческого знания и супер-возможностей» настолько развилась и выросла в экономику, что многие профессионалы уже не представляют возможностей работать как-то иначе. Автоматизация рабочих процессов, ии-ассистенты, чат-боты, создание фото и видеоконтента, написание маркетинговых стратегий, отслеживание и контроль экономических показателей эффективности, программирование, проведение сложных операций... В настоящее время гораздо сложнее найти отрасль экономики, которую не коснулся искусственный интеллект. Следовательно, огромное количество людей фактически осталось без той работы, которой занимались до этого. Для кого-то искусственный интеллект стал отличной возможностью повысить эффективность своей экономической деятельности, а кому-то пришлось сменить свою трудовую нишу. Таков основной закон рыночной экономики: актуальное и востребованное вытесняет то, что уже себя изжило. Таким образом, искусственный интеллект внес очень серьезные и весомые изменения в бизнес-среду. И так как современные технологии по сути становятся доступными каждому желающему (достаточно приобрести необходимые навыки и право пользования тем или иным приложением), то различия между продуктами и услугами «стираются». В данной ситуации только человеческий фактор становится главным источником уникальности и доверия. И на сегодняшний день даже есть такой общемировой тренд, что «человек покупает у человека»: люди предпочитают

наблюдать за простой жизнью того или иного индивида, а не за идеально созданной картинкой и вылизанными текстами, сделанными или придуманными ИИ.

В данной ситуации, особенно актуальным становится такой небезызвестный маркетинговый инструмент как «личный бренд», который достаточно широко используется не только в экономике, но и в политике, и в других сферах жизни человека. [1, стр. 6]

Имея достаточно большой опыт в маркетинге (более 10 лет), могу дать свое определение понятию «личный бренд»: итак, личный бренд – это продуманная, реализуемая, управляемая, долгосрочная маркетинговая стратегия, у которой есть точки А и В, ключевые показатели, контрольные точки и обязательно оценка эффективности для дальнейшего планирования. Очень многие ошибочно полагают, что это только постинг фотографий в социальных сетях согласно каким-то трендам и недооценивают его как инструмент повышения конкурентоспособности организации/эксперта/предпринимателя на рынке и отличную возможность выделиться на фоне «безликих» товаров-заменителей и аналогов. Личность предпринимателя или эксперта выступает как центр коммуникации бренда, а не просто дополнением к продукту, и добавляет как раз-таки ту самую востребованную в эпоху цифровизации «человечность» при покупке товаров или услуг.

«Именно личности мы готовы прощать просчеты сегодня, потому что видим, как она взлетит завтра». [1 стр. 108]

Что же такое «личность»? По Роджерсу, личность возникает в процессе развития, и ее сущностью является знание индивида о себе и самооценка. [2, стр. 44]

Как общенаучный термин, «личность» имеет два значения:

1) человеческий индивид как субъект отношений и сознательной деятельности (лицо в широком смысле слова);

2) это устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества

В психологии под личностью подразумевается некоторое ядро, интегрирующее начало, связывающее воедино различные психические процессы индивида и сообщающие его поведению необходимую последовательность и устойчивость. Существует 4 вида теорий личности, которые активно развиваются и имеют своих представителей: психобиологическая (У.Шелдон), биосоциальная (Ф.Олпорт, К.Роджерс), психосоциальная (К.Адлер, К.Хорни), психостатическая (Р.Кетелл, Л.Айзенк). [2, стр. 26]

И если рассматривать личность с позиции маркетинга, то есть через призму стратегии личного бренда, то ближе всего будет определение Л.С.Выготского, согласно которому, личность — это устойчивая система качеств, проявляющаяся в поведении, мотивации и ценностях человека. [3, стр. 67] Я полностью согласна с этим определением, потому что стратегия личного бренда эксперта или предпринимателя, в первую очередь, строится через определение его сильных качеств, ведущих персональных ценностей, и понимания, для чего ему это нужно: какие мотивы им движут, какие цели (экономические, моральные и т.д.) он преследует, используя этот маркетинговый инструмент.

И исходя из этого, начинается выстраивание и поиск каналов коммуникации, составление контент-матрицы, воронок продаж, образование команды и автоматизация (по необходимости), партнерские программы и коллаборации, выступления, подготовка и запуск цифровых точек контакта (соцсети, ютуб-канал, сайт и т.д.)

Даже если для создания этого всего используется искусственный интеллект (это своего рода просто рабочий инструмент), будь то контент (например, сейчас многие уже используют ии-аватары, чтобы не тратить свое время на запись видеоконтента), личный бренд — это все

равно отражение структуры личности эксперта/предпринимателя, в которой есть самопонимание, цели и система ценностей. Таким образом, аутентичность и целостность личности являются основой доверия аудитории в цифровой среде, где фальшь легко распознается.

Даже если у эксперта уже внедрены эти ии-ассистенты, но они настроены через «призму его взглядов», и он регулярно сам также принимает участие в том, что транслируется (пусть даже не с той регулярностью, что было 2-3 года назад), ему доверяют и воспринимают как «своего».

Таким образом, развитие личного бренда представляет собой психологический якорь доверия, в котором соединяются рациональные и эмоциональные мотивы аудитории. Именно то, что необходимо экономике в 21 веке: реклама стала синтезом рациональной и эмоциональной сферы потребителей. Уже недостаточно просто перечислять преимущества своего товара/услуги: они должны вызывать эмоции.

Важно отметить, что стратегия развития личного бренда как маркетингового инструмента находится в тесной взаимосвязи с психологией личности: эксперт/предприниматель проводит глубокую внутреннюю работу с самооценкой, мотивацией и страхом оценки. Большое значение для решения проблем самооценки имеют работы К.Левина и его учеников. Ближе всего к пониманию развития мотивов подошел А.Н. Леонтьев. [4, стр. 9] Ну и так как человек — существо социальное, от страха оценки никуда не деться. И успехов достигают только те личности, кто смог «подружиться» с ним. Полностью проработать с терапевтом его нельзя, поэтому остается только адаптироваться и найти для себя рабочие инструменты для повышения самооценки, окружение себя поддерживающими единомышленниками.

В условиях цифровой экономики личный бренд — это не только про репутацию в сети, а синергия личности, ценностей и профессиональ-

ной экспертизы, которые должны быть представлены в понятной и вдохновляющей форме. Из этого следует вывод, что построение личного бренда – это как экономический, так и психологический процессы. И если делать это правильно, то это усилит не только рыночную позицию,

но и приведет к личностному росту предпринимателя.

На сегодняшний день мы уже являемся свидетелями того, как личности с развитым личным брендом определяют новые стандарты доверия, лидерства и влияния в цифровом обществе.

Список литературы

1. **М. Азаренок, Е.Азизова** «Активируй свой персональный бренд» //ЭКСМО, -2021, -506 с., С.6
2. **Гусева Т.И., Катарьян Т.В.**, Психология личности// Учебное пособие, 2-ое издание (электронное), - Научная книга, -Саратов, 2019, <https://www.iprbookshop.ru/epd-reader?publicationId=81081>
3. **Баттерворт Дж., Харрис М.**, Принципы психологии развития// Когито-центр, -2019, -341 с. <https://www.iprbookshop.ru/epd-reader?publicationId=88414>
4. **Макаревская Ю.Э.**, Психология личности// Учебно-методическое пособие, -СГУ, -2021, -56с. <https://www.iprbookshop.ru/epd-reader?publicationId=150389>

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ПРЕИМУЩЕСТВ ЭКОСИСТЕМ

А.И. Коломиец

В данной статье рассмотрен паровой опыт экосистем в РФ, а также система налогообложения и международное сотрудничество в сфере экосистем. Представлен анализ программ экосистем в России.

Ключевые слова: закупки, инновация, кластер, льготы, международное сотрудничество, стартап, экосистема.

RUSSIAN EXPERIENCE OF ECOSYSTEM BENEFITS

A.I. Kolomiets

This article examines the best practices of ecosystems in the Russian Federation, as well as the taxation system and international cooperation in the field of ecosystems. An analysis of ecosystem programs in Russia is presented.

Keywords: procurement, innovation, cluster, benefits, international cooperation, startup, ecosystem.

Российский опыт в области правового регулирования экосистем поддержки бизнеса охватывает различные аспекты, включая государственную поддержку, налоговые льготы и создание инфраструктуры для предпринимателей.

Россия активно развивает различные государственные программы поддержки предпринимателей, предоставляя бизнесу финансовые и нефинансовые ресурсы, а также помощь в развитии и масштабировании их деятельности. Некоторые из ключевых государственных программ включают:

Фонд содействия инновациям: предоставляет гранты, займы и инвестиции для поддержки стартапов и инновационных предприятий, особенно в науке и технологиях. Программа ориентирована на малые предприятия и включает различные конкурсы и программы финансирования.

Научно-технологический инновационный комплекс по разработке и коммерциализации новых технологий «Сколково» реализует программу по поддержке стартапам и предприятиям, работающим в сфере технологий и инноваций. Участники инновационного центра получают гранты и доступ к лабораториям и исследова-

тельским центрам, имея возможность общения с экспертами и инвесторами напрямую.

Другим участником оказывающим предпринимателям помощь является центр «Мой бизнес», где можно получить консультации, пройти обучение, получить помощь в регистрации бизнеса, доступ к финансовым инструментам и поддержку по налоговым, кадровым и юридическим вопросам.

Государственная программа поддержки малого и среднего предпринимательства в РФ предлагает меры поддержки для самозанятых, начинающих предпринимателей и уже работающих в бизнесе: субсидии, льготы по кредитам, выплаты по социальному контракту. По итогам 2024г количество плательщиков налога на профессиональный доход выросло на 43%, что составляет 12 млн. человек. Наибольший рост самозанятых женщин зафиксирован в Мордовии, Пензенской области и Ханты-Мансийском автономном округе. Самый заметный рост числа самозанятых мужчин отмечен в Вологодской, Оренбургской области и Башкортостане.

Получая от государства меры поддержки предприниматели, могут снизить налоговую на-

грузку и поддержать инвестиционную активность своих предприятий:

- малый и средний бизнес может выбрать упрощенную систему налогообложения или автоматизированную упрощенную систему налогообложения, где предусмотрено два режима налогообложения: налог на доходы (ставка 6%) или налог на доходы за вычетом расходов (ставка 15%) [4, с.62];

- в некоторых регионах РФ для новых предприятий предусмотрены налоговые каникулы или временное освобождение от уплаты некоторых налогов;

- различные фонды предоставляют субсидии и софинансирование для МСП.

В России развивают разнообразную инфраструктуру поддержки бизнеса, направленную на создание благоприятных условий для предпринимателей и стимулирование развития инноваций. Эта инфраструктура включает в себя следующие элементы:

Технопарки: в стране создаются технопарки, которые предоставляют предпринимателям доступ к современным лабораториям, производственным площадкам и оборудованию. Технопарки также обеспечивают информационную и консультационную поддержку, помогают в поиске партнеров и инвесторов [7, с. 49]. По состоянию на 1 октября 2025г в России 500 технопарков.

Бизнес-инкубаторы помогают на ранних стадиях: предоставляют офисные помещения, курсы и консультации экспертов. Специалисты бизнес-инкубаторов помогают подбирать резидентам меры поддержки исходя из конкретной потребности. Выручка бизнес-инкубаторов в 2024г выросла на 44% по сравнению с 2023г., и заполняемость составляет 98%.

Региональные бизнес-кластеры развивают инновации и стимулируют сотрудничество между научными организациями.

Центры коллективного пользования, такие как Сириус или Сколково дают предпринимате-

лям доступ к современному оборудованию и технологиям на условиях аренды.

Региональные промышленные парки предлагают комплексную логистическую инфраструктуру, а также аренду для производств и складов.

Коворкинг-пространства обеспечивают предпринимателям офисы на условиях гибкой аренды, что позволяет снизить затраты. В 2024г в России число офисных коворкингов достигла 900 и работают в 130 городах страны.

Центр государственных услуг «Мои документы» предлагают комплексные услуги по регистрации бизнеса, получение лицензий и консультирование от специалистов.

Электронные сервисы: развитие электронных сервисов и онлайн-платформ для взаимодействия с государственными органами позволяет предпринимателям решать многие вопросы дистанционно. Это включает подачу заявлений, отчетов и налоговой документации через интернет.

Упрощенные процедуры регистрации бизнеса: в России упростили процедуры регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Это включает сокращение сроков регистрации и минимизацию требований к предоставлению документов.

Упрощение процедуры лицензирования: в ряде отраслей были упрощены процедуры получения лицензий и разрешений. Введены уведомительные порядки, позволяющие начинать деятельность сразу после подачи уведомления о намерении работать в определенной сфере.

Декларирование принципа “единого окна”: принцип “единого окна” предполагает предоставление всех необходимых государственных услуг в одном месте или через одну онлайн-платформу, что облегчает предпринимателям доступ к государственным услугам.

Предприниматели могут быстрее и эффективнее решать административные вопросы, сосредотачиваясь на росте и развитии своего бизнеса.

Благодаря национальному проекту «Малое среднее предпринимательство» Правительство РФ создаёт стабильные условия для ведения бизнеса и следствием этого является ежегодный рост доходов МСП, например за 2024г он достиг 29 трлн.руб., что на 15% больше, чем в 2023г.

В России особое внимание уделяется поддержке малого и среднего бизнеса как важного драйвера экономического роста и развития. Для создания благоприятной среды для предпринимательства и стимулирования инноваций реализуются различные меры поддержки:

Программа “Мой бизнес”: это комплексная программа, предоставляющая широкий спектр услуг и мер поддержки для малого и среднего бизнеса. Включает финансовую по-

мощь, консультации, обучение и информационную поддержку.

По итогу 2024г центр «Мой бизнес» опубликовал аналитику по малому и среднему бизнесу (рис. 1, рис. 2).

Финансовые инструменты поддержки: предоставляются субсидии, гранты, микрокредиты, гарантии по займам и другие формы финансовой помощи для развития МСБ. Например, Корпорация МСП предлагает программы финансовой поддержки для предпринимателей.

Обучение и развитие навыков: организуются образовательные программы, семинары и тренинги для предпринимателей, направленные на развитие управленческих, маркетинговых и технических навыков.

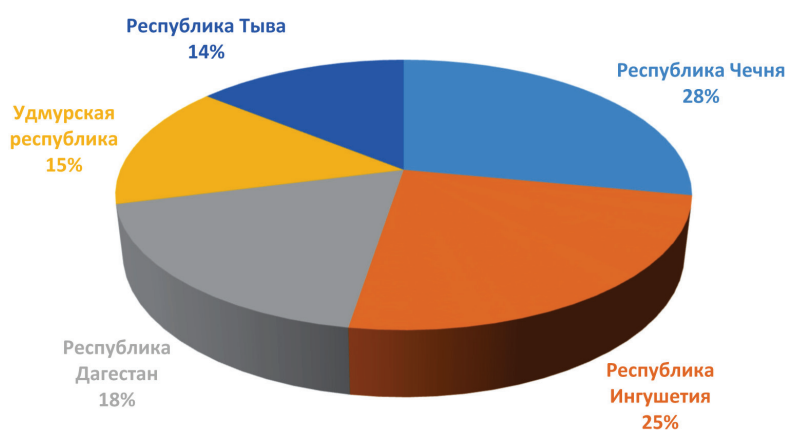

Рисунок 1. Субъекты РФ с наибольшим числом молодых предпринимателей до 25 лет

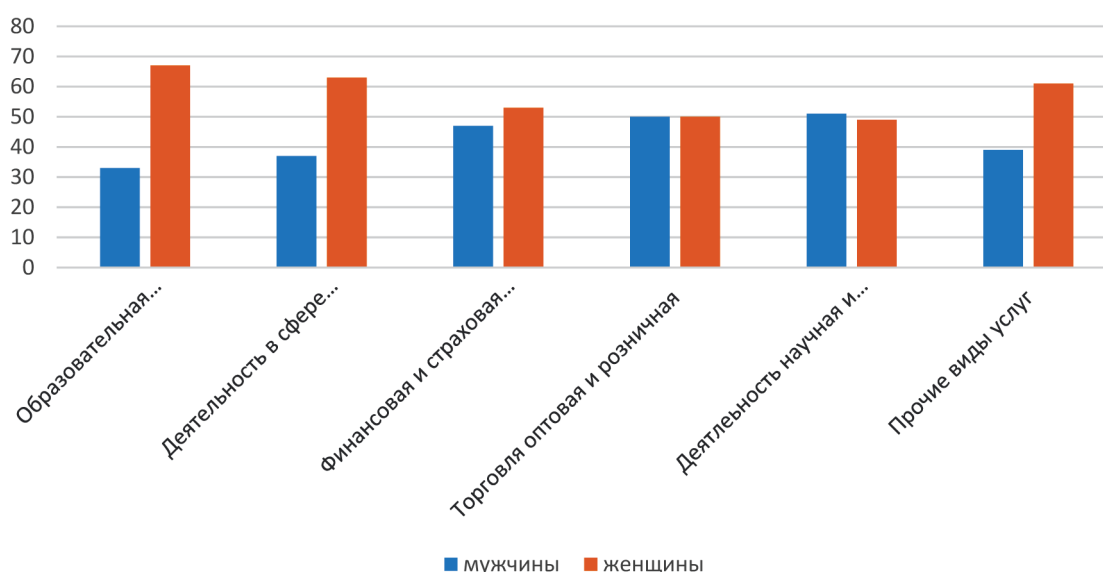

Рисунок 2. Отраслевая структура МСП

Центры поддержки: оказание консультационных услуг по бухгалтерским, кадровым, налоговым и юридическим вопросам.

Участие в государственных закупках: участники малого и среднего предпринимательства могут участвовать в тендерах, заключая контракт.

За последние 15 лет выручка МСП выросла втрое и занятость в этом секторе увеличилась на 1,6 раз и превысила 31 млн человек. Сектор МСП растет не только количественно, но и качественно. Последние три года предприятия активно развиваются переходя из категории малого в средний бизнес, из микро в малый. В 2023г

лучшую динамику переходов из микро в малый и средний бизнес показал общепит, строительство и доставка продуктов, в 2024г активнее других были предприятия в торговле.

Все это способствует укреплению партнерских отношений бизнеса и государства. Совместные решения дают синергию по различным направлениям, например, совершенствование нормативно-правовых актов по регулированию МСП-сектора, донстройка мер поддержки. Достигнутый результат – это не финиш, а только промежуточная точка, которая будет наращивать обороты и стремится к постоянному совершенствованию.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Заседание Совета Федерации 14 июля 2006 года.
2. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС Консультант плюс.
3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СПС Консультант плюс.
4. Глухов, А.В. Экосистемы в цифровой экономике / А.В. Глухов, А.И. Журавлев // Экономика и управление. – 2020. – №5. – С. 60-65.
5. Дружинина, А.В. Государственное регулирование инновационных экосистем / А.В. Дружинина, И.М. Перевощикова // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – №458. – С. 129-134.
6. Мельник, Е.А. Инновационные экосистемы как фактор развития региональной экономики / Е.А. Мельник // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – №1. – С. 74-81.
7. Савчук, В.С. Инновационные экосистемы как инструмент стимулирования развития экономики региона / В.С. Савчук // Инновации. – 2021. – №2. – С. 43-51.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «КОРРУПЦИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ И ДЕБАТАХ США

А.М. Куприн

В статье рассматривается когнитивно-дискурсивный анализ использования концепта «коррупция» в предвыборной риторике США в 2020 г. Прослеживается, как концепт коррупции варьируется и модифицируется в зависимости от целей и задач политического дискурса. Автор анализирует дебаты, предвыборные ролики и публичные выступления кандидатов, раскрывая когнитивные сценарии и фреймы, которые коррелируют с концептом коррупции.

Ключевые слова: коррупция, политический дискурс, риторика, когнитивные сценарии, фрейм, манипуляция

VERBALIZATION OF THE CONCEPT OF «CORRUPTION» IN POLITICAL ADVERTISING AND DEBATES IN THE USA

A.M. Kuprin

In the article the author examines a cognitive-discursive analysis of the use of the concept of «corruption» in US election rhetoric in 2020. It explores how the concept of corruption varies and is modified depending on the goals and objectives of political discourse. The author analyzes debates, campaign videos, and candidates' public speeches, revealing the cognitive scripts and frames associated with the concept of corruption.

Keywords: corruption, political discourse, rhetoric, cognitive scenarios, frame, manipulation

В современном мире политическая риторика играет ключевую роль в формировании общественного мнения. Это имеет особое значение в условиях высокой поляризации общества и большом уровне влияния медиа в ходе избирательных кампаний.

Актуальность исследования обусловлена растущим использованием концепта «коррупция» как мощного инструмента манипуляции в предвыборных дискурсах. В ходе президентских выборов в США 2020 г., которые были отмечены интенсивными взаимными обвинениями между Дональдом Трампом и Джо Байденом, данный концепт стал одним из центральных элементов риторических стратегий. Он усиливал дихотомию «мы — они» и апеллировал к базовым эмоциональным и моральным ценностям электората. Поэтому в эпоху засилия фейковых новостей анализ таких дискурсивных конструкторов имеет осо-

бую значимость для понимания механизмов политического влияния и защиты от манипуляций.

Научная новизна работы заключается в комплексном когнитивно-дискурсивном анализе инструментализации концепта «коррупция» на материале аутентичного корпуса предвыборной риторики 2020 г., который включает дебаты, агитационные ролики и публичные речи кандидатов. Данная статья предлагает сравнительный анализ риторических стратегий Дональда Трампа и Джозефа Байдена за счет выявления эволюции когнитивных сценариев и фреймов от криминализации до морального возмущения. Данный подход позволяет раскрыть динамику модификации концепта в зависимости от коммуникативных целей и визуального подкрепления.

Цель исследования заключается в выявлении вербализации концепта «коррупция» в по-

литической риторике США 2020 года как средства манипуляции общественным сознанием.

Объект исследования – предвыборный политический дискурс США в период президентских выборов 2020 года.

Предмет исследования – когнитивно-дискурсивные конструкции, связанные с концептом «коррупция», в дебатах, агитационных материалах и публичных выступлениях кандидатов.

Понятие «коррупция» в политическом дискурсе уже продолжительное время является объектом научного анализа. В работах российских исследователей (В.К. Борисов, С.Р. Чепурных, О.А. Бельков) подчёркивается, что коррупция – это не только правонарушение, но и мощный символ морального упадка власти, утраты легитимности политических институтов. Как отмечают В.А. Егоров и В.П. Милецкий, «высокий уровень коррупции приводит к снижению уровня доверия к различным государственным и муниципальным институтам... в результате воспринимаемая населением коррупция может оказывать отрицательное влияние на степень политического участия граждан и оценку ими легитимности властей» [1, с.98].

В когнитивной лингвистике особое внимание уделяется метафорическим сценариям. Согласно Г.С. Яроцкой, подобные концептуальные метафоры формируют наше понимание политической реальности, уходя корнями в далекое прошлое и создавая понимание концепта на уровне многовекового опыта столкновения людей с ним [2].

Исследователи отмечают особую яркость метафор, с которыми связан концепт «коррупция»: она часто метафоризируется как «болезнь, яд, вирус или враг», то есть то, что требует срочного устранения, но в то же время знакомо человечеству веками [3, с. 42]. Неслучайно подобная столь яркая риторика нашла свое широкое применение в политической среде: как подчеркивают В.И. Заботкина и М.Н. Коннова, использова-

ние подобных ярких сравнений представляет собой «действенный инструмент манипулятивного воздействия» [4, с. 320].

Современные исследования в области критического дискурс-анализа демонстрируют, что коррупция используется как элемент легитимации собственной позиции и делегитимации оппонентов. По мнению Р.А. Йосавати, С. Ансории, Н. Аноэграджекты, «выбор лексики о коррупции также направлен на то, чтобы подчеркнуть, что коррупционное поведение – это преступление, которое очень вредно как для государства, так и для его народа... метафоры для описания коррупционного поведения по отношению к другим существам с отрицательными характеристиками и социальными санкциями» [5, с. 310]. Коррупция в риторике нередко становится не столько описанием конкретного деяния, сколько символическим обвинением, которое влечет за собой попытку оказать влияние на адресата послания, мобилизовать его к конкретным действиям.

Теоретическая база исследования позволяет рассматривать концепт коррупцию как «сложный когнитивно-дискурсивный конструкт» [6], объединяющий фреймы угрозы, морали, врага и восстановления справедливости, который может быть использован для воздействия на людей с целью придания им потенциального вектора для оценивания того или иного коррупционного проявления.

Для анализа были выбраны следующие источники: видеозаписи трёх раундов официальных президентских дебатов между Джо Байденом и Дональдом Трампом.

В риторике Дональда Трампа концепт коррупции активно используется как орудие делегитимации конкурента: «Joe Biden is corrupt. His whole family is a criminal enterprise». В данной конструкции используется фрейм криминального сговора, где оппонент позиционируется как участник организованной преступной деятельности. Страх и угрозы применяются в данном

случае как риторическая стратегия. Повторение обвинений в адрес семьи Байдена носит структурный характер. В выступлениях Д.Трампа фигурируют выражения: «They made millions in Ukraine and China while he was Vice President», «Hunter Biden got a job he was not qualified for», «This is pay-to-play corruption». Такие заявления встраиваются в сценарий «власть – выгода – наказание». При этом фрейм «врага» сопровождается дополнительным фреймом «беспомощной системы», не способной с этим бороться. Более тонкой формой риторического воздействия становится построение «нарратива разоблачения». В этом нарративе Д. Трамп – не просто кандидат, а разоблачитель, выступает в качестве носителя истины и справедливости, противостоящий коррумпированной элите. Такой подход соответствует когнитивной структуре героя-антикоррупционера (heroic anti-corruption script). В речах Дж.Байдена коррупция репрезентируется как системная проблема, связанная с институциональной нечестностью администрации Д.Трампа. Дж.Байден апеллирует к морали и справедливости: «This is the most corrupt administration in modern history». В данном случае применяется фрейм морального возмущения, в котором коррупция – это не преступление, а нравственный порок. Дж. Байден структурирует коррупцию как угрозу демократии: «If we let this go, we'll lose the soul of our nation».

Частотный анализ лексики дебатов и выступлений показывает, что слово «corruption» входит в часто используемые слова Д.Трампом, но не Байденом, у которого чаще встречаются выражения «moral decay», «abuse of power» и «lack of integrity» – синонимичные фреймы, но с акцентом на мораль, а не на уголовное преступление.

Обращает на себя внимание и структурная организация высказываний: в риторике Д.Трампа преобладают краткие, бинарные конструкции («he is corrupt», «they are criminals»), у Дж.Байдена – более сложные и развернутые син-

таксические структуры, которые включают модальные глаголы и оценочные конструкции («we must restore integrity», «this kind of abuse cannot be tolerated»). Эти различия влияют на восприятие сообщений и активируют различные когнитивные механизмы – от прямого осуждения до рефлексии.

Интересны различия в стратегии адресации. Д.Трамп напрямую обвиняет оппонента, Дж.Байден чаще апеллирует к коллективному «we» и к «nation». Это создаёт разный эффект воздействия: Д.Трамп мобилизует на агрессию, Дж.Байден – на моральное возмущение и восстановление порядка.

Примечателен приём «ретроспективного обвинения». События прошлого используются для доказательства текущей коррупции, определенные ситуации разбираются на широкую аудиторию постфактум. Например, Д.Трамп ссылается на действия Дж.Байдена при Б.Обаме, а Дж.Байден – на финансовые скандалы, связанные с администрацией Д.Трампа, которые происходили в 2016 г. В обоих случаях создаётся фрейм «неизменного коррумпированного характера».

Важно, что обвинения в коррупции выполняют функцию морального разделения: они отделяют «честных граждан» от «преступной элиты», формируя структуру «мы против них». Такая бинарная структура активно используется в обоих дискурсах, но с разным акцентом: у Д. Трампа «мы» – это народ против глубинного государства, у Дж.Байдена – честные американцы против морально обанкротившегося лидера. Таким образом, риторика коррупции в американских выборах – это сложный когнитивный инструмент, который включает в себя фреймы угрозы, морали, справедливости, идентичности и врага. Анализ данной риторики показывает, что политическая коммуникация использует коррупцию как универсальный страшный образ, меняющийся в зависимости от коммуникативной цели. Необходимо отметить и динамиче-

скую эволюцию концепта в ходе кампании. Если в начале избирательной гонки 2020 г. коррупция упоминалась как элемент критики прошлого, то ближе к выборам она становилась символом угрозы будущему – «if this continues...». Наблюдается перемещение фрейма из ретроспективного в прогностический.

Концепт «коррупция» в риторике выборов 2020 г. представляет собой сложный и многослойный инструмент: одновременно это и метафора, и в большой степени моральный диагноз, и сценарий угрозы, и способ формирования идентичности. Сила данного концепта заключается в универсальности и возможности его интерпретации под любую политическую задачу.

Анализ предвыборной риторики 2020 года в США показал, что концепт «коррупция» выступает как один из наиболее мощных когнитивных и дискурсивных инструментов воздействия на электорат. Его универсальность, эмоциональная насыщенность и аксиологическая нагруженность позволяют адаптировать его к различным коммуникативным стратегиям – от мобилизации сторонников до демонизации оппонентов.

Коррупция выступает в качестве метафоры моральной деградации, угрозы нации, врага демократии, системной болезни и даже личного зла. Эти интерпретации варьируются в зависимости от риторических задач конкретного кан-

дидата. Дональд Трамп использует фрейм криминализации и страха, персонифицируя коррупцию в образе Джо Байдена и его окружения. Джо Байден, напротив, выстраивает образ системной коррупции в администрации Д.Трампа, апеллируя к нравственным основам общества.

Концепт «коррупция» в американской политической риторике не просто обозначает конкретное правонарушение, а становится ключевым элементом борьбы за власть, средством формирования образа врага и способом морального самоутверждения. Разделяя мнение Л.М. Бузиновой, отметим, что «в этом плане можно говорить о существовании так называемой «национальной дискурсивной прагматики», имеющей специфические законы коммуникативного воздействия на собеседника» [7, с.126] Это подтверждает, что политический дискурс не только отражает реальность, но и активно её конструирует, манипулируя значениями базовых концептов [8].

В условиях медиатизированной политики, где доминирует визуальная и эмоциональная подача информации, концепт «коррупция» выполняет функции якоря внимания, триггера моральной оценки и инструмента когнитивной мобилизации. Его исследование с позиций когнитивной лингвистики и критического дискурс-анализа позволяет глубже понять механизмы политического влияния в современных электоральных кампаниях.

Список литературы

1. Борисов, В. К., Чепурных, С. Р. История борьбы с коррупцией в США // Интерактивная наука. – 2022. – №11 (76). – С. 10-13. – Текст: непосредственный.
2. Яроцкая, Г. С. Лингвоаксиологические аспекты коррупции в истории русского языка и культуры // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2020. – №2 (42). – С. 40-58. – Текст: непосредственный.
3. Горюнов, В. Е. Формирование понимания сущности коррупции и ее проявлений // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. №3. – С. 40-49. – Текст: непосредственный.
4. Заботкина, В. И., Коннова, М. Н. Ценности как объект манипуляции: к вопросу о деаксиологизации русской языковой картины мира // Новый филологический вестник. – 2023. – №4 (67). – С. 320-332. – Текст: непосредственный.
5. Yosawati, R. A., Ansoriyah, S., Anoegrajekti, N. Exploring the Characteristics of Mass Media Coverage: A Critical Discourse Analysis Study to Improve Digital Literacy // Electronic Journal of Education Social Economics and Technology – 2024 – №5 (2) – URL: https://www.researchgate.net/publication/389509788_

Exploring_the_Characteristics_of_Mass_Media_Coverage_A_Critical_Discourse_Analysis_Study_to_Improve_Digital_Literacy (дата обращения: 15.10.2025).

6. **Романцова, Л. М.** Концептуализация процессуального изменения релятивными глаголами современного немецкого языка : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Романцова Людмила Михайловна. – Белгород, 2005. – 159 с. – Текст : непосредственный.

7. **Бузинова, Л. М.** Академический дискурс и его место в дискурсологии / Л. М. Бузинова // Лексикография и коммуникация – 2017 : сборник материалов III Международной научной конференции, Белгород, 27–28 апреля 2017 года. – Белгород: Издательский дом “Белгород”, 2017. – С. 123-126. – Текст : непосредственный.

8. **The Sign, Linguistic Analysis, Idioethnic Interpretation of Communication and Linguistic Persona** / A. P. Sedykh, L. M. Buzinova, N. V. Bakirova [et al.] // International Journal of Engineering and Technology (UAE). – 2018. – Vol. 7, No. 4.38. – P. 100-104. – DOI 10.14419/ijet.v7i4.38.24331. – Текст : непосредственный.

УДК 796.325.034:378.172

РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ У СТУДЕНТОВ-ВОЛЕЙБОЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОГО ТРЕНИРОВОЧНОГО ВРЕМЕНИ

Л.Н. Курякова, Е.С. Куманцова, Е.В. Коробова

В статье рассматривается проблема развития специальной выносливости у волейболистов студенческой команды в условиях дефицита тренировочных часов. Представлены результаты педагогического эксперимента, подтверждающие эффективность методики на основе высокоинтенсивных интервальных нагрузок, интегрированных в технико-тактические упражнения. Показано достоверное улучшение показателей скоростной и координационной выносливости у игроков.

Ключевые слова: волейбол, интервальные тренировки, специальная выносливость, студенческий спорт, тренировочный процесс, физическая подготовка.

DEVELOPING SPECIAL ENDURANCE IN UNIVERSITY VOLLEYBALL PLAYERS WITH LIMITED TRAINING TIME

L.N. Kuryakova, E.S. Kumantsova, E.V. Korobova

The article addresses the problem of developing special endurance in university volleyball players with limited training hours. The results of a pedagogical experiment confirm the effectiveness of a methodology based on high-intensity interval loads integrated into technical-tactical exercises. A significant improvement in players' speed and coordination endurance indicators is shown.

Keywords: volleyball, interval training, special endurance, university sports, training process, physical conditioning.

Актуальность исследования обусловлена широкой распространенностью волейбола в программе физического воспитания вузов и спецификой организации тренировочного процесса студенческих команд, которые, как правило, ограничены двумя-тремя занятиями в неделю. «Улучшение уровня физической подготовленности (развитие основных физических качеств и двигательных навыков) создает предпосылки к более эффективной и продолжительной работе, т.е. физическая подготовленность положительно сказывается на качестве трудовой деятельности ее форм (умственного или физического труда)» [1].

В условиях дефицита времени традиционные методы развития специальной выносливости, под которой понимается способность сохранять высокую эффективность технических действий в условиях нарастающего утомления на протяжении всей игры, зачастую оказываются

с малоэффективными. Возникает противоречие между необходимостью комплексной подготовки и объективными временными ограничениями. «Физическая подготовка с рационально построенным двигательным режимом формирует многие психофизиологические и физические качества» [2]. «Удовлетворение личностных потребностей обучающихся в высшем учебном заведении может повысить посещаемость дисциплины «Физическая культура и спорт» в целом, и как, следствие приведет к возрастанию функциональных, физических, психоэмоциональных показателей, тем самым улучшит общее состояние здоровья и повысит уровень работоспособности студенческой молодежи» [3].

Научная новизна работы заключается в разработке и экспериментальной апробации модульной методики развития специальной выносливости, которая не требует выделения отдель-

ного времени в тренировке, а интегрируется в основную технико-тактическую работу, тем самым оптимизируя общий тренировочный процесс. «При обучении движениям полученные умения и навыки и связанные с ними знания доводятся до определенной степени совершенства, что способствует дальнейшему рациональному использованию их человеком в жизненной практике» [4]. «Стоит учитывать, что формирование таких условий – длительный и трудоемкий коммуникативный процесс» [5].

Цель исследования – теоретически разработать и экспериментально обосновать методику развития специальной выносливости у студентов-волейболистов в условиях двухразовых тренировок в неделю. Объект исследования – учебно-тренировочный процесс студенческой волейбольной команды.

Предмет исследования – средства и методы развития специальной выносливости у студентов-волейболистов в условиях ограниченного тренировочного времени.

Организация исследования. Педагогический эксперимент проводился в течение 8 недель со студенческой волейбольной командой, в составе которой занималось 20 юношей в возрасте от 16 до 25 лет. Тренировочный процесс осуществлялся 2 раза в неделю по 1,5 часа, что является типичным для большинства вузовских команд.

Для оценки уровня специальной выносливости использовался комплекс контрольных испытаний (тестов), принятых в теории и практике волейбола:

1. Челночный бег 5х6 метров (оценка скоростной выносливости и ловкости).
2. Прыжок в длину с места (оценка взрывной силы ног).
3. Количество передач мяча сверху над собой без потери контроля (оценка координационной выносливости и стабильности техники на фоне утомления).

Методика развития специальной выносливости была основана на принципах высокоинтенсивного интервального тренинга (НИТ). Её ключевой особенностью была интеграция в основную часть тренировки без увеличения её общего времени. В течение 25–30 минут основной части занятия традиционные упражнения на технику и тактику заменялись на специализированные интервальные комплексы:

- «Интервальные связки на сетке»: серия атакующих и защитных действий (атака-блок-страховка) в режиме «работа 20–25 сек / отдых 40–45 сек».
- «Круговая тренировка по периметру площадки»: последовательное выполнение упражнений на блокирование, падения, имитацию атаки и перемещения на 4-х «станциях» с минимальным временем для отдыха.
- «Игра 3х3 на выносливость»: игра на половине площадки с постоянной высокой интенсивностью розыгрышей, инициируемых тренером.

Данные комплексы позволяли одновременно совершенствовать технические элементы и создавать целенаправленную физиологическую нагрузку, направленную на развитие анаэробных возможностей и устойчивости к утомлению.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнительный анализ результатов входного и итогового тестирования показал положительную динамику по всем трем контролируемым показателям. Полученные данные представлены в сводной таблице.

Как видно из таблицы, наиболее значимый прирост был зафиксирован в тесте «передачи сверху над собой» – на 12,9%. Это свидетельствует о существенном «повышении уровня координационной выносливости и способности игровых сохранять стабильность техники при развитии утомления, что является прямым индикатором специальной выносливости в волейболе» [6].

Результаты педагогического эксперимента (n=20)

Показатель	До эксперимента	После эксперимента	Прирост
Челночный бег 5х6 м (сек)	10,72 ± 0,38	10,38 ± 0,36	-0,34 сек (↓3,2%)
Прыжок в длину с места (см)	213,6 ± 16,1	216,2 ± 15,8	+2,6 см (↑1,2%)
Передачи сверху двумя руками над собой (кол-во)	28,6 ± 5,4	32,3 ± 4,9	+3,7 раз (↑12,9%)

Статистически значимое улучшение результата в челночном беге на 3,2% ($p < 0,05$) подтверждает рост скоростной выносливости и эффективности перемещений по площадке. Умеренное, но устойчивое улучшение в прыжке в длину (+1,2%) демонстрирует, что применяемая методика оказывает комплексное воздействие и на силовые возможности мышц ног, несмотря на преимущественную направленность на выносливость.

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что интеграция высокоинтенсивных интервальных нагрузок в технико-тактические упражнения является эффективным способом оптимизации тренировочного процесса и развития специальной выносливости в условиях дефицита времени.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Разработанная методика развития специальной выносливости, основанная на принципах высокоинтенсивного интервального тренинга, интегрированного в основную часть занятия, доказала свою высокую эффективность.

2. Внедрение методики в тренировочный процесс студенческой волейбольной команды привело к достоверному улучшению показателей специальной выносливости: скоростной (челночный бег) – на 3,2%, координационной (передачи над собой) – на 12,9%, а также к незначительному приросту взрывной силы (прыжок в длину) – на 1,2%.

3. Предлагаемая методика является практичным и эффективным инструментом для тренеров студенческих команд, позволяющим преодолеть ограничения, связанные с дефицитом тренировочного времени, и вывести физическую подготовку игроков на качественно новый уровень.

Список литературы

1. Шалупин, В. И. Физическая культура и спорт в вузах гражданской авиации / В. И. Шалупин, Р. Р. Салимзянов, И. А. Родионова [и др.]. – Ульяновск: Ульяновский институт гражданской авиации им. Главного маршала авиации Б.П. Бугаева, 2024. – 180 с. – EDN DYPKTY.
2. Шалупин, В. И. Средства повышения профессионально важных качеств студентов-специалистов управления на воздушном транспорте (УВД) гражданской авиации / В. И. Шалупин, И. А. Родионова, Д. В. Романюк // Инновации и традиции в современном физкультурном образовании: Материалы межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 18 марта 2020 года / Составитель Т.К. Ким. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2020. – С. 199-203. – EDN AJVYGT.
3. Постольник Ю. А. Эффективность средств синхронного плавания в формировании плавательного навыка / Ю. А. Постольник, Ю. А. Бубенцова, Е. С. Куманцова, Н. С. Купцова // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. – 2022. – Т. 7, № 3. – С. 99-104. – DOI 10.47475/2500-0365-2022-17315. – EDN AMJHTO.
4. Куманцова, Е. С. Формирование двигательных умений и навыков в физическом воспитании студента / Е. С. Куманцова, Н. В. Ханафина, И. А. Родионова // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. – 2019. – № 2(48). – С. 59-64. – DOI 10.25688/2076-9121.2019.48.2.04. – EDN XPYXDW.

5. **Коробова, Е. В.** Роль коммуникации в игровых видах спорта в современном мире / Е. В. Коробова, Е. С. Куманцова // Инновационные технологии в спорте и физическом воспитании подрастающего поколения : Сборник статей по материалам XII научно-практической конференции с международным участием, Москва, 22 апреля 2022 года. – Москва: Медиагруппа «ХАСК», 2022. – С. 155-159. – EDN JGVPFK.
6. **Бабушкин Г.Д., Мещеряков В.С.** Развитие физических качеств скоростно-силовой направленности у дзюдоистов 15-16 лет методом сопряженного воздействия Г.Д. Бабушкин, В.С. Мещеряков, журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах», том 29, N 3 (98), июль-сентябрь 2024 г.).

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ МОСКВЫ ЧЕРЕЗ СОЗДАНИЕ ИНКЛЮЗИВНОЙ СРЕДЫ

О.В. Маркова

Статья посвящена особенностям формирования инклюзивной среды современного мегаполиса. Описан комплексный подход к данному процессу, учитывающий все многообразие факторов устойчивого развития территории при согласовании экономических, экологических и социальных интересов. Рассматривается эволюция концепции инклюзии, приводится нормативно-правовая база на федеральном и городском уровнях, а также отражаются практические аспекты ее реализации в ключевых сферах: образовании, городской инфраструктуре, социокультурной жизни и трудоустройстве людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Особое внимание уделено развитию рынка ассистивных технологий как драйвера повышения автономности и социальной включенности лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). На основе проведенного исследования выявляются тенденции и перспективы дальнейшего развития инклюзивного пространства крупного города.

Ключевые слова: инклюзивная среда, ОВЗ, инклюзивное образование, универсальный дизайн, ассистивные технологии, доступная среда, социальная инфраструктура, мегаполис, Москва.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MOSCOW THROUGH THE CREATION OF AN INCLUSIVE ENVIRONMENT

O.V. Markova

The article is devoted to the features of the formation of the inclusive environment of a modern megapolis. A comprehensive approach to this process is described, taking into account all the diversity of factors of sustainable development of the territory, while coordinating economic, environmental and social interests. The article examines the evolution of the concept of inclusion, provides a regulatory framework at the federal and municipal levels, and reflects on the practical aspects of its implementation in key areas such as education, urban infrastructure, socio-cultural life, and employment of people with disabilities (PWD). Special attention is given to the development of the assistive technology market as a driver for increasing the autonomy and social inclusion of people with disabilities (PWD). Based on the conducted research, trends and prospects for the further development of the inclusive space of a large city are identified.

Keywords: inclusive environment, disabilities, inclusive education, universal design, assistive technologies, accessible environment, social infrastructure, metropolis, Moscow.

Современное понятие инклюзивности означает не просто адаптацию в социальном обществе лиц с ограниченными возможностями здоровья, а философский взгляд, определяющий ценность каждой личности независимо от индивидуальных способностей и возможностей [1, 2]. Такая интерпретация инклюзии предполагает не просто физическое присутствие, а активное, равноправное и полноценное участие всех членов общества в его жизни путем адаптации систем под разнообразные человеческие потреб-

ности. Для мегаполиса, такого как Москва, с его высокой концентрацией населения и сложной инфраструктурой, задача построения инклюзивной среды становится особенно актуальной и сложной.

Цель данного научного исследования — проанализировать многофакторный процесс формирования инклюзивной среды в столице, охватывающий нормативно-правовые основы, практические меры в области развития социальной инфраструктуры в г. Москве, а также инно-

вационную составляющую – развитие ассистивных технологий. На основе анализа представленных данных выявляются как достигнутые успехи, так и системные проблемы, что позволяет наметить направления для дальнейших исследований и практических действий.

С учетом современного подхода инклюзивность определяется как процесс включения людей с ОВЗ в активную жизнь общества посредством адаптации окружающей среды к их индивидуальным потребностям. Ключевым этическим принципом является утверждение: «Ценность человека не зависит от его способностей». Для реализации данного провозглашаемого принципа необходимо соответствовать следующим ниже перечисленным требованиям [3, с. 32]:

- Равные возможности для всех по обеспечению доступа к благам и услугам не зависимо от физического состояния и уровня здоровья.

- Унифицированный подход при проектировании продуктов, сред и программ, максимально пригодных для использования всеми людьми без необходимости адаптации.

- Партисипативное управление, т.е. вовлечение самих людей с ОВЗ и общественности в процесс принятия решений.

- Достаточное разнообразие доступных для всех объектов, что соответствует требованию обогащенности процессов инклюзии

- Равномерное размещение инклюзивных объектов по территории крупного города характеризуют социальную среду с точки зрения распределенности.

Институциональные основы для формирования современной инклюзивной среды заложены в нормативно-правовой базе соответствующей политики в Москве [4; 5]. Эта комплексная правовая база создает основу для системной работы по созданию доступной городской среды.

Основу на уровне федерального законодательства составляют следующие законы: № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов» (1995),

устанавливающим обязанность создания безбарьерной среды, и № 273-ФЗ «Об образовании» (2012), гарантирующим право на инклюзивное образование.

На муниципальном уровне ключевым документом является московская программа «Доступная среда», реализуемая в 2020–2025 гг. [6] На 2024 год были получены следующие результаты реализации данной программы [6; 7]:

- Адаптация около 10000 социальных объектов, что составляет 80% от планируемого количества.

- Установка 5 тыс. светофоров с голосовыми модулями.

- Разработка и внедрение стандартов, таких как Социальный стандарт № 66, в котором закреплены нормативные требования к пандусам и лифтам для пользования данной инфраструктурой лицами с ОВЗ. Или существующий Стандарт адаптации метро, определяющий необходимость тактильных указателей и голосовых объявлений.

- В Постановлении № 299-ПП закреплены положения с требованиями к инклюзивным школам, в которых обязательно должны работать тьюторы-наставники, а также здание следует оборудовать предназначенными для этого лифтами и, спецтехникой.

Помимо создания необходимых условий для обучения детей с ограниченными возможностями здоровья, следует определить организационные основы по включению таких личностей в полноценный образовательный процесс. Вот почему инклюзивное образование в Москве понимается как создание гибких образовательных программ, а не просто совместное обучение [8, с. 84]. На 2024 год 350 образовательных учреждений имеют инклюзивные классы, что составляет почти 70% московских школ [7].

К числу успешных практик инклюзии в столичных школах относятся [8, с. 85]:

– Проект «Ресурсная школа»: предоставление онлайн-платформ и методической поддержки для детей с расстройствами аутистического спектра.

– Курсы переподготовки для учителей объемом 72 часа по программам дополнительного образования в сфере инклюзии.

– Успешные результаты освоения инклюзивных программ отражаются в соответствующих достижениях выпускников. Так 90% выпускников с ОВЗ, окончивших школу № 1321 «Ковчег», поступают в вузы. Для реализации программы «Профессиональное обучение без границ» технологический колледж № 21 обеспечивает трудоустройство 80% своих выпускников с ОВЗ.

Несмотря на перечисленные достижения в процессе формирования инклюзивной среды мегаполиса, возникают определенные трудности и соответствующие проблемы [8, с. 87; 9, с. 44]:

– Почти в половине образовательных учреждений наблюдается нехватка тьюторов-наставников, которые сопровождают лиц с ОВЗ в процессе всего обучения, учитывая его индивидуальные способности и возможности

– По результатам социологических опросов наблюдается психологическая неготовность части педагогов к индивидуальной работе с учащимися с ОВЗ.

– Отмечается недостаток специализированных учебных материалов.

– Архитектурная недоступность ряда школьных зданий, построенных еще по старым типовым схемам и не подвергшихся модернизации.

Возвращаясь к выполнению требований инклюзивной среды, следует констатировать, что Москва как мегаполис сталкивается с проблемой неравномерного распределения инфраструктуры: 70% культурных объектов сосредоточено в Центральном административном округе (ЦАО) [11, с. 29]. Прогнозируемый рост населения столицы до 24 млн человек к 2035 году усугубляет риски дисбаланса. Решением стано-

вится внедрение принципа «15-минутного города» в проекте «Новая Москва», предполагающем создание районов с пешеходной доступностью ключевых объектов в пределах четверти часа [9].

Определенные успехи развития устойчивого развития инклюзивной среды уже достигнуты в сфере организации городского транспорта и социокультурной жизни мегаполиса [6; 11, с. 30]. Так 67 станций метро на сегодняшний день оборудованы лифтами, а 200 – тактильными плитками. В службе социального такси насчитывается 500 машин с подъемниками для пассажиров с ОВЗ. Общественные пространства тоже оснащены в соответствии с требованиями инклюзии. Так парк «Зарядье» включает сад для слепых с ароматными растениями и шрифтом Брайля. Более 50 учреждений библиотек предоставляют аудиокнижки для слабовидящих. Приложение «Моя карта москвича» предоставляет сервис для заказа социальных услуг для 1,2 млн. пользователей с ОВЗ. Кроме того онлайн-карта доступности позволяет оценить уровень эргономичности 20 тыс. городских объектов с точки зрения их приспособленности к использованию для лиц с ОВЗ.

Социокультурный аспект инклюзии реализуется через проекты, вовлекающие людей с ОВЗ в доступное для комфортного посещения объектов культурного наследия [9, с. 45]. В театре «Инклюзион» осуществляются постановки спектаклей с участием глухих актеров. Музей «Гараж» проводит экскурсии для лиц с ОВЗ на жестовом языке.

Более 300 компаний-партнеров в г. Москве периодически участвуют в ярмарках вакансий для людей с инвалидностью, организованных центром «Моя карьера» [7]. На сегодняшний день в сфере трудоустройства действует система квотирования: для средних и крупных предприятий численность работников с ОВЗ должна составлять не менее 3,5% персонала [12, с. 538].

Результатом реализации инклюзивной политики в г. Москве стал высокий уровень под-

держки соответствующих инициатив среди горожан. По данным ВЦИОМ за 2024 год 78% москвичей относятся к ним положительно, что определяет перспективность данных социальных программ для устойчивого развития Московского региона [13].

С социальными аспектами устойчивого развития непосредственно связаны и экономические вопросы. В этой связи далее следует отразить практику использования в г. Москве ассистивных технологий.

Ассистивные технологии (AssistiveTech) – это технологические продукты и сервисы, направленные на компенсацию функциональных нарушений и повышение автономности людей с ОВЗ [14, с. 195]. Они делятся на *традиционные* (инвалидные коляски, брайлевские дисплеи) и *новейшие* (роботы, системы звукового зрения, AR/VR-реабилитация).

В Москве зарегистрировано более 120 компаний-разработчиков в этой сфере [15]. Их особенности [12, с. 540; 15]:

- Преобладают малые предприятия с небольшим штатом сотрудников.
- Совокупная выручка рынка в 2021 году составила 10,3 млрд. рублей с тенденцией к ежегодному росту.
- Более 40% компаний используют новейшие технологии: ИИ, нейротехнологии, VR/AR.
- Наибольшая инновационность характерна для решений в области поддержки когнитивных функций, слуха и коммуникации.
- Ключевое направление по числу компаний (46%) – поддержка двигательной активности (протезы, ортезы, тренажеры), на которое приходится половина выручки рынка. Это обеспечивает определенную автономность и самосто-

ятельность лиц с ОВЗ, что создает условия для включения данных личностей в полноценную общественную жизнь граждан столицы. По результатам исследования данного рынка потенциальными пользователями ассистивных технологий в Москве являются более 3,5 млн человек, что указывает на значительный потенциал роста и возможности для устойчивого развития территории.

Проведенный анализ показывает, что Москва демонстрирует комплексный и многоуровневый подход к построению инклюзивной среды. Сформирована соответствующая нормативно-правовая база, реализуются масштабные городские программы, развивается инклюзивное образование и социальная инфраструктура. Значительным конкурентным преимуществом столицы становится динамично развивающийся рынок ассистивных технологий, который трансформирует саму парадигму помощи людям с ОВЗ, смещая фокус с опеки на обеспечение автономности.

Однако сохраняются определенные вызовы и проблемы, такие как неравномерность развития инфраструктуры, кадровый дефицит в образовании и необходимость дальнейшего повышения осведомленности общества. Перспективы развития связаны с углублением цифровизации, тиражированием успешных практик (например, модели «15-минутного города»), а также с поддержкой инновационных компаний в сфере ассистивных технологий. Перспективы дальнейших исследований, по нашему мнению, могут быть сосредоточены на оценке эффективности конкретных инклюзивных проектов и изучении долгосрочного социально-экономического эффекта от создания инклюзивной среды мегаполиса.

Список литературы

1. Божок Н. С. Инклюзивная культура городских сообществ: на примере исторических реконструкторов // Урбанистика. 2020. №3. С. 61- 72
2. Чистякова И. Н. Инклюзивная среда для инвалидов и проблемы ее формирования // Право и государство: теория и практика. 2025. №3. С. 41-44

3. **Наберушкина Э. К., Радченко Е. А., Мирзаева Е. Р.** Инклюзивный дизайн (обзор зарубежных концепций) // Теория и практика общественного развития. 2023. №2 (180). С. 30-35
4. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».
5. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
6. Государственная программа города Москвы «Доступная среда» на 2020-2025 годы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mos.ru/city/projects/dostupnaya-sreda/> (дата обращения: 20.09.2025).
7. Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. Раздел «Социальная сфера» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mos.ru/social/> (дата обращения: 26.09.2025).
8. **Волосникова Л. М., Патрушева И. В.** Проектирование инклюзивных образовательных сред на основе универсального дизайна: обзор научных публикаций // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2024. №212. С 81-92
9. **Журавлева Ж. И., Хорошавина Е. В.** Проблемы, связанные с организацией инклюзивных практик в учреждениях культуры города Москвы // Системная психология и социология. 2025. №1 (53). С. 41-48
10. Стратегия пространственного развития Москвы до 2035 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mos.ru/upload/documents/files/3498/Strategiya-prostranstvennogo-razvitiya-Moskvy-do-2035-goda.pdf> (дата обращения: 20.09.2025).
11. **Наберушкина Э. К., Судорев М.М.** Особенности восприятия общественных пространств мало-мобильными москвичами (на примере двух городских локаций) // Вестник Института социологии. 2024. № 4. С. 27-33
12. **Егоров Е. В.** Формирование безбарьерной городской среды и проблемы трудовой интеграции инвалидов в России // Уровень жизни населения регионов России. 2022. № 4. С. 535-544
13. Данные Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) об отношении к инклюзии в Москве. – 2024. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-inkluzii-v-moskve-2024> (дата обращения: 25.09.2025).
14. **Бородкина О.И., Сулимова А. А.** Эко-социальные технологии интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья: региональные практики // Социология науки и технологий. 2023. № 4. С. 188-204
15. Российский рынок AssistiveTech: особенности и перспективные направления // Аналитический центр Агентства инноваций Москвы <https://innoagency.ru/analytics/list> июнь 2023.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ Г. МОСКВЫ

О.В. Маркова, Е.А. Суслов

Настоящее исследование представляет собой систематизацию и анализ современных научных разработок, посвященных трансформации системы городского управления Москвы под влиянием информационных технологий и сквозного процесса цифровизации. Методологическую основу работы составили информационные технологии, используемые для муниципального управления в целях обеспечения эффективности функционирования городских объектов социальной инфраструктуры и повышения уровня качества жизни граждан мегаполиса. Для этого были оценены различные механизмы по автоматизации административных процедур и снижению бюрократии при принятии и реализации управленческих решений на уровне крупного города. Определены перспективы использования искусственного интеллекта и анализа больших данных (Big Data) для разработки обоснованных прогнозов и перспектив устойчивого развития мегаполиса. Предложены технологии по налаживанию коммуникаций представителей муниципальной власти с жителями города.

В данном изложении представлен опыт применения информационных технологий в развитии города Москвы, перспективы развития и преемственность опыта внедрения информационных технологий в Московском регионе.

Ключевые слова: развитие, городское управление, цифровизация, автоматизация административных процессов, искусственный интеллект.

DIGITAL TRANSFORMATION OF CITY MANAGEMENT: THE CASE OF MOSCOW

O.V. Markova, E.A. Suslov

The present study is a systematization and analysis of modern scientific developments devoted to the transformation of the Moscow city government system under the influence of information technology and the end-to-end process of digitalization. The methodological basis of the work was made up of information technologies used for municipal management in order to ensure the effective functioning of urban social infrastructure facilities and improve the quality of life of citizens of the metropolis. For this purpose, various mechanisms for automating administrative procedures and reducing bureaucracy in the adoption and implementation of management decisions at the level of a large city were evaluated. The prospects of using artificial intelligence and big Data analysis to develop sound forecasts and prospects for the sustainable development of a megacity have been identified. Technologies have been proposed for establishing communication between municipal authorities and city residents.

Keywords: development, urban management, digitalization, automation of administrative processes, and artificial intelligence.

С развитием технологий, растет скорость и темп жизни, что приводит к необходимости минимизации временных затрат для максимального комфорта. И городская среда не исключение – внедрение технологий искусственного интеллекта во многие сферы жизни, автоматизация процессов и акцент на системный продукт. Все это ведет к общей цифровизации городской среды и улучшению качества жизни. Цифровизация охватывает ключевые аспекты городской инфраструктуры: от транспорта и энергетики до административного управления и коммунальных

услуг. Обеспечивается автономный сбор, обработка данных, оперативное использование этих данных для принятия обоснованных решений. Технологии искусственного интеллекта применяются для прогнозирования нагрузок, оптимизации маршрутов, анализа состояния объектов инфраструктуры и повышения уровня безопасности. Такой подход формирует основу для создания комплексной, взаимосвязанной городской системы, в которой процессы согласованы, ресурсы используются рационально, а скорость реакции на изменения системы растет.

Цифровая трансформация городского управления представляет собой стратегический процесс фундаментального реформирования традиционных аналоговых процедур в цифровые форматы с активным использованием современных информационно-коммуникационных технологий [1]. Данный процесс не ограничивается простой оцифровкой данных, а предполагает глубокую реорганизацию бизнес-процессов и системную интеграцию цифровых решений во все ключевые отрасли городского хозяйства [2].

В рамках общероссийской программы цифровой трансформации, набирающей значительные обороты в последние годы, отводится большое значение внедрению современных технологий в процесс государственного и муниципального управления, что способствует не только открытости и оперативности принятия управленческих решений, но и обеспечивает реализацию насущных социальных потребностей жителей крупного города с учетом перспективных планов мегаполиса [3].

Ключевые архитектурные компоненты цифровизации Москвы включают:

Единая интегрированная цифровая платформа, выполняющая роль системного интегратора различных городских служб и источников данных, что обеспечивает прозрачный централизованный доступ к информации для всех категорий пользователей: граждан, бизнеса и органов власти [3].

Распределенная сеть Интернета вещей (IoT), активно внедряемая в объекты городской инфраструктуры, которая позволяет организовать непрерывный сбор телеметрии в режиме реального времени о транспортных потоках, экологических параметрах (качество воздуха), энергопотреблении и других критически важных для управления показателями.

Для обеспечения устойчивости системы и контроля качества предусмотрены платформы обратной связи, которые позволяют гражданам активно участвовать в городском управлении через социальные сети, мобильные приложения, платформу “Наш город” и проект “Активный гражданин” и система контроля безопасности. Например, система видеонаблюдения, которая включает более 200000 камер с функциями распознавания лиц, мониторинга дорожной ситуации для контроля общественного порядка и предотвращения преступлений [4].

Что касается перспектив развития системы, то стратегические направления дальнейшего развития цифровой инфраструктуры включают развитие образовательных программ для IT – специалистов, расширение покрытия высокоскоростным интернетом, совершенствование платформы “Активный гражданин” и создание единого цифрового пространства для бизнеса.

Системное внедрение цифровых решений выступает ключевым фактором повышения эффективности городского управления, способствуя не только оптимизации административных процессов, но и созданию более комфортной городской среды для жителей (таблица 1). Формирование технологичной инфраструктуры закладывает основу для устойчивого развития города в долгосрочной перспективе [4].

В рамках реализации проекта “Умный город” [6], инициированного Минстроем России, транспортная система Москвы претерпела значительные изменения благодаря внедрению цифровых технологий. Цифровизация транспор-

Влияние цифровизации на муниципальное управление

Сфера воздействия	Конкретные результаты	Долгосрочный эффект
<i>Эффективность управления</i>	Сокращение времени обработки заявок, автоматизация отчетности	Повышение производительности городских служб, оптимизация бюджетных расходов
<i>Качество жизни населения</i>	Упрощение получения госуслуг, повышение транспортной доступности	Рост удовлетворенности жителей, повышение привлекательности города
<i>Устойчивость городской среды</i>	Внедрение «умных» систем энергоменеджмента, экологический мониторинг	Снижение экологической нагрузки, рациональное использование ресурсов

та является критически важным направлением, поскольку от эффективности логистических цепочек зависит функционирование городской инфраструктуры и качество жизни населения.

Основным направлением цифровизации стали интеллектуальные транспортные системы, которые являются ключевым элементом модернизации транспортной инфраструктуры. Внедрение датчиков, камер и систем управления дорожным движением позволило создать комплексную систему мониторинга транспортных потоков [7]. Цифровая автоматизация охватывает различные сегменты транспортной системы. Например, мобильное приложение метрополитена, которое позволяет планировать поездки и обеспечивает возможность бесконтактной оплаты билетов [8], система проката велосипедов и самокатов. Перспективным направлением развития интеллектуальных транспортных систем является интеллектуальная парковочная система с датчиками занятости мест [9]. Одно только внедрение карт «Тройка» позволило автоматизировать процесс оплаты проезда, сократить время посадки пассажиров и устранить необходимость в бумажных билетах [10].

Достижению цифровизации транспортной системы способствует внедрение единой экосистемы управления транспортом. Эффективный мониторинг транспортных средств и дорожной инфраструктуры обеспечивается внедрением

ГЛОНАСС – навигации, чипированных меток и считывателей [11]. Следующим этапом цифровизации станут автономные транспортные средства (беспилотные автобусы и такси), внедрение биометрической оплаты проезда и интеграция новых цифровых сервисов.

Цифровизации транспортной системы приводит к сокращению времени в пути для пассажиров, повышению надежности транспортной системы, оптимизации использования парковочного пространства, снижению воздействия транспорта на окружающую среду, интеграции различных видов транспорта в единую систему. Такой подход к управлению транспортной системой позволил оптимизировать маршруты общественного транспорта, внедрить систему адаптивных светофоров, реализовать автоматизированный контроль пассажиропотока и сократить время обработки данных о дорожной ситуации [12].

Вместе с тем, комплексная цифровизация и создание интегрированных систем управления требуют адекватного усиления мер кибербезопасности. Критически важными задачами становятся обеспечение надёжной защиты персональных данных и создание устойчивых к кибератакам механизмов [13]. Параллельно необходимо решать задачу цифровой инклюзивности, гарантируя доступность технологических решений для всех социальных групп, включая граждан с ограниченными возможностями. Важным

элементом успешной трансформации является поддержание необходимого уровня цифровой грамотности и осведомлённости пользователей о функционировании новых систем.

Несмотря на эти вызовы, цифровая трансформация транспортного комплекса демонстрирует значительный потенциал для радикального повышения эффективности городской логистики и мобильности. Интеграция различных видов транспорта — от общественного до каршеринга и микромобильности — в единую цифровую экосистему открывает возможности для:

- глобальной оптимизации транспортных потоков на основе анализа данных в реальном времени;
- существенного повышения качества и надёжности транспортных услуг для пассажиров;
- создания бесшовной мультимодальной транспортной системы.

Результатом цифровизации транспортной системы является удовлетворенность пассажиров, о чем свидетельствует высокий индекс удовлетворенности в метрополитене [14], 95% пассажиров оценивают безопасность и удобство маршрутов, 94% удовлетворены регулярностью движения, 92% отмечают комфорт салона, также стоит отметить, что время в пути для 20% жителей сократилось до менее 3 часов в день, повысилась эффективность работы персонала, снизилась нагрузка на транспортную инфраструктуру и улучшилось качество обслуживания пассажиров [10]. При этом важно учитывать необходимость обеспечения безопасности системы и ее доступности для всех категорий граждан. Также стоит отметить потребности в развитии инфраструктуры для новых технологий и необходимость постоянного обновления программного обеспечения.

Искусственный интеллект становится ключевым инструментом модернизации городского управления. В рамках национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030

года [15] определены основные направления цифровизации городского хозяйства.

Перед началом внедрения систем искусственного интеллекта необходимо провести аудит существующего управления системой, оценить готовность инфраструктуры к цифровой трансформации и разработать техническую документацию и стандарты. Начинать внедрение систем искусственного интеллекта следует в отдельных районах, а системы тестировать на ограниченном массиве данных. После проведения оценки эффективности решений в небольших масштабах, далее следует осуществить корректировку алгоритмов, а затем заняться масштабированием и распространением технологий искусственного интеллекта, интегрируя их с функционирующими информационными системами. Централизованный же подход к использованию ИИ на основе больших данных обеспечит разработку комплексных и долгосрочных управленческих решений на каждом уровне государственного и муниципального управления и с учетом интересов всех стейкхолдеров.

К основным направлениям внедрения систем искусственного интеллекта относят: умное ЖКХ (автоматизированная диспетчеризация, система учета энергоресурсов, умные контейнеры и датчики уровня, система мониторинга городской инфраструктуры), безопасный город (интеллектуальные системы видеонаблюдения, автоматизированные системы управления освещением, системы экологического мониторинга, системы оповещения населения), цифровое управление (единая система мониторинга, интеллектуальные системы поддержки принятия решений, автоматизированные системы документооборота, чат-боты и виртуальные ассистенты), городская среда (умные парковки, системы управления общественным транспортом, платформы для обратной связи с населением, системы анализа общественного мнения). Для успешного внедрения систем искусственного интеллекта необходимо обеспе-

чить технические аспекты – создать центры обработки данных, внедрить системы хранения и обработки больших данных, разработать протоколы безопасности, обеспечить отказоустойчивость системы, а также создать единый стандарт обмена данными и внедрить системы интеграции с существующими платформами.

Таким образом, успешная реализация проектов по внедрению систем искусственного интеллекта в городское управление требует системного подхода и постоянного совершенствования технологических решений.

Цифровая трансформация создает реальные предпосылки для укрепления экономической безопасности регионов в условиях современных глобальных вызовов. В контексте усиливающейся международной конкуренции и роста турбулентности мировой экономики цифровизация становится стратегическим инструментом повышения конкурентоспособности и обеспече-

ния устойчивого развития (таблица 2).

Как можно заметить из данных таблицы основные стратегические направления цифровой модернизации муниципального управления касаются различных сфер жизнедеятельности города. При этом адаптируются не только экономическая, социальная и экологическая составляющие концепции устойчивого развития города, но, что самое важное, и управленческие факторы ESG-системы.

Комплексной технологической трансформацией выступает реализация стратегического проекта «Умный город 2030», интегрирующий ключевые проекты и институциональную архитектуру посредством создания инновационной инфраструктуры и внедрения прорывных технологий (большие данные, IoT, ИИ) для повышения качества городской среды [17, 18].

Институциональное обеспечение цифровой трансформации осуществляется через скоординированную работу специализированных

Таблица 2

Стратегические направления цифровизации муниципального управления

Стратегическое направление	Конкретные примеры и решения	Ключевые цели и эффекты
Цифровые административные сервисы	Электронная регистрация бизнеса, цифровые документы и подписи (платформы mos.ru и mosreg.ru)	Минимизация временных и административных издержек
Электронные торговые площадки	«Большой Московский Аукцион»	Автоматизация процедур закупок, расширение возможностей для региональных производителей по сбыту продукции
Интегрированные системы управления инфраструктурой	Платформы типа «Умная Москва»	Мониторинг городских систем, повышение эффективности транспортного комплекса, улучшение экологических показателей
Цифровые решения для бизнеса	«Московская электронная торговая площадка», «АСТ-Портал»	Создание возможностей для расширения рыночного присутствия компаний
Инфраструктурные цифровые технологии	Системы управления дорожным движением, геоинформационные системы, комплексный мониторинг состояния объектов	Повышение эффективности управления городской инфраструктурой
Экологические и коммунальные платформы	Системы мониторинга городской среды, автоматизация жилищно-коммунального хозяйства	Повышение качества экологических и коммунальных услуг

министерств и ведомств, а также профильные Департаменты Правительства Москвы (информационных технологий, экономической политики) и АНО Центр компетенций «Умный город».

Эффекты от цифровизации управления проявляются на всех трех уровнях воздействия (таблица 3).

Перспективы трансфера технологий:

Опыт цифровизации Москвы представляет значительный интерес для других регионов РФ. Тираж успешных практик позволяет:

– сократить затраты на разработку собственных решений;

– ускорить внедрение проверенных цифровых моделей;

– минимизировать риски реализации проектов.

Критически важным условием успешного трансфера является адаптация московских решений к специфике региональной экономики, социальной сферы и институциональной среды. Разработка типовых, но гибких программ цифровизации на основе столичного опыта способна стать катализатором повышения экономической безопасности региональных экономик в масштабах всей страны.

Таблица 3

Уровни воздействия цифровизации муниципального управления

Уровень воздействия	Экономические эффекты	Эффекты безопасности
<i>Макроуровень</i>	Рост производительности, сокращение транзакционных издержек	Снижение теневого сектора, прозрачность финансовых потоков
<i>Мезоуровень</i>	Оптимизация межведомственного взаимодействия	Защита критической инфраструктуры, устойчивость supply chains
<i>Микроуровень</i>	Упрощение бизнес-процедур, доступ к новым рынкам	Безопасность транзакций, защита персональных данных

Список литературы

1. **Акифьева Л.В.** Отечественный и зарубежный опыт цифровизации муниципального управления и городского хозяйства / Л.В. Акифьева, А.А. Андреева, А.В. Дорошкевич [и др.]. – Княгинино: Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, 2024. – С. 7-9.
2. **Аристов, Л.С.** Модель управления средствами цифровизации по привлечению населения к занятиям физической культурой и спортом на примере Талицкого городского округа / Л.С. Аристов, М.А. Червякова, В.Р. Васильев // Физическая культура, спорт и молодежная политика в условиях глобальных вызовов. Екатеринбург, 14-20 ноября 2022 года / Под общей редакцией Л.А. Рапопорта. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2023. – С. 98-104.
3. **Капник, Ю.Н.** Развитие механизма организации городского пространства в условиях цифровизации / Ю.Н. Капник, Д.Ю. Яшкин // Столыпинский вестник. – 2023. – Т. 5, № 12.
4. **Попов, Е.В.** Эффективность проектов развития «умных городов» / Е.В. Попов, К.А. Семячков, Д.Н. Борисов // ЭКО. – 2023. – № 6(588). – С. 32-49. – DOI 10.30680/ЕКО0131-7652-2023-6-32-49.
5. **Косян, А.Г.** Использование цифровых технологий в управлении муниципальными образованиями / А.Г. Косян, В.В. Шведов // Столыпинский вестник. – 2024. – Т. 6, № 2.
6. Приказ об утверждении проекта Цифровизация городского хозяйства «Умный город». – Москва, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/733/Prikaz.docx> (дата обращения: 10.09.2025).
7. **Сычева, Т.В.** Транспорт организации. – Москва: Наука, 2018. – 160 с

8. Сайт обзора мобильного приложения «Метро Москвы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://engelskirhen.livejournal.com/417211.html> (дата обращения: 18.09.2025).
9. **Хоменко, А.С.** Цифровые технологии в городском транспорте: достижения и перспективы // Инфраструктура и капитал. – 2018. – №6. – С. 68-73.
10. **Глебов, С.Д.** Оценка уровня цифровизации транспортного комплекса Москвы / Соколов М.С. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика – 2024.
11. Что входит в «умную» транспортную систему Москвы? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stroi.mos.ru/articles/gorod-innovatsii-i-dorogh?from=cl> (дата обращения: 08.09.2025).
12. **Кузина Г. П., Мозговой А. И., Крылов А. Н.** Бизнес-процессное управление как инструмент повышения эффективности транспортной компании в условиях нестабильной экономики // Вестник МГПУ. Серия «Экономика». 2022. № 2 (32). С. 83–98.
13. **Кочетков, И.Н.** Цифровые технологии в управлении городским транспортом // Транспортный бизнес. – 2018. – №5. – С. 5-10.
14. **Янишевский О. Б.** Реформа городской маршрутной сети как катализатор социальных процессов // INTER. 2022. № 2. С. 66–79.
15. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/#1000> (дата обращения: 08.09.2025).
16. **Замков Л.П., Пууков В.И.** Анализ и диагностика потенциала роста уровня цифровизации государственных и муниципальных услуг для населения (гражданского общества) в Московской области // Экономические системы. 2022. Т. 15, № 3(58). С. 110-118.
17. Стратегия Умный город 2030. URL: https://ict.moscow/docs/Strategy_Smart_City.pdf (дата обращения: 08.05.2025).
18. Городская среда : направления развития Умного города Москвы // Официальный сайт мэра Москвы. URL: <https://2030.mos.ru/n/n2> (дата обращения: 08.09.2025).

УДК 35.071.2

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ С МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ С ПРИМЕНЕНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

О.В. Маркова, К.С. Успенский

В статье авторы обосновывают необходимость применения современных технологий для совершенствования взаимодействия граждан с органами муниципальной власти. Для этого выявляются и систематизируются типичные проблемы, которые могут возникнуть у населения города при взаимодействии с представителями муниципальной власти. Особое внимание уделяется вопросам применения административных методов управления с негативными последствиями бюрократизации и затягивания сроков решения существующих проблем. Определяются необходимые направления и систематизируются меры по совершенствованию взаимодействия органов муниципальной власти с гражданами для повышения их качества жизни.

Ключевые слова: взаимодействие населения и муниципальной власти, рост и развитие, принципы, функции, бюрократизация, цифровизация, цифровые платформы.

IMPROVING THE INTERACTION OF THE POPULATION WITH THE MUNICIPAL AUTHORITIES USING MODERN TECHNOLOGIES

O.V. Markova, K.S. Uspenskiy

In the article, the authors substantiate the need to use modern technologies to improve the interaction between citizens and municipal authorities. To achieve this, they identify and systematize typical problems that may arise among the city's population when interacting with municipal authorities. Special attention is given to the use of administrative management methods, which can lead to bureaucracy and delays in resolving existing issues. The article identifies the necessary directions and measures to improve the interaction between municipal authorities and citizens in order to enhance their quality of life.

Keywords: interaction between citizens and municipal authorities, growth and development, principles, functions, bureaucracy, digitalization, and digital platforms.

Взаимодействие населения с органами муниципальной власти является неотъемлемой частью современного управления на местном уровне. Это соответствует конституционному праву граждан на обращение в государственные органы (ст. 33 Конституции РФ [1]). Эффективность такого взаимодействия напрямую влияет на качество жизни граждан и на степень доверия населения к органам власти. Проблемы, возникающие при обращении граждан в органы местного самоуправления, требуют детального анализа и выработки решений, способствующих улучшению работы органов муниципальной власти. Особенно актуальной эта тема является

в условиях повышения цифровизации государственных услуг и стремления к улучшению качества обслуживания граждан.

Настоящее исследование направлено на выявление проблем, возникающих при взаимодействии населения с органами муниципальной власти на примере управы района Беговой города Москвы, а также на предложения по совершенствованию этих процессов [2]. На основе анализа деятельности муниципальных органов власти в области работы с обращениями граждан предлагаются новые подходы к организации работы электронных сервисов и оптимизации бюрократических процессов.

Целью исследования является разработка теоретических и практических предложений по улучшению взаимодействия между населением и органами муниципальной власти. Объектом исследования являются процессы обработки обращений граждан в органы местного самоуправления, а также способы оптимизации этих процессов с использованием новых технологий и методов управления [3].

В ходе работы использовались следующие методы исследования:

- Анализ документов – изучение нормативных актов, регламентирующих порядок обращения граждан, а также внутренней документации управы района Беговой.

- Сравнительный анализ – анализ опыта работы других цифровых платформ по взаимодействию с населением.

- Метод наблюдения – наблюдение за процессом обращения граждан в органы местного самоуправления, а также анализ работы сайта управы.

На основании анализа работы управы района Беговой было установлено, что одним из самых значимых проблемных аспектов является несоответствие сроков обработки обращений граждан нормативным требованиям. Согласно законодательству, обращение гражданина должно быть рассмотрено в течение 30 дней [4], однако на практике такие сроки часто нарушаются. Основными причинами этого являются перегрузка сотрудников отдела, недостаточная автоматизация процессов и отсутствие должного контроля за соблюдением сроков. Аналогичные выводы о несоблюдении правовых норм в процессе взаимодействия муниципальной власти с гражданами содержатся в работах российских авторов, например, в публикациях О.А. Ивановой [5] и С.Н. Петрова [6].

Избыточная бюрократизация, выявленная в данном исследовании напрямую коррелирует с данными, опубликованными Е.С. Ведяевой и

А.А. Гребенниковой [7]. Для того чтобы решить простейшую проблему, граждане часто вынуждены собирать многочисленные справки и документы, что значительно усложняет процесс. Авторы отмечают, что сложность административных процедур способствуют снижению доверия граждан к власти. Вдобавок, многие решения проходят несколько этапов согласования, что увеличивает время рассмотрения запроса. Предложения по автоматизации сбора документов и созданию единой системы взаимодействия и работы с обращениями граждан полностью согласуются с современными тенденциями, описанными А.Н. Скоковой в контексте развития платформы обратной связи [8]. Предлагаемая интеграция муниципальных сервисов в общегосударственные цифровые платформы, такие как «Госуслуги», очень важна для снижения административной нагрузки на граждан.

Следующая проблема заключается в неудобном интерфейсе официальных сайтов управ. Сложная навигация и устаревший дизайн сайтов затрудняют подачу запросов, особенно для пожилых граждан или тех, кто не имеет опыта работы с интернет-технологиями. Более того, отсутствие интеграции с городскими платформами, такими как «Госуслуги» или «Mos.ru», затрудняет процесс регистрации заявок. Анализ существующих проблем и выявление их причин обобщены в таблице 1.

На основе выявленных проблем были предложены такие направления для совершенствования взаимодействия с населением, как:

Оптимизация сроков обработки обращений – для снижения сроков обработки запросов необходимо изменить схему подачи обращений, добавив разделение направлений вопросов по направлению, интересующего гражданина (ЖКХиБ, юридические вопросы, вопросы торговли и услуг района и т.п.) для предварительного анализа и сортировки обращений. Это позволит сократить нагрузку на сотрудников и ускорить процесс принятия решений.

Типичные проблемы взаимодействия населения с органами муниципальной власти

Проблема	Описание	Возможная причина
Нарушение сроков обработки обращений	Рассмотрение обращений превышает установленные 30 дней	Перегрузка сотрудников, недостаточная автоматизация, слабый контроль
Избыточная бюрократизация	Необходимость сбора многочисленных справок для решения простых вопросов	Сложные внутренние процедуры, множественные этапы согласования
Неудобство официальных сайтов	Сложная навигация, устаревший дизайн, отсутствие интеграции с городскими порталами	Недостаточное внимание к UX/UI-дизайну и цифровизации
Отсутствие интеграции	Отсутствие единой системы авторизации через порталы типа «Госуслуги» или «Mos.ru»	Разрозненность информационных систем разных ведомств

Для минимизации бюрократических задержек следует упростить процедуры обработки заявок, а также автоматизировать сбор необходимых документов. Важно создать единую систему для взаимодействия граждан с различными государственными органами, а чтобы каждое обращение доходило до нужного подразделения намного быстрее, было предложено разделение обращений на категории.

Для улучшения удобства использования официальных сайтов управ рекомендуется провести их редизайн с учетом принципов современного UX/UI. Внедрение интуитивно понятных форм для подачи запросов, а также возможность авторизации через городские и федеральные порталы, такие как «Госуслуги», значительно упростит процесс взаимодействия граждан с муниципальными органами. UX/UI методы можно брать и с самих «Госуслуг». Оформляя сообщение в орган власти, необходимо указать регион пребывания, описать суть проблемы или предложения, по возможности прикрепить дополнительные материалы, выбрать категорию сообщения в классификаторе тем, указать адресата сообщения, отметить геолокацию проблемы, обозначить свой правовой статус (физическое или юридическое лицо), а перейдя к процессу отправки сообщения, ознакомиться и согласиться с правилами подачи сообщения.

Так же стоит брать пример с коммерчески-успешных организаций, такие как Яндекс, ВКонтакте, hh.ru, и другие. Высокий доход говорит об удобстве пользования сервисом со стороны клиента. В нашем случае, клиент – гражданин.

Как описывалось выше, важно интегрировать сайты управ с городскими сервисами, такими как «Mos.ru» и «Госуслуги», что позволит упростить процесс подачи запросов и ускорить обмен информацией. Система авторизации через эти платформы сократит время на заполнение необходимых данных и облегчит гражданам взаимодействие с муниципальной властью.

Внедрение системы уведомлений о статусе обращения через SMS, email или пуш-уведомления позволит гражданам быть в курсе всех этапов рассмотрения их запросов. Это повысит прозрачность работы органов муниципальной власти и снизит количество повторных обращений – важно сохранять контакт между населением и властью. Создание сквозного информационного пространства, в котором гражданин может отслеживать статус своего обращения на всех этапах, является действенным механизмом профилактики коррупции и бюрократических проволочек. Предложенные направления совершенствования взаимодействия населения с органами муниципальной власти и ожидаемый результат систематизированы в таблице 2.

Предложенные направления совершенствования взаимодействия населения с органами муниципальной власти

Направление совершенствования	Конкретные меры	Ожидаемый результат
Оптимизация сроков обработки	Внедрение предварительной сортировки обращений по категориям (ЖКХ, юридические вопросы и т.д.)	Снижение нагрузки на сотрудников, ускорение прохождения обращений
Снижение бюрократических барьеров	Упрощение процедур, автоматизация сбора документов, создание единой межведомственной системы	Упрощение процесса для граждан, сокращение времени на обработку
Улучшение цифровых интерфейсов	Редизайн сайтов по современным стандартам UX/UI, внедрение интуитивных форм подачи запросов	Повышение удобства для всех групп населения, включая малоподготовленных пользователей
Технологическая интеграция	Интеграция с порталами «Госуслуги» и «Mos.ru» для единой авторизации и обмена данными	Упрощение процесса подачи обращений, повышение прозрачности
Повышение прозрачности	Внедрение системы уведомлений (SMS, e-mail) о статусе рассмотрения обращения	Снижение количества повторных обращений, рост доверия к власти

Таким образом, в ходе исследования были выявлены ключевые проблемы взаимодействия населения с органами муниципальной власти, такие как длительные сроки обработки обращений, избыточная бюрократизация и неудобство подачи запросов через официальные сайты. Внедрение предложенных мер по улучшению цифровизации процессов, оптимизации сроков обработки запросов и улучшению интерфейсов

сайтов может значительно повысить эффективность работы управ и усилить доверие граждан к органам местного самоуправления.

Для дальнейшего улучшения работы муниципальных властей необходимо продолжить работу по внедрению инновационных решений в сфере электронного взаимодействия с населением, а также усилить контроль за соблюдением законодательных норм и стандартов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2025).
2. Постановление Правительства Москвы от 24.02.2010 № 157-ПП «Об утверждении Положения об управе района города Москвы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/11797220/> (дата обращения: 21.09.2025).
3. Приказ Департамента территориальных органов исполнительной власти города Москвы от 28.06.2016 № 19 «Об утверждении методических рекомендаций по работе с населением» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71494284/> (дата обращения: 07.09.2025).
4. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 12.09.2025).
5. **Иванова, О.А.** Обращения граждан как инструмент общественного контроля в системе местного самоуправления / О.А. Иванова // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2023. – № 1. – С. 12-16.

6. **Петров, С.Н.** Управление на основе данных (Data-Driven Government) в муниципальном управлении / С.Н. Петров // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 1. – № 2(118). – С. 44-51.
7. **Ведяева, Е. С.** Государственное и муниципальное управление : учебное пособие / Е. С. Ведяева, А. А. Гребенникова. – Саратов : Вузовское образование, 2019 – 166 с. – ISBN 978-5-4487-0499-4. – Текст: электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS : [сайт]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/82669.html>
8. Обращения граждан на Платформе обратной связи: от экспериментального внедрения до правового регулирования / А. Н. Скокова // Право. – 2023. – С. 80. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 11.09.2025).

УДК 159.9

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ГАРМОНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ

О.В. Матвеева, Л.В. Богуцкая

В статье представлена методика «БыЖиЧу» для диагностики и гармонизации внутреннего состояния личности. Рассмотрены философские и психологические основы, описана модель «фейдеров», даны расширенные таблицы оценки. Метод применим в консультативной, психотерапевтической и образовательной практике.

Ключевые слова: гармония личности, БыЖиЧу, внутренняя целостность, идентичность, диагностика, эмоциональная регуляция.

METHOD FOR ASSESSING THE HARMONIZATION OF THE PERSONALITY'S INTERNAL STATE

O.V. Matveeva, L.V. Bogutskaya

The article presents the “ByZhichu” method for assessing and harmonizing the personality's internal state. Philosophical and psychological foundations are discussed, the “fader” model is described, and extended evaluation tables are given. The method is applicable in counseling, psychotherapy, and educational practice.

Keywords: personality harmony, ByZhichu, inner integrity, identity, diagnostics, emotional regulation.

Современное общество предъявляет к личности высокие требования адаптации, устойчивости и гибкости. Однако стремительный ритм жизни, особенно в городах – миллионниках и множественность социальных ролей нередко приводят к внутренней дисгармонии. В ответ на этот вызов разрабатываются новые профилактические подходы, направленные на развитие внутренних ресурсов личности. Адаптируются методики и появляются новые методы работы.

В этой связи актуальным становится поиск интегративных подходов, позволяющих восстановить целостность личности. Одним из таких подходов является метод «БыЖиЧу», разработанный авторами как универсальная система гармонизации.

Актуальность исследования обусловлена современными проблемами дисбаланса между идентичностью, жизненными практиками и эмоциональной сферой личности, что приводит к кризисам, неврозам и выгоранию.

Научная новизна работы заключается в разработке интегративной методики «БыЖиЧу», позволяющей оценивать и гармонизировать внутреннее состояние личности через визуализированные оси и эмоциональные шкалы.

Цель исследования – создание практико-ориентированного инструмента диагностики внутреннего баланса. Объект исследования – личность человека.

Философские предпосылки гармонизации личности рассматриваются в трудах М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра и В. Франкла [6]. Гуманистическая психология (К. Роджерс, А. Маслоу) подчеркивает важность конгруэнтности и самоактуализации [1–2]. Современные концепции жизнестойкости и эмоциональной регуляции (Д.А. Леонтьев, Р. Плутчик) дополняют модель, создавая междисциплинарный фундамент методики «БыЖиЧу» [4–5].

Теоретическая модель строится на трех осях: Быть, Жить, Чувствовать.

Категория «Быть» связана с проблематикой идентичности, самости и подлинного су-

ществования (М. Хайдеггер, К. Роджерс). Она отражает процесс обретения целостности и аутентичности. Категория «Жить» связана с самоактуализацией (А. Маслоу), поиском смысла (В. Франкл), построением связей с другими людьми и социумом. Категория «Чувствовать» отражает эмоциональную сферу личности, регуляцию и выражение чувств, что опирается на модель эмоций Р. Плутчика и исследования эмоционального интеллекта.

В совокупности эти три оси формируют целостную структуру личности. Дисбаланс хотя бы одной из них ведёт к нарушению гармонии, что проявляется в кризисах идентичности, эмоциональной блокировке или потере смысла жизни.

В качестве методологической основы методики взята метафора – «фейдеры диджейского пульта», где каждая ось – Быть, – Жить, – Чувствовать имеет свой регулятор. Психологическая работа направлена на гармоничное выстраивание этих регуляторов.

Таким образом, методика сочетает в себе элементы гештальт-терапии, лого терапии и позитивной психологии, но при этом сохраняет авторскую целостность.

В методике встроены несколько практических инструментов:

1. Таблицы выражения эмоций – позволяют клиенту отследить способы проявления радости, злости, печали, страха, вины и стыда через телесные, поведенческие, символические и вербальные формы.

2. МАК-карты и трансформационная игра «БыЖиЧу» – создают пространство для рефлексии и безопасного экспериментирования с идентичностью, жизненными сценариями и эмоциями.

Метод ассоциативных карт (МАК) в рамках подхода «БыЖиЧу» используется как инструмент проективной диагностики и рефлексивной работы с внутренними состояниями. Каждая карта отражает одно из ключевых измерений модели – «Быть», «Жить» или «Чувство-

вать» – и визуализирует определённый аспект идентичности, жизненной позиции или эмоционального опыта.

Работа с картами проводится в индивидуальном или групповом формате и направлена на активизацию латентных смыслов, осознание внутренних противоречий и восстановление целостного восприятия себя. Клиенту предлагается выбрать изображения, которые наиболее точно резонируют с его текущим состоянием, после чего психолог помогает раскрыть их символическое значение через наводящие вопросы. Всего в колоде 33 карты.

Примером может служить сессия, в ходе которой клиент, выбрав карту «Путь», осознаёт несоответствие между своими глубинными ценностями (ось «Быть») и текущими действиями (ось «Жить»). Такая работа активизирует процесс самопознания, способствует интеграции подавленных чувств и формированию внутренней согласованности.

Таким образом, МАК-карты «БыЖиЧу» выполняют диагностическую, терапевтическую и развивающую функции, создавая безопасное пространство для мягкого исследования идентичности и эмоциональной сферы.

Трансформационная игра «БыЖиЧу» является авторской разработкой, представляющей собой структурированную метафорическую модель жизненного пути личности. Игровое поле построено по принципу трёх осей метода: «Быть» – как ось самоидентификации, «Жить» – как ось действий и реализации, «Чувствовать» – как ось эмоционального переживания.

Игра используется как интерактивный инструмент психотерапевтической и образовательной практики, позволяющий участнику в символической форме прожить внутренние конфликты, исследовать жизненные сценарии и протестировать новые модели поведения.

Каждый игровой ход сопровождается вопросами, направленными на осознание текуще-

го уровня гармонизации и выявление зон внутреннего напряжения. Особенностью игры является возможность «настроить фейдеры» – то есть отрегулировать баланс между тремя осями, что способствует формированию субъективного чувства целостности и психологического благополучия.

В процессе групповой игры формируется атмосфера поддержки и принятия, что делает возможным безопасное проявление эмоций и глубокую рефлексивность. Практический опыт показывает, что участие в игре способствует снижению уровня внутренней тревоги, росту жизнестойкости и формированию навыков эмоциональной регуляции.

Таким образом, трансформационная игра «БыЖиЧу» является эффективным средством интеграции личного опыта, профилактики эмоционального выгорания и развития способности к осознанному взаимодействию с собой и другими.

3. Вопросники «Быть», «Жить», «Чувствовать» – 150 вопросов для глубокой саморефлексии. Данные вопросы используются для ведения личного дневника, а также как помощник при работе с психологом.

4. Упражнения для работы с эмоциями – например, «Расчленёнка» и техника символического выражения чувств.

5. Простые, ежедневные практики – упражнения для оценки своего состояния и его корректировки. Например, упражнение «Три точки опоры»:

- БЫТЬ. Назовите про себя (или вслух) 3 факта о себе, которые не зависят от других. (Пример: «Я умею готовить суп», «Я прочел эту книгу», «Мои глаза – карие»).

- ЖИТЬ. Сосредоточьтесь на дыхании. Сделайте 3 осознанных вдоха и выдоха.

Почувствуйте, как воздух наполняет вас и покидает – это и есть жизнь в чистом виде.

- ЧУВСТВОВАТЬ. Прислушайтесь к телу. Что вы чувствуете физически? (Пример: «Я чувствую прохладу от чашки», «Я чувствую мягкость свитера», «Я чувствую напряжение в плечах»).

В практике часто встречаются клиенты, утратившие чувство собственной аутентичности. Один из случаев – работа с клиенткой, которая испытывала сильную вину и блокировку чувств после утраты близкого человека. Использование вопросов блока «Чувствовать», и работа с МАК-картами помогли ей осознать подавленные эмоции и безопасно их выразить. В результате снизилась интенсивность телесных симптомов (бессонница, головные боли), а также восстановилось чувство жизненной энергии.

Таким образом, методика «БыЖиЧу» включает:

1. Визуализированную модель «фейдеров», где оси «Быть», «Жить» и «Чувствовать» оцениваются по 5-балльной шкале.

2. Расширенные таблицы оценки эмоциональной сферы по модели Р. Плутчика.

3. Схему гармонизации личности, интегрирующую философские и психологические аспекты.

Методика «БыЖиЧу» представляет собой интегративный инструмент диагностики и гармонизации внутреннего состояния личности. Использование визуальных моделей и шкал делает процесс наглядным, что обеспечивает применение в консультативной, психотерапевтической и образовательной практике. Дальнейшие исследования могут быть направлены на апробацию методики с различными возрастными группами и профессиональными категориями.

Таблица 1.

Оценка гармонизации по осям БыЖиЧу

Ось	Критерии	Баллы (1–5)	Интерпретация
Быть	идентичность, ценности, устойчивость	1–5	слабая – сильная опора
Жить	активность, цели, социум	1–5	апатия – динамичность
Чувствовать	осознанность и выражение эмоций	1–5	блокировка – открытость

Источник: (составлено авторами)

Таблица 2.

Эмоциональная шкала (по модели Плутчика)

Эмоция	Проживание (1–5)	Выражение (1–5)	Способ выражения
Радость	4	4	вербальный, поведенческий
Гнев	2	1	телесный (подавленный)
Печаль	3	2	символический
Страх	2	3	телесный
Вина	3	2	внутренняя рефлексия
Стыд	2	1	избегание

Источник: (составлено авторами)

Список литературы

1. Роджерс, К. Становление личности. – М.: Прогресс, 1994. – 480 с.
2. Маслоу, А. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1997. – 478 с.
3. Франкл, В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
4. Леонтьев, Д.А. Психология смысла. – М.: Смысл, 2003. – 486 с.
5. Plutchik, R. Emotions and Life. – Washington: APA, 2003. – 324 p.
6. Хайдеггер, М. Бытие и время. – М.: Республика, 1997. – 452 с.
7. Мэй, Р. Смысл тревоги. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. – 272 с.

УДК 159.99

ДИНАМИКА НЕГАТИВНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА В СИТУАЦИЯХ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ИСХОДОМ

О.С. Михно, К.Н. Баулина

В статье представлены результаты исследования динамики негативных психических состояний курсантов военного вуза в ситуациях учебной деятельности с неопределенным исходом. В современном военном образовании важную роль играет психическое состояние военнослужащих (курсантов) и факторы, которые могут повлиять на успешность их учебной и профессиональной деятельности.

Ключевые слова: учебная деятельность, негативные психические состояния, курсанты военного вуза, ситуации с неопределенным исходом, экзаменационная сессия.

DYNAMICS OF NEGATIVE MENTAL STATES OF CADETS OF A MILITARY UNIVERSITY IN SITUATIONS OF EDUCATIONAL ACTIVITIES WITH AN UNCERTAIN OUTCOME

O.S. Mikhno, K.N. Baulina

The article presents the results of a study of the dynamics of negative mental states of military university cadets in situations of educational activities with an uncertain outcome. In modern military education, an important role is played by the mental state of military personnel (cadets) and factors that can affect the success of their educational and professional activities.

Keywords: educational activity, negative mental states, military university cadets, situations with uncertain outcome, examination session.

Проблема психических состояний курсантов имеет важное практическое значение. Ряд современных исследований свидетельствуют о том, что в последние годы наметилась тенденция расширения спектра и возрастания интенсивности негативных психических состояний у военнослужащих [1, С.285; 2, С.128], которые могут оказывать существенное влияние на их работоспособность, профессиональные навыки и общее благополучие.

Проблема психических состояний широко представлена в науке. Она получила разработку в трудах ряда известных психологов (Л. Г. Дикая, Е. Г. Ильин, А.Б. Леонова, В. Л. Марищук и др.). В этих исследованиях представлены закономерности, описывающие психические состояния работающего человека и особенности их регуляции, а также раскрыта зависимость успеш-

ности профессиональной деятельности субъекта от его физического и психического здоровья [1, С. 290; 3, С.23]

В настоящее время отсутствует единое определение психических состояний, но, вместе с тем, выделяют системность и многоуровневость их характеристик, зависимость от внешних и внутренних факторов, например, от неопределенности, экстремальности ситуации, или риска. Психические состояния трактуются как система выраженных в значимой ситуации психических свойств и функций, особенности проявления которых, соотносятся с целями деятельности и условиями ситуации [4, С.112].

Как феномен негативные психические состояния личности рассматривались В. Г. Асеевым, Б.С. Братусем, Р. Мэем и др. [1, С.286]. В работах Дж. Тернера, Х. Ремшмидта, Д.Н. Уз-

надзе понятие негативизма раскрывается как личностная черта, как ситуативная реакция и как установка личности; как амбивалентность личности негативные состояния рассматривались А.В. Брушлинским, К. Леонгардом, Я.М. Райской, К.Н. Поливановой и др. [3, С.24; 5, С.150]. Также негативные психические состояния в отдельных научных трудах представлены как дистрессовые, кризисные состояния, аффекты, состояния тревожности (тревоги) и страха, фрустрационные состояния, состояния агрессии и пр. [1, С.287; 2, С.132]

В трудах М.И. Дьяченко, М.А. Котика, Л.В. Кулакова, К.К. Платонова, М.П. Коробейникова, В.Л. Марищука рассматривается влияние негативных психических состояний на успешность и эффективность профессиональной деятельности в ситуациях, связанных с неопределенностью и риском [5, С.150; 6, С.29]. Особенности проявления негативных психических состояний в воинской среде и их последствия для деятельности военнослужащих исследовали А.Я. Анцупов, М.И. Дьяченко, Л.Ф. Железняк, П.А. Корчемный, А.Г. Караяни, С.И. Съедин, Н.Ф. Феденко [7, С.478; 4, С.122].

Актуальность данной темы обусловлена не только растущими требованиями к подготовке военных кадров, но и необходимостью разработки методов психологической поддержки курсантов. Понимание причин возникновения и динамики негативных психических состояний позволит разработать системные подходы к профилактике и коррекции данных явлений для повышения качества военного образования.

Объектом исследования являются негативные психические состояния курсантов.

Предмет исследования: динамика негативных психических состояний курсантов в ситуациях учебной деятельности с неопределенным исходом.

Цель исследования: выявить динамику негативных психических состояний курсантов в

ходе экзаменационной сессии (представленной в качестве учебной деятельности с неопределенным исходом).

Гипотеза исследования: психические состояния курсантов в период сдачи экзаменационной сессии (как в учебной деятельности с неопределенным исходом) выражаются в преобладании негативной модальности. Динамика психических состояний, связанных с учебной деятельностью с неопределенным исходом, имеет свои полоролевые особенности: у курсантов женского пола состояния негативной модальности имеют большую выраженность, чем у курсантов мужского пола.

В ходе исследования использовалась методика Л.В. Куликова «Определение актуального состояния».

Для сравнения значимых различий в группах курсантов мужского пола и женского пола применялся непараметрический U-критерий Манна-Уитни, для выявления динамики состояний в группах после трех замеров (до экзаменационной сессии, во время и после экзаменационной сессии) – χ^2 -Фридмана.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В таблице 1 представлены результаты сравнения показателей по методике «Актуальное состояние» Л.В. Кулакова в двух группах на разных этапах эмпирического исследования (за 2 недели до экзаменационной сессии, во время экзаменационной сессии, и через неделю после экзаменационной сессии).

Анализ результатов показал, что на первом этапе исследования между двумя группами по методике «Актуальное состояние» значимых различий не обнаружено. Можно сделать вывод, что у большинства курсантов в двух группах за 2 недели до экзаменационной сессии общее физиологическое состояние организма оценивается как хорошее и отличное, актуальный энергетический жизненный потенциал – на среднем

Таблица 1.

**Описательная статистика и сравнение показателей по методике «Актуальное состояние»
на разных этапах эмпирического исследования**

Критерии	Средние значения в группе курсантов мужского пола	Средние значения в группе курсантов женского пола	U – критерий Манна-Уитни	Уровень значимости (p)
Первый этап исследования (за две недели до экзаменационной сессии)				
Активация	47,6	47,1	146	,769
Тонус	49,1	50,7	142	,869
Спокойствие	52,1	51,4	149	,776
Возбуждение	45,9	49,7	147	,843
Второй этап исследования (во время экзаменационной сессии)				
Активация	59,5	65,8	202,5	,001
Тонус	62,3	66,8	147,5	,284
Спокойствие	47,8	39,2	328,5	,004
Возбуждение	50,4	62,1	396,3	,001
Третий этап исследования (через неделю после экзаменационной сессии)				
Активация	39,5	45,2	321,5	,001
Тонус	50,1	52,3	101,5	,466
Спокойствие	42,8	40,2	102,5	,102
Возбуждение	36,4	45,1	428,1	,001

уровне. Условия жизнедеятельности эмоционально воспринимаются курсантами в обеих группах в большей степени как благоприятные. У некоторых военнослужащих выявлены признаки утомления, общее физиологическое состояние организма военнослужащих в обеих группах удовлетворительное, актуальный жизненный потенциал выражен ниже среднего уровня.

Анализ результатов во время экзаменационной сессии показал значимые различия между двумя группами по шкалам активация – средние значения 59,5 в группе курсантов мужского пола и 65,8 в группе курсантов женского пола ($U_{\text{эмп}}=202,5$ при $p \leq 0,001$), спокойствие – средние значения 47,8 и 39,2 ($U_{\text{эмп}}=328,5$ при $p \leq 0,004$) соответственно, возбуждение – средние значения 50,4 и 62,1 ($U_{\text{эмп}}=396,3$ при $p \leq 0,001$) соответственно. Можно сделать вывод, что между показателями негативных состояний у курсантов мужского и женского пола существуют значимые различия в уровнях активации, спокойствия и возбуждения. Курсанты женского

пола более активизированы, нацелены на достижение цели, но при этом менее спокойны и больше возбуждены.

Анализ результатов на третьем этапе эмпирического исследования (после экзаменационной сессии) показал значимые различия между показателями двух групп по шкалам активация – средние значения 39,5 в группе курсантов мужского пола и 45,2 в группе курсантов женского пола ($U_{\text{эмп}}=321,5$ при $p \leq 0,001$), возбуждение – средние значения 36,4 и 45,1 ($U_{\text{эмп}}=428,1$ при $p \leq 0,001$) соответственно. Полученные данные свидетельствуют о различных подходах к стрессу, эмоциональной регуляции или уровням вовлеченности в учебный процесс у курсантов разного пола.

Далее был проведен сравнительный анализ актуального состояния курсантов в двух группах на протяжении всего периода исследования. Для сравнения полученных результатов полученных в трех замерах применялся критерий χ^2 Фридмана (таблица 2).

Таблица 2.

Динамика показателей по методике «Актуальное состояние» в группе курсантов мужского пола

Критерии	За неделю до сдачи ЭС	Во время сдачи ЭС	Через неделю после сдачи ЭС	χ^2 -Фридмана	Уровень значимости (p)
Активация	47,6	59,5	39,5	17,2	,000
Тонус	49,1	62,3	50,1	19,4	,002
Спокойствие	52,1	47,8	42,8	15,3	,002
Возбуждение	45,9	50,4	36,4	22,6	,000

Анализ результатов показал, что у курсантов мужского пола динамика наблюдается по всем измеряемым параметрам: активации – средние значения 47,6 баллов, 59,5 баллов, 39,5 баллов (χ^2 -Фридмана – 17,2 при $p \leq 0,001$); тонусе – средние значения 49,1 балл, 62,3 балла, 50,1 балл (χ^2 -Фридмана – 19,4 при $p \leq 0,002$), спокойствие – средние значения 52,1, 47,8 и 42,8 (χ^2 -Фридмана – 15,3 при $p \leq 0,002$), возбуждение – средние значения 45,9, 50,4, 36,4 (χ^2 -Фридмана – 22,6 при $p \leq 0,001$). Можно сделать вывод, что все четыре состояния показывают статистически значимые изменения ($p < 0,05$), что говорит о том, что условия или факторы, которые были исследованы, действительно влияют на психическое состояние курсантов мужского пола.

В таблице 3 представлена динамика состояний курсантов женского пола на разных этапах.

Результаты демонстрируют, что у курсантов женского пола также наблюдается динамика по всем измеряемым параметрам: активации – средние значения 47,1 балл, 65,8 баллов,

45,2 балла (χ^2 -Фридмана – 28,4 при $p \leq 0,001$); тонусе – средние значения 50,7 баллов, 66,8 балла, 52,3 балл (χ^2 -Фридмана – 18,1 при $p \leq 0,012$), спокойствие – средние значения 51,4, 39,2 и 40,2 (χ^2 -Фридмана – 25,3 при $p \leq 0,002$), возбуждение – средние значения 49,7, 62,1, 45,1 (χ^2 -Фридмана – 32,6 при $p \leq 0,001$). Следовательно, в группе курсантов женского пола все четыре состояния также показывают статистически значимые изменения ($p < 0,05$).

Таким образом, гипотеза исследования о том, что психические состояния курсантов в период сдачи экзаменационной сессии (представленной в качестве учебной деятельности с неопределенным исходом) выражаются в преобладании негативной модальности, подтвердилась. Также было выявлено, что динамика психических состояний, связанных с учебной деятельностью, имеет свои полоролевые особенности: у курсантов женского пола негативные состояния проявляются выше, чем у курсантов мужского пола.

Таблица 3.

Динамика показателей по методике «Актуальное состояние» в группе курсантов женского пола

Критерии	За неделю до сдачи ЭС	Во время сдачи ЭС	Через неделю после сдачи ЭС	χ^2 -Фридмана	Уровень значимости (p)
Активация	47,1	65,8	45,2	28,4	,000
Тонус	50,7	66,8	52,3	18,1	,012
Спокойствие	51,4	39,2	40,2	25,3	,000
Возбуждение	49,7	62,1	45,1	32,6	,000

Список литературы

1. **Корчемный П.А., Алиева С.Я., Гнездилов Г.В.** Деятельность психолога по преодолению отрицательных психических состояний военнослужащих методами саморегуляции в мирной и боевой обстановке // Человеческий капитал. – 2023. – № 11-1 (179). – С. 285-295.
2. **Алехин И.А., Сливин Т.С.** О взаимосвязи психических состояний, психических процессов и свойств личности военнослужащих в условиях их профессиональной деятельности // Мир образования – образование в мире. – М. – №1 (16) – 2016. – С. 126 – 132.
3. **Кутелев Г.М., Зайцев А.Г., Смуров А.В., Савостиков А.А., Симакина О.Е.** Психические состояния как индикатор профессиональной адаптации военнослужащих ВМФ // Морская медицина. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 20-26.
4. **Зайцев А.Г., Забродский Д.С., Сошкин П.А., Сазонов Ю.В.** Комплексное исследование и оптимизация личностного развития курсантов военного вуза // В сборнике: Прикладные вопросы военной медицины. Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2021. – С. 111-118.
5. **Соколова В.С., Сперанская А.В.** Источники негативных переживаний трудностей курсантами ведомственного вуза//В сборнике: Актуальные проблемы права, психологии и педагогики: взгляд молодежи. Сборник научных статей обучающихся ВИПЭ ФСИН России. Под общей редакцией В.Н. Некрасова. – Вологда, 2022. – С. 149-152.
6. **Ярчиковская Л.В., Шаронова А.В., Устинова О.Н., Кривошеков В.Г.** Управление предэкзаменационным состоянием студенток средствами и методами физического воспитания // Теория и практика физической культуры. – 2020. – № 6. – С. 29-31.
7. **Авдиенко Г.Ю.** Социально-психологическая комфортность курсантов в образовательной среде вуза и сохранение ее на оптимальном уровне в период экзаменационной сессии//Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2020. – № 10 (188). – С. 475-480.

МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ГРУППЫ КОМПАНИЙ

Р.А. Новиков, А.А. Новиков

В статье авторы раскрывают актуальность темы исследования, связанную с тем, что для ряда секторов и сфер экономики достижение реального роста становится возможно за счет масштабирования через объединения компаний и бизнеса. Авторы рассматривают особенности объединений в форме групп компаний (ГК), выделяют цели и ключевые принципы такого объединения, обосновывают эффективность ГК, указывают на создание новых управленческих моделей, формулируют общие выводы.

Ключевые слова: группа компаний, модели управления, вертикальная интеграция, горизонтальная интеграция, управленческая иерархия.

MODELS OF CONSTRUCTING THE ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF A MODERN GROUP OF COMPANIES

R.A. Novikov, A.A. Novikov

In the article, the authors reveal the relevance of the research topic, which is related to the fact that for a few sectors and areas of the economy, achieving real growth becomes possible through scaling up through the unification of companies and businesses. The authors consider the features of unification in the form of groups of companies (GoC), identify the goals and key principles of such unification, substantiate the effectiveness of GoC, point out the creation of new management models, and formulate general conclusions.

Keywords: group of companies, management models, vertical integration, horizontal integration, management hierarchy.

В современной конкурентной среде одним из направлений укрепления позиций на рынке является интеграция предприятий, то есть слияние, объединение, создание группы компаний (предприятий) для достижения общих целей. Формы интеграции зависят от схожести деятельности, характера взаимодействия и конечных целей. Зачастую объединение усилий, построенные на определенных принципах, дают реальный рост за счет синергетического эффекта. Но в то же время, объединения предполагают и управленческую трансформацию. Таким образом, представляется целесообразным рассмотреть особенности и принципы создания групп компаний, на основе которых происходит формирование новых управленческих моделей.

Основная часть. В практике интеграционных объединений предприятий выделяются,

в первую очередь, вертикальные и горизонтальные формы интеграции.

При вертикальной интеграции компании работают в одной отрасли, но находятся на разных этапах производственной цепочки, а созданная структура делает производственные процессы и издержки более контролируемыми. Например, организация производит готовую продукцию сельскохозяйственного производства. И если ранее она закупала сырье и сотрудничала с поставщиками, так как отрасль одна, но предприятия находятся на разных этапах цепочки производства, то в рамках вертикальной интеграции создается группа компаний, куда входят все звенья производственной цепочки. [1]

Горизонтальные интеграции означают, что организации из группы работают в похожих или смежных областях. Объединение позволяет со-

кращать издержки, эффективнее пользоваться доступными ресурсами. Ярким примером выступают объединения медицинских или строительных компаний. Организации могут работать в смежных областях, но для некоторых производственных процессов закупать одно сырьё или пользоваться одинаковыми услугами (например, лабораториями). [2]

Таким образом, группа интегрированных компаний позволяет расширить географию бизнеса, сократить издержки и риски, улучшить информационную базу и привлечь больше инвестиций для развития.

Говоря о понятийном аппарате, следует отметить, что синонимом понятия «группа компаний» не является понятие «холдинг». Ключевое отличие состоит в том, что в группах компаний не происходит поглощения, а объединения могут носить неформальный характер, в то время как в холдинге происходит трансформация структуры на головную и дочерние. Следует также обозначить, что нормативно-правовая литература не выделяет понятия «группа компаний», но оно присуще деловой лексике и практике, предполагая, что один человек или группа лиц могут влиять на решения и деятельность нескольких организаций. [3]

В западных странах такие объединенные общества традиционно называют корпорациями, представляющими собой правовую форму бизнеса, обязательно имеющую статус юридического лица.

Объединение или укрупнение компаний зачастую является естественным этапом развития, интегрируя не просто организации, но и города, регионы или страны, обобщая ресурсы, позволяя расширить ассортимент и задавая потребителям новые критерии. Сокращение издержек при объединении компаний позволяет увеличивать прибыль последних. [4]

Кроме того, диверсификация капитала внутри групп объединённых компаний, делает преодоление отраслевых и иных кризисов менее

болезненным, снижая риски. А ресурсы одной компании могут быть привлечены при необходимости или в кризисных ситуациях в другую компанию. [5]

Объединение ресурсов также расширяет компетенции группы компаний, позволяя реализовывать крупные амбициозные проекты или создавать общую информационную базу совместно с управленческой оптимизацией, когда единое руководство может создать регламентированную систему бизнес-процессов, что сокращает временные и иные затраты, упорядочивая действия сотрудников и, соответственно, повышая эффективность. [6]

Более благоприятным становится и инвестиционный климат объединенных компаний. Так, если ранее отдельные компании имели положительную динамику развития, то при объединении ГК становится еще более привлекательной для инвесторов. [7]

Важно отметить, что с точки зрения налоговых обязательств объединенная компания не является собой дробление бизнеса, так как каждая единица создана с экономическим обоснованием. [8] С этих позиций ГК не является сомнительной конфигурацией ведения бизнеса и является абсолютно правомерной формой его существования, не предполагающий скрытые мотивы ухода от налогов, а наоборот, обусловленной реальными экономическими потребностями развития предпринимательской деятельности.

Несмотря на очевидные преимущества объединенных компаний, данные структуры имеют и свои слабые позиции: сложности управления масштабной единой структурой, потеря гибкости, а также необходимость принятия новых нестандартных решений.

К ключевым принципам, лежащим в основе создания и функционирования групп компаний следует отнести такие, как добровольность, независимость, свобода (участники сохраняют статус и права); взаимный интерес и совладение

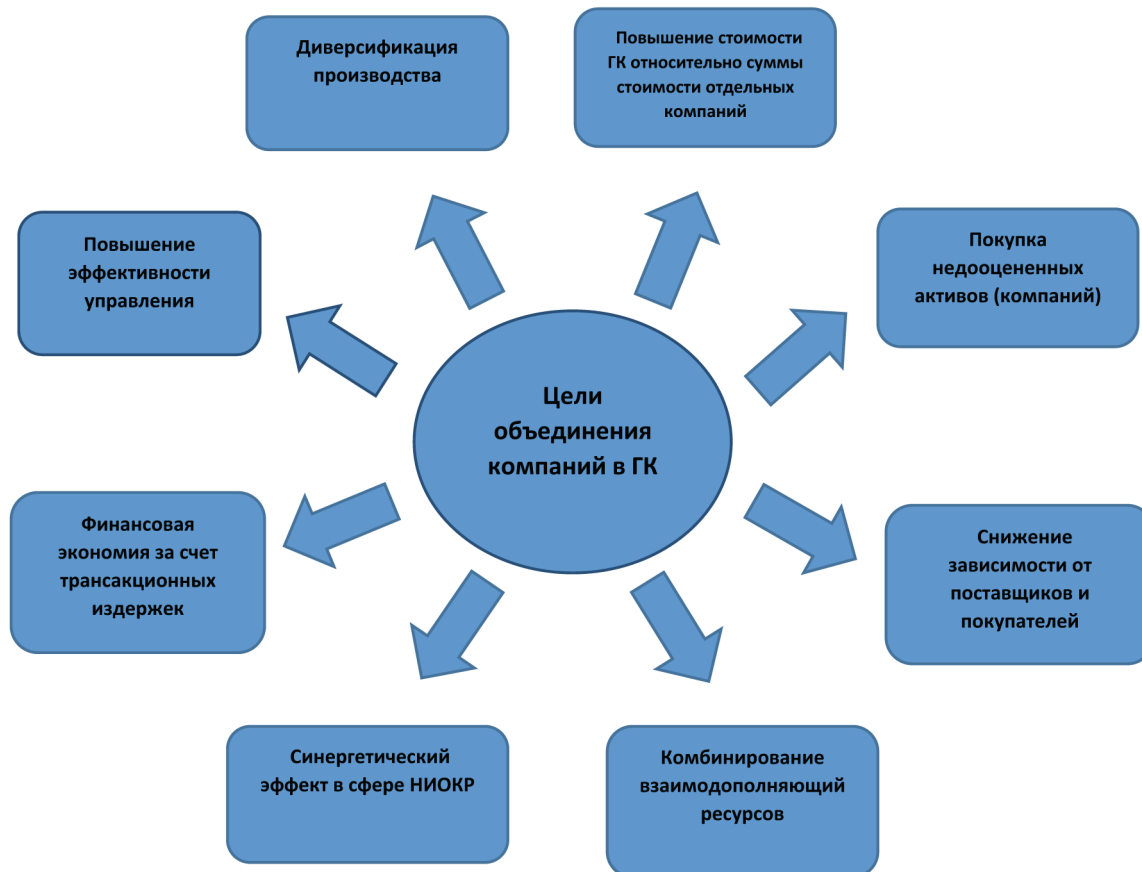

Рисунок 1. Цели объединения компаний в ГК
Источник: составлено авторами на основе [2], [4], [5]

Рисунок 2. Критерии и цели объединения бизнеса
Источник: составлено авторами на основе [2], [4], [5]

по целям; конкуренция при вхождении; свобода выхода; коллективные обязательства; взаимодополняемость; информационная открытость и прозрачность; взаимозаменяемость и дополняемость производственных мощностей; коллективное использование материально-технической и интеллектуальной базы. [6, 8]

Данные принципы являются основополагающими в функционировании ГК, и когда каждая входящая в состав группы структура их придерживается, то происходит достижение еще одной очень важной цели – трансформация мышления менеджеров и специалистов. Таким образом, если ранее рост сотрудников главным образом был связан со стремлением к более высокому уровню в иерархии компании, то эффективная работа в горизонтальных проекциях концептуально меняет подход к росту и повышению доходов работников ГК.

Отталкиваясь от вышесказанного и переходя к вопросам управления внутри группы компаний, следует отметить, что организационная структура ГК будет зависеть, в первую очередь, от формы объединений, структуры и состава.

В состав ГК могут входить совершенно разные предприятия: это и малые формы бизнеса, реализующие услуги или узкие работы; это и организации, генерирующие разработки, новые знания и технологии; это и предприятия сферы инфраструктуры (строительство, ремонт, транспорт и т.д.).

Принципы, цели, структура ГК существенным образом преобразуют менеджмент, делая его горизонтально «сквозным», снижая степень влияния границ и барьеров во взаимодействии предприятий. В результате формируется новый управленческий орган, отвечающий за координацию и взаимодействие всей структуры ГК. То есть, формируется ядро руководителей по общим направлениям, к которым относятся персонал, стратегия развития группы, финансы, производственная кооперация и т.д.

Формирование подобного ядра во много упрощает структуру уровней управления, когда между высшим звеном и работниками находится не более трех или четырех уровней.

Помимо данного ядра, другие подразделения, входящие в ГК предприятий, также могут

Таблица 1.

Ключевые принципы создания и функционирования ГК

Принцип	Суть
Добровольность	Несколько предприятий добровольно создают группу компаний для обеспечения синергетического хозяйственного и экономического эффекта от совместной деятельности.
Свобода и самостоятельность	Возможность разделения функционала и ответственности в рамках ГК. Например, одна компания занимается маркетингом и рекламой, другая – логистикой и транспортировкой.
Взаимные цели	Объединение ресурсов, снижение налоговых издержек, разделение рисков, общая финансовая и инвестиционная политика, масштабирование бизнеса.
Информационная открытость и прозрачность	Создание группы компаний дает возможность участникам группы использовать для достижения общих целей различные компетенции и ресурсы друг друга, иметь общие базы знаний, корпоративные университеты, единые принципы и стандарты взаимодействия и сотрудничества.

Источник: составлено авторами

объединяться в группы для разработки и решения задач по ключевым проблемам.

Особое внимание в горизонтально интегрированной группе компаний, где предприятия сохраняют за собой самостоятельность, следует уделить финансовой отчетности, где главной задачей выступает обеспечение гарантированного доступа заинтересованным пользователям к качественной, надежной и сопоставимой информации о группе хозяйствующих субъектов. [9, 10]

В качестве актуального примера горизонтальной интеграции и объединение в группы компаний является коммерческая медицинская сфера как альтернатива государственной. Например, группа компаний «Медскан» объединяет 65 медицинских центров, 431 лабораторных офисов и 31 регион. При этом группа компаний входит в контур управления Госкорпорации «Росатом», а лидером по темпам роста является клиника Медскан Nadassah в Сколково. [11, 12] Важно отметить, что для ГК «Медскан» стратегия по увеличению доли рынка реализуется за счет активного масштабирования в регионах России, покупки, продажи и объединения бизнесов. Так, к примеру, за 2023 г. показатель EBITDA вырос более чем в 12 раз, достигнув 3,3 млрд. рублей, рентабельность по EBITDA – на уровне 15%, а выручка увеличилась в 4 раза. [11, 12].

Два ключевых направления предприятий, входящих в ГК «Медскан» – это медицинские услуги и лабораторные исследования. Их объе-

динение создает синергию и дает возможность в регионах развивать медицинские кластеры, обеспечивая рост выручки не столько за счет инфляции, сколько за счет реального развития.

Пример данного кейса наглядно иллюстрирует преимущества горизонтальной интеграции предприятий, благодаря чему бизнес ГК «Медскан» растет быстрее рынка частных медицинских услуг в целом, где обороты в год в среднем, по оценкам различных источников, увеличиваются на 15-17 %.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов. В первую очередь, с теоретической точки зрения группа компаний не предполагает формальных структурных юридических преобразований и предполагает горизонтальный принцип интеграции. В практике иногда в практике используется термин группа компаний, но по факту происходит слияние или поглощение за счет покупки бизнеса и перехода прав собственности. Это означает создание новой компании как новой единицы в имеющейся группе компаний.

Выделенный в работе ряд принципов, на основании которых происходит объединений компаний позволяет трансформировать не только структуры управления, но, в первую очередь, и мышление, продуцируя, тем самым горизонтальное развитие, «сквозной менеджмент», ядро управленцев, упрощение структуры управления, а также формирование отдельных групп для решения стратегических задач.

Список литературы

1. **Шмакова Н. Н.** Интегрированные корпоративные структуры в экономике российской федерации // Научные исследования XXI века. 2020. №4 (6) С. 79-97.
2. **Жиглухина О.Г.** Об идентификации понятия «группа компаний» и их место в интегрированных структурах / О.Г. Жиглухина, О.Л. Михалева //2021. № 2. С. 79-82.
3. **Ефимцева Т.В., Летута Т.В.** Гражданско-правовой статус предпринимательских объединений в условиях гармонизации европейского и российского законодательства / Т.В. Ефимцева, Т.В. Летута // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 1. С. 50–66.
4. **Комаева Л.Э.** Некоторые особенности влияния горизонтальных бизнес-групп на устойчивость функционирования предприятий и экономику региона. / Л.Э.Комаева, М.Р. Дзгоева. // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал, 2015 № 2 – С. 234–237.
5. Создание группы компаний: зачем это бизнесу URL: <https://kontur.ru/articles/5546>

6. **Боровиков А.Д.** Принципы организации и структура системы управления компанией холдингового типа / А.Д. Боровиков, О. А. Смоляков // Управление. 2019. № 3. С. 54–62.
7. **Гаранина С.А.** Инструменты финансового рынка для управления денежным потоком в группе компаний // Научный журнал «управленческий учет» 2024. №2. С. 205-211.
8. **Короткова Я. И.** Экономический анализ нормативного регулирования взаимодействия компаний на внутренних рынках капитала бизнес-групп // Корпоративное управление С. 218-235
9. Деликтная ответственность группы компаний. URL: <https://ao-journal.ru/deliktnaya-otvetstvennost-gruppi-kompaniy>
10. **Бабалыкова И.А.** Особенности формирования финансовой отчетности группы компаний // Естественно-гуманитарные исследования № 3 (53), 2024 С. 29-32.
11. **Леонова Л.А.** Проблемы учета контроля деятельности интегрированных бизнес-групп // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2019. № 1. С. 55-62.
12. Группа компаний «Медскан». Сайт. URL: <https://medscangroup.ru>
13. Государственное информационное агентство. ТАСС URL: <https://tass.ru/ekonomika/21250821>

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И МЕДИЙНЫЙ ФЕНОМЕН

Н.А. Филиппов

В статье рассматривается феномен благотворительности как сложное социально-коммуникативное явление, объединяющее гуманитарные, культурные и медийные аспекты. Особое внимание уделено институциональным и медийным функциям благотворительности, её роли в формировании общественного доверия и репрезентации в медианпространстве современной России. Показано, что медиатизация благотворительности способствует изменению способов восприятия НКО, формированию новых форм гражданского участия и коммуникации между обществом и социальными институтами.

Ключевые слова: благотворительность, медиадискурс, доверие, НКО, медиатизация, социальные медиа.

CHARITY AS SOCIAL AND MEDIA PHENOMENON

N.A. Filippov

The article examines charity as a complex socio-communicative phenomenon that integrates humanitarian, cultural, and media dimensions. Special attention is paid to the institutional and media functions of charity, its role in shaping public trust, and its representation in the media space of modern Russia. It is shown that the mediatization of charity changes the ways NGOs are perceived, forming new models of civic engagement and communication between society and social institutions.

Keywords: charity, media discourse, trust, NGOs, mediatization, social media.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире благотворительность как явление приобретает всё более комплексный характер, объединяя социальные, культурные, экономические и медийные измерения. В современной России благотворительность перестала быть исключительно актом индивидуального милосердия: она трансформировалась в значимый социальный институт, выполняющий важные функции гражданского общества и являющийся неотъемлемой частью публичного пространства. При этом способы репрезентации благотворительности в медиа определяют её общественное восприятие, формируют уровень доверия к некоммерческим организациям (НКО) и влияют на готовность населения участвовать в социальных инициативах.

Благотворительность, по определению С.Н. Смирнова [1, 63], представляет собой «особый тип социальной деятельности, основанный

на добровольности, бескорыстии и ценностной мотивации оказания помощи другим». Исследователь отмечает, что в условиях современного общества потребления благотворительность становится не только моральным, но и культурным феноменом, способствующим укреплению социальной сплочённости и гуманистических идеалов.

Согласно наблюдениям Т.В. Игнатовой и Т.А. Кармизовой [2, 457], институционализированная благотворительная деятельность выполняет не только гуманитарные, но и экономические функции, выступая механизмом перераспределения социальных ресурсов и средством реализации корпоративной социальной ответственности. Таким образом, благотворительность можно рассматривать как систему социальных отношений, основанную на принципах взаимопомощи, общественной солидарности и доверия.

Отдельного внимания заслуживает медийное измерение феномена. Современные СМИ и социальные медиа играют ключевую роль в формировании общественного представления о благотворительности, создавая символическое пространство, в котором она становится видимой и значимой. Как подчёркивает А.С. Кусов [3, 88], медиатизация благотворительности изменила не только способы коммуникации между НКО и обществом, но и сам характер восприятия социальной помощи: акцент смещается от благотворительного акта к его публичному образу, визуальным и эмоциональным формам представления.

Тем не менее, несмотря на расширение информационного присутствия благотворительности, уровень общественного доверия к НКО в России остаётся сравнительно низким. По данным Е.В. Бахаровской [4, 17], значительная часть россиян участвует в благотворительных акциях эпизодически, а мотивы участия часто носят ситуативный характер. Среди причин недоверия называются недостаточная прозрачность работы фондов, стереотипы о «показной» благотворительности, а также фрагментарность медийного освещения социальных инициатив.

Историко-культурный контекст также оказывает существенное влияние на восприятие благотворительности в России. В дореволюционный период она имела глубокие религиозные и этические корни, в советскую эпоху была подменена государственными формами социальной поддержки, а в постсоветский период началось заново выстраивать механизмы общественной легитимации. Как отмечается в исследовании «Исследование аспектов благотворительности в России и за рубежом» [5, 42], именно историческая прерывность традиций и недоверие к частным инициативам определяют специфику российского опыта в этой сфере.

Вместе с тем, развитие цифровых коммуникаций и социальных медиа создало новые возможности для популяризации благотвори-

тельности. Публичное обсуждение социальных инициатив, краудфандинговые кампании и сторителлинг в социальных сетях позволяют организациям напрямую взаимодействовать с аудиторией, минуя традиционные медиа. По мнению исследователей, таких как Т.В. Игнатова и А.С. Кусов, именно медиатизация стала основным фактором роста вовлечённости россиян в благотворительные практики и формирования новой культуры участия.

Исходя из этого, целью статьи является рассмотрение благотворительности как социального и медийного феномена в контексте современных общественных и коммуникационных процессов. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

1. определить понятие благотворительности и раскрыть её основные функции в современном обществе;
2. проанализировать специфику восприятия благотворительности в России, учитывая историко-культурные и медийные особенности.

Методологическую основу статьи составляют социокультурный и коммуникативный подходы, позволяющие рассматривать благотворительность как часть медиaprостранства и института гражданского общества. В исследовании используются методы сравнительного анализа, интерпретации научных текстов, а также элементы дискурс-анализа публикаций отечественных авторов.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении благотворительности как двуединого феномена – социального по своей сути и медийного по форме существования. Такой подход позволяет выявить взаимосвязь между социальными практиками помощи и механизмами их публичного представления, что особенно важно в условиях цифровизации общественных коммуникаций.

Таким образом, актуальность темы определяется необходимостью глубокого анализа того,

как в современном российском обществе функционирует благотворительность – не только как социальная практика, но и как медийный образ, формирующий систему доверия и общественных ценностей.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ФУНКЦИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Понятие благотворительности имеет многовековую историю и отражает фундаментальные ценности человеческого общества – взаимопомощь, сострадание, альтруизм. Однако в научном и общественном дискурсе оно не является однозначным. Современные российские исследователи, такие как С.Н. Смирнов и Е.В. Бахаровская, подчеркивают, что благотворительность следует рассматривать не только как акт помощи, но и как социальный механизм, формирующий структуру гражданского общества. По словам Смирнова, благотворительность – это «социально значимая деятельность, в которой индивидуальные мотивации объединяются с коллективными потребностями общества», и именно эта двойственность делает её важнейшим индикатором зрелости социума.

Исторически благотворительность в России прошла несколько стадий институционализации. В дореволюционный период она имела преимущественно конфессиональный характер, опираясь на православную этику и традиции меценатства. В советское время её функции были фактически интегрированы в государственную систему социальной поддержки, а в постсоветскую эпоху благотворительность начала заново формироваться как общественная практика, независимая от государства. По мнению исследователей Вестника Алтайской академии экономики и права, этот исторический разрыв привёл к двойственному восприятию феномена: с одной стороны, он ассоциируется с моральным долгом и альтруизмом, с другой – с недоверием и опасениями манипуляции общественным мнением.

Современное понимание благотворительности в отечественной науке опирается на несколько ключевых подходов – социологический, культурологический и экономический. В рамках социологического подхода, развиваемого, в частности, Т.В. Игнатовой и Т.А. Кармизовой, благотворительность рассматривается как элемент социальной инфраструктуры, дополняющий функции государства и бизнеса. С этой точки зрения, она способствует укреплению горизонтальных связей между социальными группами, а также выполняет компенсаторную роль в тех сферах, где государственная поддержка оказывается недостаточной.

Культурологический подход акцентирует внимание на символическом измерении благотворительности. Согласно позиции А.С. Кусова, она представляет собой важную форму культурного обмена, способствующую укреплению общенациональной идентичности и социальной солидарности. Через благотворительные инициативы в обществе закрепляются ценности доброты, сострадания, ответственности за ближнего, что превращает благотворительность в часть культурного кода современного россиянина.

Отдельное направление исследований посвящено экономическим аспектам благотворительности, особенно корпоративной. Современные компании, реализующие принципы корпоративной социальной ответственности, используют благотворительные проекты как инструмент репутационного капитала и социальной легитимации бизнеса. Однако, как отмечают Игнатова и Кармизова, коммерциализация благотворительных инициатив не обязательно обесценивает их социальную значимость – напротив, она позволяет интегрировать социальные цели в рыночные механизмы, создавая устойчивую модель взаимодействия между экономикой и обществом.

Таким образом, благотворительность можно определить как социальный институт, объеди-

няющий индивидуальные, коллективные и институциональные формы помощи, направленные на укрепление общественной солидарности и социальную справедливость. Этот институт функционирует в пересечении нескольких сфер – социальной, экономической, культурной и медийной, что придаёт ему особую гибкость и адаптивность к изменениям современного общества.

С функциональной точки зрения благотворительность выполняет ряд ключевых задач. Прежде всего, социальную функцию, заключающуюся в поддержке уязвимых групп населения и снижении уровня социальной напряженности. Именно эта функция делает благотворительность значимым дополнением государственной социальной политики, особенно в кризисные периоды.

Вторая – нравственно-воспитательная функция, на которую указывает Е.В. Бахаровская. Исследовательница отмечает, что участие в благотворительной деятельности способствует укреплению моральных ориентиров личности, формированию эмпатии и ответственности за других. Через участие в акциях, пожертвованиях и волонтерстве человек не только помогает другим, но и утверждает собственную идентичность как члена сообщества, способного к взаимоподдержке.

Следующая важная составляющая – культурная функция, связанная с сохранением и передачей общественных ценностей. Благотворительные проекты становятся каналом культурной преемственности, связывающим дореволюционные традиции меценатства с современными формами гражданской активности. Именно поэтому благотворительность в России часто выступает как символ восстановления исторической памяти и культурного наследия.

Не менее значима и коммуникативная функция благотворительности. Она реализуется через механизмы общественной огласки, отчетности и диалога с аудиторией. В современном медиaprостранстве благотворительность ста-

новится формой публичного высказывания, где организации и частные лица транслируют ценности открытости, доверия и гражданской ответственности. Как подчеркивает С.Н. Смирнов, современная благотворительность существует «в медиальном пространстве видимости», где акт помощи неразрывно связан с его символическим представлением.

В контексте медиатизации общества благотворительность постепенно превращается в медийный феномен. Средства массовой информации и социальные сети не только информируют о благотворительных акциях, но и создают эмоционально насыщенные нарративы, формирующие общественное отношение к ним. Медиа определяют, какие инициативы становятся видимыми, какие – остаются на периферии, и каким образом аудитория воспринимает саму идею помощи.

Так, в публикациях российских СМИ благотворительность часто подается через призму героизации, эмпатии или трагизма, что позволяет вызывать эмоциональный отклик у аудитории, но нередко снижает аналитический компонент восприятия. Одновременно социальные медиа, особенно такие платформы, как «ВКонтакте», Telegram и TikTok, формируют более персонализированный формат коммуникации, где акцент делается на истории конкретных людей, прозрачности и вовлечённости.

По сути, медиатизация благотворительности приводит к возникновению нового типа общественных отношений, в которых информационная поддержка и репутация фонда становятся не менее значимыми, чем финансовая эффективность его деятельности. Как отмечает Кусов, «современная благотворительность невозможна без постоянного взаимодействия с медиа, поскольку именно публичность обеспечивает доверие и устойчивость института».

Таким образом, в современном российском обществе благотворительность выполняет сразу несколько взаимосвязанных функций: гу-

манитарную (помощь нуждающимся), культурную (сохранение ценностей), образовательную (воспитание альтруистических установок), экономическую (участие в перераспределении ресурсов) и медийную (формирование общественного дискурса). Совокупность этих функций позволяет рассматривать благотворительность как сложную социально-коммуникативную систему, в которой гуманистические ценности взаимодействуют с технологическими и культурными практиками цифровой эпохи.

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Восприятие благотворительности в российском обществе формируется под влиянием исторических, культурных и институциональных факторов, что делает отечественный контекст особым и отличным от западных моделей. Как отмечают исследователи Вестника Алтайской академии экономики и права, специфика заключается в прерывности традиций: в отличие от западных стран, где благотворительность развивалась постепенно как часть гражданской культуры, в России её развитие было неравномерным и зависело от соотношения частных и государственных инициатив.

В дореволюционный период благотворительность имела прочные религиозные и моральные основания. Помощь нуждающимся рассматривалась как проявление христианского долга, а деятельность меценатов – как форма социальной ответственности состоятельных граждан. Благотворительные общества, земские инициативы, попечительства и церковные общины активно участвовали в организации приютов, больниц и учебных заведений. Однако в советский период эти формы были ликвидированы или трансформированы в систему государственной социальной поддержки, где само понятие «частной благотворительности» утратило легитимность. В результате произошёл разрыв в культурной памяти, а филантропическая дея-

тельность стала восприниматься как пережиток дореволюционного строя.

Возрождение благотворительности в постсоветской России началось в 1990-е годы, когда государство отчасти утратило монополию на социальную помощь, а новые некоммерческие организации стали брать на себя функции, ранее свойственные государственным структурам. Однако, как отмечает С.Н. Смирнов, этот процесс сопровождался не только энтузиазмом, но и высоким уровнем недоверия: население нередко воспринимало НКО как непрозрачные структуры, а благотворительные инициативы – как PR-инструмент бизнеса или политиков.

Данное недоверие во многом объясняется тем, что в массовом сознании благотворительность продолжает восприниматься не как гражданская норма, а как исключительный, индивидуальный поступок. По данным Е.В. Бахаровской, только около трети россиян участвуют в благотворительных проектах регулярно, причём большинство предпочитает разовые акции, не требующие личного вовлечения. Среди мотивов участия преобладают сочувствие и религиозное чувство долга, в то время как осознание социальной ответственности как нормы гражданской культуры пока выражено слабо.

Интересно, что восприятие благотворительности различается в зависимости от канала коммуникации. Если традиционные СМИ формируют её образ через официальные отчёты и интервью с представителями фондов, то в социальных медиа преобладает личностный, эмоциональный формат. По наблюдениям А.С. Кусова, медийная визуализация и сторителлинг становятся ключевыми инструментами воздействия на аудиторию. Люди склонны доверять историям конкретных людей, а не абстрактным структурам, что делает коммуникацию в цифровой среде более эффективной.

Эта тенденция проявляется и в жанровом разнообразии медийного освещения благотвори-

ности. В СМИ всё чаще появляются документальные очерки, фоторепортажи и спецпроекты, которые сочетают информационную и эмоциональную составляющие. Социальные сети, в свою очередь, становятся пространством для пользовательского контента – отзывов, репостов, флешмобов, видеообращений. Таким образом, благотворительность получает не только институциональную, но и сетевую, горизонтальную форму распространения, что расширяет её общественную базу.

Несмотря на это, проблема доверия остаётся ключевой. Игнатова и Кармизова отмечают, что значительная часть населения по-прежнему сомневается в эффективности и прозрачности деятельности фондов. Отчётность, публикация финансовых данных и открытые коммуникации с общественностью становятся необходимым условием для формирования позитивного имиджа НКО. В этом смысле медиа играют роль посредника между организацией и обществом, формируя символическое пространство доверия.

Особую роль в восприятии благотворительности играет уровень медиаграмотности аудитории. Современные пользователи часто подвергают сомнению правдивость публикаций, особенно в социальных сетях, где распространены манипулятивные и эмоционально перегруженные тексты. Это создаёт двойственную ситуацию: с одной стороны, медиатизация делает благотворительность более видимой, с другой – усиливает риск скептического восприятия.

Отдельно стоит отметить влияние регионального фактора. В крупных городах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург) уровень участия в благотворительных проектах значительно выше, чем в провинции. Это связано не только с уровнем дохода, но и с развитостью медийной инфраструктуры, наличием активных НКО и опытом публичных кампаний. В малых городах и сельской местности благотворительность чаще принимает форму личной взаимопомощи и остаётся вне публичного дискурса.

Постепенно, однако, происходит переосмысление роли благотворительности в общественном сознании. Молодёжная аудитория, выросшая в цифровую эпоху, воспринимает участие в социальных инициативах как элемент самореализации и личного бренда. Благотворительность становится частью «культуры участия», где важны не только результат, но и сам факт причастности. Как подчёркивает Смирнов, «молодое поколение российских пользователей социальных медиа воспринимает благотворительность как форму символического капитала – подтверждение своей социальной зрелости и моральной позиции» [1, 69].

Эта тенденция открывает новые перспективы, но также порождает риски поверхностного участия – так называемого «лайкового альтруизма» («слактивизма»). Исследователи отмечают, что участие в благотворительных акциях через репост, лайк или донат часто не сопровождается глубоким осознанием проблемы, однако способствует расширению информационного охвата и популяризации темы в обществе. Таким образом, даже «поверхностные» формы участия выполняют важную коммуникативную функцию, повышая видимость и социальный престиж благотворительности.

Таким образом, изучение восприятия благотворительности в России позволяет понять, как формируется современный тип социальной солидарности и какие барьеры препятствуют его укреплению. Медийная репрезентация при этом выступает не просто отражением реальности, но и активным фактором её конструирования: от того, каким образом СМИ и социальные медиа рассказывают о благотворительности, напрямую зависит уровень доверия к НКО и готовность общества включаться в социальные практики помощи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ позволяет утверждать, что благотворительность в современной

России представляет собой сложный и многослойный феномен, объединяющий социальные, культурные, экономические и медиальные измерения. Её современное содержание выходит далеко за рамки традиционного понимания как индивидуального акта милосердия: благотворительность становится одним из ключевых механизмов гражданского участия и общественной коммуникации.

Исследование показало, что благотворительность выполняет целый комплекс функций — социальных, нравственно-воспитательных, культурных, коммуникативных и экономических. Через эти функции она способствует укреплению горизонтальных связей в обществе, развитию культуры взаимопомощи и формированию моральных норм, основанных на ответственности и доверии.

Особое значение приобретает медиатизация благотворительности, то есть её существование в пространстве массовой информации и социальных сетей. Медиа не просто фиксируют благотворительные инициативы, но активно формируют их восприятие: выбирают темы, задают эмоциональные акценты, определяют символические коды и смыслы. В результате благотворительность становится частью публичного дискурса, а уровень доверия к ней напрямую зависит от того, как она представлена в медиaprостранстве.

Для российского контекста характерна двойственность восприятия благотворительности: с одной стороны, она ассоциируется с духовными и моральными ценностями, а с другой — с элементами PR.

Расширение цифровых коммуникаций, развитие краудфандинговых платформ, вовлечение блогеров и лидеров мнений способствуют формированию новой культуры участия. Социальные сети предоставляют возможность непосредственного контакта между благотворительными организациями и гражданами, а также создают пространство для обмена историями, эмоциями

и личными примерами, что делает процесс участия более прозрачным и человечным.

При этом роль медиа не ограничивается посредничеством: они выступают полноценными участниками благотворительного процесса. СМИ и социальные платформы не только транслируют информацию, но и задают рамки интерпретации, формируют нарративы доверия и солидарности. Это означает, что благотворительность в современном обществе может рассматриваться как медийно опосредованная практика, существующая в пространстве символов, образов и коммуникационных стратегий.

Рассмотренные особенности восприятия благотворительности в России свидетельствуют о её переходном характере. С одной стороны, сохраняются традиционные формы частной и религиозной благотворительности, с другой — активно развиваются институциональные и цифровые модели участия. Молодое поколение россиян демонстрирует растущую готовность включаться в социальные инициативы, воспринимая благотворительность как элемент самореализации и социальной идентичности.

Таким образом, благотворительность становится индикатором зрелости гражданского общества и уровня медиакультуры в стране. Чем выше степень доверия к источникам информации, тем устойчивее отношение общества к благотворительности как к норме социальной жизни. Следовательно, развитие эффективных медийных стратегий освещения благотворительных инициатив представляет собой не только задачу журналистики, но и важный инструмент социальной консолидации.

В дальнейшем перспективным направлением исследований может стать изучение лингвистических и риторических особенностей медиадискурса благотворительности, а также сравнительный анализ репрезентаций НКО в разных платформах — традиционных СМИ, Telegram-каналах, YouTube и TikTok. Не менее актуальны

ми представляются исследования механизмов сторителлинга и визуальных нарративов, формирующих эмоциональную связь аудитории с благотворительными инициативами.

Подводя итог, можно утверждать, что благотворительность в современном медиатизированном обществе выступает не только как форма социальной поддержки, но и как ин-

струмент формирования общественных смыслов, доверия и идентичности. Её успешное развитие невозможно без осознания того, что каждый акт благотворительности – это не только помощь, но и коммуникация, не только социальное действие, но и медийный текст, воздействующий на коллективное сознание и культуру общества.

Список литературы

1. **Смирнов, С. Н.** Благотворительность в обществе потребления: пример России / С. Н. Смирнов // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 2(11). – С. 60-75. – DOI 10.31249/snsn/2023.02.03. – EDN VPMFOW.
2. **Игнатова Т.В.** Феномен благотворительности как фактор социальноориентированного развития / Т.В. Игнатова, Т.А. Кармизова // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. Вып. 11, ч. 1. С. 453-459. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-blagotvoritelnosti-kak-faktor-sotsialnoorientirovannogorazvitiya-ekonomiki>
3. **Кусов А.С.** О некоторых тенденциях трансформации института благотворительности в современной России // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 9 (89). С. 86-89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-tendentsiyah-transformatsii-institutablagotvoritelnosti-v-sovremennoy-rossii>
4. **Бахаровская Е.В.** Оценка участия населения в благотворительной деятельности // Гуманитарный вектор. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-uchastiya-naseleniya-v-blagotvoritelnoy-deyatelnosti>
5. **Емельянова О.Я., Шершень И.В., Кравец М.А.** Исследование аспектов благотворительности в России и зарубежом // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 4. С. 37-46; URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=63>

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Е.А. Чепкасова, В.О. Кожина, С.А. Измайлова

В статье исследуются современные тенденции интеграции технологий, приводятся исторические предпосылки и современная динамика изменений. Обсуждаются примеры успешного применения данных явлений в реальных бизнес-кейсах, а также формируются прогнозы относительно дальнейшего развития и влияния технологических слияний на управленческие решения компании.

Ключевые слова: современные технологии, управленческие решения, кейс-стади, цифровые платформы, трансформация, стратегический менеджмент, цифровые риски.

DIGITAL TOOLS AND THEIR IMPACT ON MANAGEMENT DECISIONS

Е.А. Chepkasova, V.O. Kozhina, S.A. Izmailova

The article explores current trends in technology integration, providing historical background and current dynamics of changes. It discusses examples of successful application of these phenomena in real business cases and makes predictions about the future development and impact of technological mergers on company management decisions.

Keywords: modern technologies, management decisions, case studies, digital platforms, transformation, strategic management, digital risks.

Вместо привычного бюджетирования, ориентированного по направлениям деятельности, компании всё чаще руководствуются проектным принципом, где ключевыми единицами измерения становятся потоки данных и их конверсия в бизнес-ценность. Руководитель, планируя нагрузку дата-центров и закупку ПО, одновременно оценивает влияние новых сенсорных модулей на логистику и прогнозирование спроса. В строительстве умный объект, оснащённый интернетом вещей и 3D-принтерами, позволяет не только оптимизировать сроки монтажа, но и перераспределить людские ресурсы на более высокотехнологичные задачи. При этом менеджмент использует единый дашборд, объединяющий данные о строительных материалах, погодных условиях и прогнозах спроса, что сокращает вероятность простоя техники и снижает издержки.

Это требует формирования нового уровня понимания рисков и возможностей, когда инвестиции в одну технологию оказывают мульти-

пликативный эффект на результативность всей организации [2, с. 215-217].

Комплексное сочетание цифровых инструментов, датчиков и алгоритмов машинного обучения заставляет руководителей пересматривать традиционные схемы принятия решений. Больше не хватает отдельного взгляда на ИТ-отдел и производственные подразделения как на независимые элементы: теперь необходимо учитывать взаимосвязь облачных платформ, аналитических модулей и физической инфраструктуры.

Слияние технологий играет роль катализатора для устранения узких мест в цепочках поставок. Примером служит один из крупнейших ритейлеров, внедривший блокчейн для отслеживания груза на всех этапах перевозки и одновременно применяющий искусственный интеллект для маршрутизации автотранспорта. Конвергенция привела к снижению штрафов за просрочки и уменьшению склада страховочных запасов почти на треть. За счёт автоматизированного об-

мена данными между поставщиками, транспортными подрядчиками и складскими комплексами в реальном времени руководство может мгновенно перенастроить логистическую сеть при появлении нетипичных допустимых условий, например при экстремальных климатических рисках или изменении грузооборота.

На промышленных площадках наблюдается рост популярности цифровых двойников, представляющих собой виртуальные копии оборудования, синхронизированные с физическими объектами через сенсорную сеть и облачные вычисления. Управленцы используют эти модели для прогноза отказов, планирования профилактики и оценки влияния изменений в производственной линии. В случае крупного машиностроительного концерна было решено объединить платформу предиктивного анализа и систему управления качеством, что позволило снизить брак на 18 % за полгода. Стратегия заключалась в том, чтобы не просто следить за показателями, но и интегрировать данные с финансовыми метриками, выстраивая итеративный цикл улучшений [8, с.45-56].

При разработке новых предложений ориентиры смещаются от одноканального маркетинга к созданию экосистемы, где мобильные приложения, носимые устройства и виртуальная реальность образуют единое клиентское пространство. Один из банков внедрил голосовых помощников, облачные сервисы и алгоритмы прогнозирования финансовых предпочтений, что позволило перейти на модель проактивного обслуживания. При малейшем отклонении от привычного клиентом паттерна система автоматически формирует персонализированное предложение – будь то курс валюты, кредитная ставка или кэшбэк-программа. Управленческое решение строится на анализе мультиканальных данных и моделировании клиентского пути целиком, а не на точечных рассылках [5, с.70-73].

Технологическая конвергенция стимулирует смещение акцента в сторону модульного мышления. Стратеги отказываются от жестких долгосрочных инвестиций в «монолитные» системы и переходят к тестовой интеграции отдельных компонентов. Так, в фармацевтике сначала тестируют платформу для совместного управления производством реактивов и контролем качества в двух–трёх лабораториях, а затем постепенно подключают системы планирования ресурсов и аналитики продаж. Такой поэтапный подход даёт возможность вовремя скорректировать архитектуру решений, отказавшись от избыточных функций и перераспределив бюджет.

Конвергентный подход усиливает роль экспериментирования и быстрой обратной связи. Директора по развитию больше не полагаются исключительно на годовые отчёты, они вводят регулярные обзоры ключевых метрик в режиме реального времени. Частые пулы данных становятся основой для дискуссий топ-менеджмента, где каждое изменение в алгоритмах способно повлиять на бизнес-кейсы в масштабе всех региональных подразделений. Такая динамика требует от руководителей гибкости мышления и готовности оперативно перераспределять капиталы в пользу наиболее перспективных технологических направлений [7, с. 91-108].

Одним из важных выводов стало понимание того, что успех конвергенции напрямую зависит от организационной культуры. Компании, где поощрялось межфункциональное взаимодействие и обмен знаниями, ощутили синергетический эффект быстрее, чем те, кто продолжал действовать по изолированным бизнес-юнитам.

При этом роль топ-менеджмента заключается не только в постановке задач, но и в создании условий для коллаборативного развития: инвестирование в образовательные программы, формирование мультидисциплинарных команд и гибкое перераспределение ресурсов в зависимости от приоритетных проектов.

Компании вынуждены создавать кросс-функциональные команды, объединяющие IT-архитекторов, специалистов по безопасности, бизнес-аналитиков и экспертов отрасли. При разработке стратегии внедрения новых технологий руководство уделяет особое внимание стандартизации протоколов обмена данными и совместимости оборудования разных поколений. На примере энергетической компании видно, что только благодаря тесной координации между энергетиками и инженерами-программистами удалось одновременно интегрировать микросети на базе блокчейна и систему прогнозирования нагрузки, что минимизировало риски простоев и потерь при резких скачках потребления [4, с. 79-81].

Организациям, на первых этапах интеграции, целесообразно запустить пилотные проекты в пределах ограниченных бизнес-зон. Это позволит отработать технологические и управленческие сценарии без масштабных рисков. К примеру, дочернее предприятие автомобильного холдинга может протестировать сочетание дополненной реальности для обучения сотрудников сборочных линий и инструментов аналитики в реальном времени. Полученные данные позже станут основой для принятия решения о более широком распространении инициативы по всем производственным площадкам.

Важно уделить внимание развитию «цифровых мостов» между подразделениями. Создание единой информационной среды, где специалисты из маркетинга, IT-отдела и логистики имеют доступ к актуальным данным, позволяет быстрее реагировать на изменения условий рынка и корректировать стратегические планы [6, с. 61-64].

При этом нельзя забывать о важности обучения: проводить воркшопы и внутренние семинары, посвящённые принципам работы новых технологий и методологиям совместного проектирования. Такой подход укрепляет доверие к инновациям и повышает вовлечённость сотрудников.

Следует заранее прорабатывать вопросы нормативного соответствия при выходе на международные рынки. Разница в правовых требованиях к обработке данных и безопасности информационных систем может стать серьёзным барьером.

Практический шаг – формирование специальной рабочей группы, включающей экспертов по комплаенсу, юридическому сопровождению и технической безопасности. Такой состав специалистов даст возможность заранее выявить потенциальные «узкие места» и заложить механизмы их устранения ещё на этапе проектирования конвергентных решений.

Наблюдения свидетельствуют о том, что конвергентные стратегии так же требуют адаптивного управления рисками: привычные методы оценки безопасности и соответствия нормам зачастую не охватывают новые технологические слияния.

Появляется необходимость формировать рамки, учитывающие взаимосвязанные уязвимости и потенциальные точки отказа. В качестве примера можно привести различные сектора экономики, где при объединяются блокчейн-решений и различные инструменты цифровых технологий. Ниже приведены примеры, где активно уже на данный момент применяются такие инновационные технологии [3, с.122-127].

Компания Siemens

В энергетическом секторе Siemens стала одним из пионеров технологической конвергенции, объединив возможности Интернета вещей и аналитики больших данных для оптимизации работы газовых турбин. Установив на ключевых узлах оборудования датчики, отслеживающие температуру и вибрацию, инженерная команда получила непрерывный поток телеметрических данных. Далее эти данные попадали в облачную платформу, где алгоритмы машинного обучения классифицировали потенциальные отклонения в работе агрегатов. По результатам пилотного про-

екта на комплексе в Нидерландах степень «прозрачности» состояния турбин повысилась на 40 %, а число внеплановых остановок сократилось вдвое. Ключевой момент в данном кейсе – интеграция существующих контроллеров с новыми цифровыми модулями, что позволило избежать дорогостоящей замены оборудования и обеспечило плавный переход к предиктивному обслуживанию.

General Electric в авиации

GE Aviation внедрила цифровые двойники авиационных двигателей, используя объединение технологий 3D-моделирования и AI-аналитики. Каждому двигателю присваивается виртуальная копия, обновляемая в реальном времени на основе сенсорных данных с полевой диагностики. Такой подход позволил не только прогнозировать оставшийся ресурс ключевых компонентов, но и моделировать нестандартные режимы эксплуатации до их возникновения в реальности. В результате обслуживание парка двигателей одного из авиаперевозчиков стало на 30 % более предсказуемым, что обеспечило экономию свыше 20 млн долларов в год за счет сокращения числа аварийных замен и незапланированных чеков.

Bosch в автомобильном производстве

Bosch, работая на стыке автоматизации и робототехники, интегрировала конвергентные решения в собственных автозаводах. Использование мобильных роботов, взаимодействующих с конвейером через единую коммуникационную шину на базе OPC UA, позволило гибко настраивать линии под различные модели и минимизировать время переналадки. При этом данные о каждом шаге сборки оцифровываются и автоматически анализируются системой качества. Вкупе с AR-приложениями для операторов, которые получают в отображении на очках инструкции в реальном времени, это снизило процент дефектов на финише на 15 % и ускорило выпуск новых модификаций автомобилей.

Alibaba (единство e-commerce с финансами)

В Китае Alibaba объединила экосистему интернет-торговли с возможностями финансовых технологий и облачных сервисов. Для продавцов на платформе Taobao была запущена система интеллектуального кредитования, которая на основе анализа транзакций, истории продаж и поведения клиентов автоматически рассчитывает оптимальное финансовое предложение. Результатом стала рост среднего чека на 12 % и снижение уровня отказов при выдаче кредитов до 5 %, что выгодно отличает проект от классических банковских продуктов с более строгими требованиями к заемщикам.

Digital Twin в логистике DHL

DHL Supply Chain провела масштабную цифровую трансформацию одного из распределительных центров, внедрив виртуальную копию склада. Система собирает данные о движении товаров, занятости зон и транспортных маршрутов внутри комплекса. На основании этого создаётся цифровой «песочница-модель», где автоматически тестируются варианты оптимальной компоновки стеллажей и трассировки транспортировщиков-AGV. Благодаря такому экспериментальному полигону требуемая площадь склада сократилась на 10 %, а время обработки заказа – на 20 %.

Toyota (стратегия синергии робототехники с IoT)

Toyota применяет комплексный подход к автоматизации своих заводов, объединяя роботов-манипуляторов с облачной платформой для обмена данными в реальном времени. Сенсоры на сварочных постах и сборочных линиях передают показатели нагрузки и износа оборудования в единую систему, где AI-модуль прогнозирует потребность в техническом обслуживании. Параллельно мобильные роботы подвозят запчасти и инструменты операторам, с чем взаимодействуют по беспроводному протоколу TSN. Такой интегрированный конструкт позволил со-

кратить людские ошибки и повысить эффективность работы цехов на 18 %.

Healthcare-сектор: Philips (объединение мед-техники с облачными платформами)

Philips Healthcare в своих больничных решениях сочетает медицинские приборы мониторинга пациентов с облачной аналитикой. Пульсоксиметры и мониторы жизненных показателей передают информацию на платформу HealthSuite, где алгоритмы на базе искусственного интеллекта определяют рискованных пациентов и выдают врачам предупреждения. В нескольких международных клиниках удалось снизить количество нежелательных исходов на 25 %, а рабочая нагрузка медицинского персонала по рутинным проверкам упала почти на треть за счет автоматизации фоновый процессов.

Стартап Starship Technologies

Starship Technologies, создавая автономных роботов-доставщиков для микро-посылок, объединила компьютерное зрение, локальные 5G-сети и edge-вычисления. Каждый робот передвигается по городским тротуарам, сканируя себя камеры и сенсоры LIDAR, а алгоритмы в edge-узлах мгновенно обрабатывают данные, обеспечивая безопасность передвижения. Такой конвергентный подход позволил масштабировать парк роботов до нескольких сотен единиц одновременно и сократить стоимость последней мили доставки в жилых кварталах на 50 %.

Schneider Electric (умные энергосети)

Schneider Electric разработала платформу EcoStruxure, объединяющую решения для автоматизации зданий, машин и сетевой инфраструктуры на базе IoT и кибербезопасности. Применив ее в нескольких дата-центрах, компания обеспечила круглосуточный мониторинг

энергопотребления с анализом пиковых нагрузок и предложениями по перераспределению ресурсов. Эффект от внедрения проявился в снижении затрат на электроэнергию на 15 % и повышении надежности питания на критических объектах.

Yandex: (голосовые интерфейсы в ритейле)

Yandex в проектах с торговыми сетями протестировал голосовой помощник для оформления заказа на прилавке deli. Конвергируя речевое распознавание и биллинговую систему, проект позволил покупателям разговаривать с киосковым терминалом так же, как с оператором, ускорив процесс заказа и уменьшив очереди в часы пик. По оценке ритейлеров, решения на базе голосового AI повысили удовлетворенность клиентов и увеличили объемы дополнительной продажи на 8 %.

Реализация технологической конвергенции оказывается наиболее успешной в тех компаниях, которые не ограничиваются точечными пилотами, а выстраивают единое цифровое ядро, способное связывать между собой разные системы и источники данных.

Каждый из приведенных примеров демонстрирует, как интеграция нескольких передовых технологий меняет подход к традиционным бизнес-процессам, обеспечивая конкурентные преимущества и снижая операционные риски.

В итоге именно способность учитывать перекрёстное влияние цифровых и физических технологий определяет конкурентные преимущества. Организации, освоившие конвергентный формат стратегического планирования, быстрее адаптируются к внешним изменениям, эффективнее управляют рисками и строят более устойчивые бизнес-модели в условиях продолжающейся цифровой трансформации.

Список литературы

1. Измайлова, С. А., З. Б. Амирова Информационные технологии в маркетинговой деятельности // Проблемы и тенденции развития менеджмента и маркетинга в условиях трансформации общества: Материалы Всероссийской (с иностранным участием) научно-практической конференции, Москва, 08 ноября 2023 года – Москва: Московский международный университет, 2024 – С. 104-113– Текст: непосредственный.

2. **Кожина В. О., Рябиченко С. А., Сюзева О. В., Толмачева И. В.** Современные тенденции развития инновационного менеджмента в условиях цифровизации // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии.– 2024.– № 3.– С. 215-217 – Текст: непосредственный.
3. **Кожина В. О., Измайлова С. А.** Инновационное управление предпринимательскими структурами и цифровизация // Вестник Московского международного университета. – 2024.– № 1(1). – С. 122-127 – Текст: непосредственный.
4. **Кожина, В. О., Толмачева И. В.** Цифровизация управления: региональный аспект // Вестник Московского Международного Университета. – 2024.– № 4(4). – С. 79-81 – Текст: непосредственный.
5. **Кожина, В. О., Толмачев А. А., Чепкасова Е. А.** Особенности менеджмента в цифровой экономике // Вестник Московского Международного Университета. – 2024.– № 3(3). – С. 70-73 – Текст: непосредственный.
6. **Измайлова, С. А., Толмачева И. В., Толмачев А. А.** Искусственный интеллект в развитии бизнеса // Вестник Московского Международного Университета. – 2024.– № 3(3). – С. 61-64 – Текст: непосредственный.
7. **Бабкин, А. В., Шкарупета Е. В., Ташенова Л. В.** Методика оценки конвергентности цифровой индустриализации и индустриальной цифровизации в условиях Индустрии 4.0 и 5.0 // *π-Economy*. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 91-108 – Текст: непосредственный.
8. **Бахарев, Е. Ю., Анисимов А. Ю.** Цифровая конвергенция и развитие платформенной модели промышленного бизнеса на основе активизации электронной торговли // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2025. – № 1. – С. 46-56 – Текст: непосредственный

РОЛЬ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ И СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА В ОБЕСПЕЧЕНИИ КАЧЕСТВА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Н.В.Шмагрина, Е.М. Кожевникова

В данной работе авторы обращают внимание на актуальность темы исследования, связанной с развитием науки и технологий в эпоху глобализации. Важная роль отводится качественному научно-техническому переводу. Делается акцент на точность и адекватность перевода, скорость внедрения инноваций, конкурентоспособность в переводческой сфере. Авторы приводят анализ неточного или неадекватного перевода, включая неправильное понимание инструкций или технических терминов, связанных с недостатком фоновых знаний технического перевода.

Ключевые слова: адекватный перевод, фоновые знания, цепная реакция, гомогенизация.

THE ROLE OF BACKGROUND KNOWLEDGE AND SPECIALIZATION OF A TRANSLATOR IN ENSURING THE QUALITY OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TRANSLATION

N.V. Shmagrinskaya, E.M. Kozhevnikova

In this work, the authors draw attention to the relevance of the research topic, related to the development of science and technology in the era of globalization. A significant role is assigned to high-quality scientific and technical translation. The article emphasizes the importance of accurate and appropriate translation, the speed of innovation implementation, and the competitiveness in the translation industry. The authors provide an analysis of inaccurate or inappropriate translation, including misunderstandings of instructions or technical terms due to a lack of background knowledge in technical translation.

Keywords: adequate translation, background knowledge, chain reaction, and homogenization.

В современном мире высоких технологий особо растет спрос на высококачественный научно-технический перевод в условиях глобализации. Но также сохраняется проблема недостаточной компетентности многих переводчиков в узкоспециализированных областях. Именно фоновые знания и специализация переводчика являются ключевыми факторами, позволяющими преодолеть эти трудности и обеспечить адекватную передачу сложного научно-технического содержания, что является актуальными вопросами в данной статье.

Цель данной статьи – показать, что качество научно-технического перевода напрямую зависит от фоновых знаний и предметной специализации переводчика. Мы исследуем, как взаимодействие лингвистических навыков и

знаний в конкретной научно-технической области влияет на перевод предложений со специфической терминологией. Наша задача – добиться адекватности перевода, то есть наиболее полно и точно передать смысл оригинала, используя эквиваленты или подходящие замены авторских средств, согласно «Толковому переводоведческому словарю» Л.Л. Нелюбина [5]. Адекватный перевод предполагает исчерпывающую передачу содержания и соответствие стилю оригинала, на что влияют как языковые, так и внеязыковые факторы, особенно – фоновые знания [7].

Фоновые знания – это весь багаж знаний, которым располагает человек, участвующий в коммуникации. Это общие знания говорящего и слушающего, необходимые для понимания речи. В контексте текста автор выступает как «говоря-

щий», а читатель – как «слушающий». Просто хорошего знания языка недостаточно для полного понимания информации [1]. Необходимо, чтобы «слушающий» был вовлечен в контекст текста, обладал знаниями, относящимися к теме. Если таких знаний не хватает, смысл текста может быть воспринят не полностью или искажен, что приведет к некачественному переводу.

Без понимания основных принципов, законов и понятий, лежащих в основе рассматриваемой науки или технологии, переводчик обречен на поверхностное и формальное воспроизведение текста. Предположим, текст посвящён ядерной энергетике и в нём есть предложение «The plant experienced a criticality accident, leading to significant radiation release», в котором присутствует термин «critically accident» [2]. Переводчик без фоновых знаний может перевести это как «критическая авария», что, в целом, верно, однако переводчик упускает специфический смысл. «Критическая авария» — это не просто любая авария, а выход реактора на неконтролируемую цепную реакцию. Переводчик с фоновыми знаниями понимает, что речь идёт о конкретном типе происшествия и подберёт более точный термин. Например, «самопроизвольная цепная реакция деления». Полный перевод: «На установке произошла самопроизвольная цепная реакция деления, что привело к значительному выбросу радиации» [3].

Научно-технические термины часто многозначны, и правильный выбор зависит от контекста и конкретной области применения. Например, в тексте о компьютерных сетях встречается термин «gateway». В английском языке это может быть и «ворота», и «шлюз». Переводчик без понимания сетевых технологий может ошибочно перевести это как «ворота», в то время как шлюз – это устройство, соединяющее сети с различными протоколами [4]. Поэтому предложение «Configure the default gateway IP address to 192.168.1.1.» будет правильнее перевести

«Настройте IP-адрес шлюза по умолчанию на 192.168.1.1.».

Адекватность научно-технического перевода не ограничивается точным воспроизведением слов и грамматических конструкций оригинала. Текст, предназначенный для специалистов, может содержать сложную, узкоспециализированную терминологию и меньшее количество пояснений, предполагая наличие у читателя определённой базы знаний [6]. В то же время перевод, ориентированный на широкую публику, студентов должен быть выполнен в более доступном стиле, с подробными объяснениями, примерами и аналогиями, делающими сложные концепции понятными. Например, исходный текст на английском языке описывает процесс термообработки стали: «Austenitization involves heating the steel to a temperature above its upper critical temperature (Ac3 or Ac1, depending on the alloy composition) to transform the microstructure to austenite. The holding time at this temperature ensures complete transformation and homogenization of the austenite phase. Subsequent cooling rate dictates the final microstructure and mechanical properties». Для инженеров-металлургов перевод будет выполнен следующим образом: «Аустенизация заключается в нагреве стали до температуры выше верхней критической точки (Ac3 или Ac1, в зависимости от состава сплава) для трансформации микроstructures в аустенит. Выдержка при этой температуре обеспечивает полное превращение и гомогенизацию аустенитной фазы. Последующая скорость охлаждения определяет окончательную микроstructure и механические свойства.». В то время как перевод для студентов технического колледжа или широкой публики будет более подробным, чтобы обеспечить эффективное понимание сложного технического процесса: «Аустенизация – это процесс нагрева стали до определённой температуры, которая выше так называемой верхней критической точки (её значение зависит от того, из каких элементов состоит сталь).

При этой температуре структура стали меняется и становится аустенитом. Чтобы структура полностью изменилась и стала однородной, сталь выдерживают при этой температуре некоторое время. Дальнейшее охлаждение стали определяет, какой будет её окончательная структура и какие свойства (например, прочность) она будет иметь».

Идиомы, метафоры и другие специфические конструкции также содержатся в научно-технических текстах. Фраза «plug and play» дословно переводится как «включи и играй», однако переводчик с фоновыми знаниями осведомлён, что в контексте компьютерных технологий это означает «автоматическое определение и настройка устройства». То есть, предложение

«This new webcam is truly plug and play» стоит перевести как «Эта новая веб-камера поддерживает функцию автоматической установки».

Итак, можно сказать, что роль фоновых знаний и специализации переводчика в сфере научно-технического перевода является определяющей для обеспечения высокого качества и адекватности конечного продукта. Инвестиции в повышение квалификации переводчиков, стимулирование их специализации в узких областях науки и техники, а также создание условий для непрерывного обновления их знаний – это не просто желательные, а абсолютно необходимые меры для обеспечения конкурентоспособности и высокого уровня научно-технической документации на мировом рынке.

Список литературы

1. **Ахманова, О.С.** Словарь лингвистических терминов. – М., 2004. – 571 с.
2. **Ахметова, Г. Д.** «Некоторые сложности перевода английских технических терминов» // Молодой учёный. Ежемесячный научный журнал. – 2020. – №4(84).
3. **Елин, П. А.** «Особенности перевода научно-технических текстов». – 2021. – №4(10). – С. 11–13.
4. **Надточено, И.А.** Сложности, с которыми сталкиваются переводчики научно-технических текстов // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2023. № 02 (94). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/slozhnosti-s-kotorymi-stalkivayutsya-perevodchiki-nauchno-tekhnicheskikh-tekstov.html> (Дата обращения: 21.08.2025)
5. **Нелюбин, Л.Л.** Толковый переводоведческий словарь. – М., 2023. – 320 с.
6. Основы технического перевода [Электронный ресурс]: учебное пособие по английскому языку. Электронные текстовые данные (432 кБ) / М-во образования и науки Росс. Федерации, Волгогр. гос. архит.-строит. ун-т ; сост. О. Н. Романова, А. В. Долинская. – Волгоград : ВолГАСУ, 2021. – <http://www.twirpx.com/file/1207008/>
7. **Федоров, А.В.** Основы общей теории перевода. – М., 1983.- 216 с.

Абдукаримов Исроилджон Абдусаматович – магистрант кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация», АНО ВО «Московский Международный Университет»

e-mail: theabdukkarimov.id@gmail.com

Abdukarimov Isroiljon Abdusamadovich – master student of the Department of Media Linguistics and Intercultural Communication, ANO VO “Moscow International University”

Агатова Елена Андреевна – магистрантка отделения Национальной экономики, РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Москва

e-mail: eagatova-20@ranepa.ru

Agatova Elena Andreevna – master student of the Department of National Economy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow

Акиндинова Марина Михайловна – преподаватель физической культуры, ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, SPIN-код 2452-1249

e-mail: akindinova.m@rgau-msha.ru

Akindinova Marina Mikhailovna – Lecturer of Physical Education, Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev, SPIN-код 2452-1249

Анохина Наталья Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Юриспруденция», АНОВО «МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ», доцент кафедры цифровой экономики и управления, филиал ДИНО государственного университета «Дубна», SPIN-код 8993-0160

e-mail: n.anokhina@mmu.ru

Anokhina Natalia Mikhailovna – candidate of Economic sciences, Associate Professor of the Department of Law, Moscow International University, associate professor of the department of digital economy and management, branch of DINO state university «Dubna», SPIN-code 8993-0160

Астапова Татьяна Юрьевна – доцент кафедры «Юриспруденция» АНО ВО «Московский международный университет», кандидат юридических наук, доцент

e-mail: Astapova.t@mail.ru

Tatyana Yuryevna Astapova – Assistant Professor of the Department of «Jurisprudence» of the ANO VO «Moscow International University», Candidate of Juridical Sciences, Assistant Professor

Бабичев Дмитрий Витальевич – магистрант отделения Национальной экономики, РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Москва

e-mail: dbabichev-24@ranepa.ru

Babichev Dmitriy Vitalievich – master student of the Department of National Economy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow

Баулина Карина Николаевна – курсант факультета психологии ФГКОУ ВОУ ВО Военный университет им. Князя Александра Невского Министерства обороны ВС РФ.

Karina N. Baulina – cadet of the Faculty of Psychology at the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Armed Forces of the Russian Federation.

Башкиров Семен Федорович – аспирант кафедры «Медиакоммуникации и журналистика», АНОВО «Московский Международный Университет»

e-mail: semenbashkirov@yandex.ru

Bashkirov Semyon Fyodorovich – graduate student of the Department of Media Communications and Journalism, ANOVO «Moscow International University»

Березин Егор Викторович – магистрант кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация», АНОВО «Московский международный университет»

e-mail: berezin.egor.50@mail.ru

Berezin Egor Victorovich – master student of the department of Linguistics and intercultural communication, ANO VO “Moscow International University”

Богущая Лилия Владимировна – интегративный психолог, вице-президент МАИП, преподаватель и супервизор АНО ДПО «Институт интегративной психологии и психотерапии», член Лаборатории клинических исследований МАИП

e-mail: lilypost@yandex.ru

Bogutskaya Liliya Vladimirovna – integrative psychologist, Vice-President of MAIP, lecturer and supervisor at ANO DPO “Institute of Integrative Psychology and Psychotherapy”, member of the Laboratory of Clinical Research of MAIP

Бузинова Людмила Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Лингвистики и межкультурной коммуникации», АНОВО «МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ», SPIN-код: 7399-2153, AuthorID: 721547

e-mail: l.buzinova@mmu.ru

Lyudmila M. Buzinova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication ANO VO “Moscow International University”, SPIN-код: 7399-2153, AuthorID: 721547

Ведерникова Татьяна Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация», АНОВО «Московский международный университет»

e-mail: t.vedernikova@mmu.ru

Vedernikova Tatyana Valerjevna – candidate of philosophical sciences, associate professor, department of Linguistics and intercultural communication, ANO VO “Moscow International University”

Вершинская Ольга Юрьевна – старший преподаватель кафедры естественно-научных дисциплин, АНОВО «Московский Международный Университет»

e-mail: o.vershinskaya@mmu.ru

Vershinskaya Olga Yuryevna – Senior Lecturer, Department of Natural Sciences, Moscow International University (Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education)

Власова Елена Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология», АНОВО «Московский международный университет», SPIN-код: 8656-7909

e-mail: e.vlasova@mmu.ru

Vlasova Elena Vladimirovna – candidate of psychological sciences, associate professor, department of psychology, ANOVO «Moscow International University»

Джанг Ксяожинг – старший преподаватель кафедры иностранных языках и межкультурной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

e-mail: miyazhang2016@gmail.ru

Zhang Xiaojing – senior lecturer, department of foreign languages and intercultural communication, Financial university under the Government of the Russian Federation

Динмагомедова Амина Вагадовна – магистрант кафедры «Лингвистики и межкультурная коммуникация», АНО ВО «Московский международный университет»

e-mail: cmddins@inbox.ru

Amina V. Dinmagomedova – Master of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, ANO VO «Moscow International University»

Долганова Нина Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление», АНОВО «Московский Международный Университет», SPIN-код автора: 8623-9300

e-mail: na155-12@yandex.ru

Dolganova Nina Alexandrovna – candidate of economic sciences, associate professor, Department of Economics and Management, ANOVO «Moscow International University», SPIN-код: 8623-9300

Дудин Иван Дмитриевич – магистрант кафедры «Экономика и управление», АНОВО «Московский Международный Университет»,

Dudin Ivan Dmitrievich – Master's student of the Department of Economics and Management, ANOVO «Moscow International University»

Зотов Виктор Евгеньевич – аспирант кафедры «Медиакоммуникации и журналистика» АНО-ВО «Московский Международный Университет»

e-mail: vitiuskha.zotov@mail.ru

Zotov Viktor Evgenievich – graduate student of the Department of Media Communications and Journalism, ANOVO «Moscow International University»

Иванова Ульяна Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, АНОВО «Московский Международный Университет»

e-mail: u.ivanova@mmu.ru

Ivanova Ulyana Yuryevna – Cand. of Sc. (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Moscow International University (Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education)

Иванов Сергей Николаевич – магистрант кафедры «Экономика и управление», АНОВО «Московский Международный Университет»

e-mail: oookzs@yandex.ru

Ivanov Sergey Nikolaevich – master student of the Department of Economics and Management, ANOVO «Moscow International University»

Игнатьева Арина Павловна – магистрант кафедры «Медиалингвистика и межкультурная коммуникация», АНОВО «Московский Международный Университет»

e-mail: arina.1002@mail.ru

Ignatyeva Arina Pavlovna – master student in Medialinguistics and Intercultural Communication, ANOVO «Moscow International University»

Измайлова Светлана Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, АНОВО «Московский Международный Университет»

e-mail: s.izmailova@mmu.ru

Izmailova Svetlana Anatolyevna, candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management, ANOVO “Moscow International University”

Казакова Лариса Петровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология», АНОВО «Московский Международный Университет», SPIN-код: 5018-7194

e-mail: l.kazakova@mmu.ru

Kazakova Larisa Petrovna – candidate of psychological sciences, associate professor, department of psychology, ANOVO «Moscow International University», SPIN-code 5018-7194

Казимирчук Алексей Александрович – старший преподаватель кафедры «Истории Теории Государства и Права и Международного Права», АНОВО «Московский Международный Университет»

e-mail: a.kazimirchuk@mmu.ru

Alexey A. Kazimirchuk – senior lecturer at the department of History of the Theory of State and Law and International Law, ANOVO «Moscow International University»

Касьяненко Анастасия Вячеславовна – магистр экономических наук по специальности «Туризм», Евразийский национальный университет им. Гумилева, Казахстан, бакалавр кафедры «Психология», АНОВО «Московский Международный Университет»

e-mail: kasyanenko_nasty@mail.ru

Kasyanenko Anastasia Vyacheslavovna – Master of Economics, specializing in Tourism, Gumilev Eurasian National University, Kazakhstan, Bachelor’s degree in Psychology, ANOVO «Moscow International University»

Кожевникова Елизавета Михайловна – студентка 4 курса направления «Перевод и переводоведение» АНОВО «Московский международный университет»

e-mail: lizakoj04@gmail.com

Kozhevnikova Elizaveta Mikhailovna – 4th year student of the direction “Translation and Translation Studies” of Moscow International University

Кожевникова Маргарита Александровна – магистрантка кафедры психологии, АНОВО «Московский международный университет»

e-mail: margo.kozhevnikova@mail.ru

Kozhevnikova Margarita Alexandrovna – master student of the Department of Psychology, ANOVO «Moscow international university»

Кожина Вероника Олеговна – кандидат экономических наук, заведующая кафедрой менеджмента, АНОВО «Московский Международный Университет»

e-mail: v.kozhina@mmu.ru

Kozhina Veronika Olegovna – candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Management, ANOVO “Moscow International University”

Коломиец Анна Ивановна – PhD, доцент кафедры гуманитарных наук, АНО ВО «Московский Международный Университет»; доцент кафедры Экономика, АНО ВО Университет мировых цивилизаций им. В.В.Жириновского, SPIN-код 2356-4500

e-mail: kolomiez5@yandex.ru

Kolomiets Anna Ivanovna – PhD, Associate Professor, Department of Humanities, Moscow International University (Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education); Associate Professor, Department of Economics, V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations (Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education), SPIN-code: 2356-4500

Коробова Елена Валерьевна – старший преподаватель Департамента организации физического воспитания и безопасности жизнедеятельности ИЕСТ ГАОУ ВО «Московский Городской Педагогический Университет», SPIN – код 9721-4290

e-mail: svir444@mail.ru

Korobova Elena Valeryevna – Senior Lecturer at the Department of Organization of Physical Education and Life Safety IEST, GAOU VO “Moscow City Pedagogical University”

Куликов Данила Валерьевич – магистр кафедры менеджмента, АНОВО «Московский Международный Университет»

e-mail: 89603790883dk@gmail.com

Kulikov Danila Valerievich – Master of the Department of Management, ANOVO «Moscow International University»

Куманцова Елизавета Сергеевна – старший преподаватель кафедры «Физической культуры» ГАОУ ВО «Московский Государственный Технический Университет», SPIN – код 7574-3247

e-mail: zavtt@mail.ru

Kumancova Elizaveta Sergeevna – Senior Lecturer at the Department of Physical Education, GAOU VO “Moscow State Technical University”

Куприн Андрей Михайлович – аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, АНО ВО «Московский международный университет»

e-mail: andrey.kuprin.work@mail.ru

Kuprin Andrey Mikhailovich – graduate student in the Department of Linguistics and Intercultural Communication, ANO VO “Moscow International University”

Курякова Любовь Николаевна – старший преподаватель кафедры «Физической культуры», АНОВО «Московский Международный Университет»

e-mail: lubakuryakova@mail.ru

Kuryakova Lyubov Nikolaevna – Senior Lecturer at the Department of Physical Education, ANOV “Moscow International University”

Лайкова Надежда Вадимовна – старший преподаватель кафедры физической культуры Московский Международный Университет

e-mail: nadia19852007@yandex.ru

Laikova Nadezhda Vadimovna – Senior Lecturer of the Department of Physical Education, ANOVO «Moscow International University»

Маркова Ольга Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», АНО ВО «Московский международный университет» SPIN-код: 4580-2744

e-mail: markovaolga@yandex.ru

Markova Olga Vladimirovna – candidate of economic sciences, associate professor, department of State and Municipal Management, Moscow International University SPIN-код: 4580-2744

Матвеева Ольга Валентиновна – интегративный психолог, обучающий личный терапевт ОППЛ, супервизор, преподаватель АНО ДПО «Институт интегративной психологии и психотерапии», член Лаборатории клинических исследований МАИП, Москва, Россия

e-mail: zubareva_ov@mail.ru

Matveeva Olga Valentinovna – integrative psychologist, training personal therapist of OPPL, supervisor, lecturer at ANO DPO “Institute of Integrative Psychology and Psychotherapy”, member of the Laboratory of Clinical Research of MAIP, Moscow, Russia

Михно Ольга Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психологии и педагогики», АНОВО «Московский Международный Университет», доцент кафедры психологии ФГКОУ ВОУ ВО Военный университет им. Князя Александра Невского Министерства обороны ВС РФ, SPIN-код 8200-3936

omihno@rambler.ru

Olga S. Mikhno – PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, ANOVO «Moscow International University,» Associate Professor of the Department of Psychology, Federal State Educational Institution of Higher Education «Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Armed Forces of the Russian Federation,» SPIN code 8200-3936

Новиков Александр Анатольевич – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и финансов АНОВО «Московский Международный Университет», SPIN-код: 1868-8082

e-mail: a.novikov@mmu.ru

Novikov Alexander Anatolyevich – doctor of economics, associate professor, head of the department of economics and finance, ANOVO «Moscow International University», SPIN-код: 1868-8082

Новиков Роман Александрович – преподаватель кафедры Экономики и финансов АНОВО «Московский Международный Университет»

e-mail: r.novikov@mmu.ru

Novikov Roman Alexandrovich – lecturer of the Department of Economics and Finance, ANOVO «Moscow International University»

Новикова Елена Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Экономики и финансов, АНОВО «МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ», SPIN-код: 9453–4760

e-mail: e.novikova@mmu.ru

Novikova Elena Valerievna – candidate of economic sciences, associate professor, Department of Economics and Finance, ANOVO «MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY»

Осипова Сандаара Иннокентьевна – магистрант кафедры «Экономика и управление», АНОВО «Московский Международный Университет»

e-mail: osandara@mail.ru

Osipova Sandara Innokentyevna – Master’s student of the Department of Economics and Management, ANOVO “Moscow International University”

Павлова Юлия Валерьевна – старший преподаватель кафедры физической культуры Московский Международный Университет

e-mail: julia031@yandex.ru

Pavlova Yulia Valerievna – Senior Lecturer of the Department of Physical Education, ANOVO «Moscow International University»

Санникова Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, АНОВО «Московский Международный Университет»

e-mail: sannikova.23@mail.ru

Sannikova Olga Alexandrovna – senior lecturer, department of foreign languages, ANOVO «Moscow International University»

Сумарокова Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация», АНОВО «Московский международный университет»

e-mail: n.sumarokova@mmu.ru

Sumarokova Natalia Anatolievna – candidate of science (Philology), associate professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, ANOVO “Moscow International University”

Суслов Егор Алексеевич – магистрант кафедры «Государственное и муниципальное управление», АНО ВО «Московский Международный Университет»

e-mail: egor.suslov113@gmail.com

Suslov Egor Alekseevich – master student of the State and Municipal Administration, ANOVO «Moscow International University»

Усова Полина Сергеевна – магистрант кафедры «Юриспруденция», АНО ВО «МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

e-mail: polina.usovapolina@yandex.ru

Usova Polina Sergeevna – master's student at the Department of Law, Moscow International University

Успенский Кирилл Станиславович – магистрант кафедры «Государственное и муниципальное управление», АНО ВО «Московский Международный Университет»

e-mail: kirill.10a@yandex.ru

Uspenskiy Kirill Stanislavovich – master student of the State and Municipal Administration, ANOVO «Moscow International University»

Филиппов Никита Александрович – аспирант кафедры «Медиакоммуникации и журналистика», АНО ВО «Московский Международный Университет»

e-mail: nikita.filippov11@mail.ru

Filippov Nikita Alexandrovich – graduate student of the Department of Media Communications and Journalism, ANOVO «Moscow International University»

Чепкасова Елена Александровна – кандидат экономических наук, проректор по учебно-научной работе и молодежной политике, АНО ВО «Московский Международный Университет»

e-mail: e.chepkasova@mmu.ru

Chepkasova Elena Aleksandrovna – candidate of Economic Sciences, Vice-Rector for Academic and Research Work and Youth Policy, ANOVO “Moscow International University”

Четвертухин Максим Сергеевич – магистрант кафедры «Медиалингвистика и межкультурная коммуникация», АНО ВО «Московский международный университет»

e-mail: chetvarqe@inbox.ru

Maxim S. Chetvertukhin – Master of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, ANO VO “Moscow International University”

Шмагрина Наталья Вадимовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Лингвистики и межкультурной коммуникации», АНО ВО «Московский международный университет»

e-mail: natula198080@mmu.ru

Shmagrinskaya Natalia Vadimovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow International University